

МБ

ISSN 0236—3283

8/91

**ЛИШНИЙ РУБЛЬ
ПАЦАНА
НЕ ИСПОРТИТ**

Главный редактор
Александр АЛЕКСАНДРОВИЧ БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Игорь ВАСИЛЬЕВ
(ответственный секретарь)
Андрей КОСЕНКИН
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(заместитель главного редактора)

Художественный редактор
Елена СОКОВА

На первой странице обложки
фото Анатолия ЗЫБИНА

Адрес редакции:
107005, Москва, Б-5, аб. ящик №1.
По всем вопросам экспедирования
и полиграфического исполнения
обращаться в издательство «Дом»

© «МЫ», 1991
Издательство «Дом»
Советского детского фонда
имени В. И. Ленина
Адрес: 101963, Москва,
Армянский переулок, 11/2А.
Телефон: 923-66-61

Отпечатано в типографии
А/О Принт-Юктыг
Соинпринт Финляндия

Сдано в набор 07.05.91 г.
Подписано в печать 24.05.91 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,1.
—изд. л. 12,72. Тираж 1000000

8/91

ОСНОВАН В 1990 ГОДУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Стукалов. Лишний рубль пацана не испортит2

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

- Андрей Молчанов. Брайтон-Бич авеню.
Повесть. Окончание10
Зарубежная фантастика.
Роберт А. Хайнлайн. Звездный зверь. Роман.
Перевод с английского. Окончание.76
Татьяна Бек. Я – здесь... Стихи о любви70

ПРОБА ПЕРА

Марианна Ясемчик. По рваным откосам. Стихи.183

НАШЕ ПРОШЛОЕ

Роберт К. Мэйсси. Николай и Александра. Главы
из книги. Перевод с английского. Окончание.154

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Душа и тело. Беседы доктора И. И. Соковни133
Письма в «Мы»6
Ищу друга185

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Андрей Кокарев. Порочная примадонна.136

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Николай Непомнящий. Кошки предсказывают будущее . .144
Елена Ананьева. «И постепенно уходят
все комплексы...»178
Мисс КГБ: нападать на нее не советуем.72
Музыкальные страницы188

ХОЧЕШЬ
БЫТЬ ДЕЛОВЫМ?

Владимир СТУКАЛОВ

ЛИШНИЙ РУБЛЬ

ПАЦАНА НЕ ИСПОРТИТ

— Если будете в нашем городе, обязательно заходите к нам, в школьный кооператив,— говорили мне мои случайные попутчицы Аня Дмитриева и Таня Воропаева.— И даже если приедете летом, все равно найдете нас там.

— А как же каникулы? — спросил я.

— Мы работаем все лето,— ответили девчонки. И, видя мое удивление, добавили: — Но, во-первых, не полный день мы на работе. А потом привыкли трудиться в течение всего учебного года, конечно, в свободное от занятий время. И, во-вторых, без работы мы себя уже не представляем...

Я забыл об этой встрече. И вот недавно, будучи в командировке в Саратове, вспомнил о разговоре и поехал в город Энгельс, где в школе № 1 вот уже более года работает кооператив «Школьный завод».

Да, это действительно мини-завод со своими цехами и мастерскими, складскими помеще-

ниями и даже со своей бухгалтерией. Расположен он в старом помещении школы, а учатся ребята в красивом новом здании, построенном по проекту немецких архитекторов, с просторными светлыми классами и лабораториями, стадионом и плавательным бассейном, ботаническим садом.

...На входной двери рядом с вывеской «Средняя школа № 1» висело объявление: «Первый в области школьный магазин приглашает купить товары в кооперативе «Школьный завод». Дешево, надежно, современно!» Человек пятнадцать взрослых ждали его открытия. Занял очередь и я. Разговорился с молодой женщиной.

— Я не в первый раз прихожу сюда, — рассказывает она. — Привлекает ассортимент — юбки, колготки, вязаные кофточки, шарфы, детские костюмчики... Такого в наших городских магазинах не увидишь, да и цены там «кусаются». А здесь ребята очень качественный товар предлагают и недорого. Я часто прихожу сюда и без покупки не ухожу.

В вязаных изделиях собственного производства ходят школьники и учителя, пользуются спросом они у горожан, впрочем, так же, как и все, что выпускается швейным цехом.

— Девочки не только с удовольствием шьют, но и реализуют свою продукцию, — рассказывает преподаватель швейного производства Н.Чепеленко. — И не только продают, но и одно-

ременно изучают покупательский спрос. Так появились среди прочей продукции цеха детские летние костюмчики, платья больших размеров для взрослых. На семь тысяч рублей нашли за полгода девчонки. Возврата от покупательниц нет.

С февраля прошлого года, когда кооператив был зарегистрирован и открыт счет в банке, его оборот составил 100 тысяч рублей в год, в плане — 200—300 тысяч рублей. А сколько же зарабатывают ребята?

— В день бывает больше 20 рублей — и это за четыре часа работы, — рассказывает моя попутчица Аня Дмитриева. — На заработанные деньги питаюсь в школе, покупаю себе одежду, хожу в кино и театры... Словом, экономически самостоятельна, а бывает, что отдаю родителям часть зарплаты.

Некоторые девочки — например, Таня Воропаева и Оля Плеханова — работают в кооперативе вместе со своими мамами. Почему же охотно идут на школьный завод даже взрослые?

— В прошлом году я ушла на пенсию, а с января работаю здесь, — говорит бывшая работница объединения «Химволокно» З. Жидкова. — В месяц зарплата до 300 рублей выходит. Прихожу в свободное время, очень удобно. К тому же если мать работает рядом со своим ребенком, да еще и живут на заработанные вместе деньги — это же здорово.

Только за квартал учащимся — а их около трехсот человек — выплачено 15 тысяч руб-

лей. Некоторые получили еще и премию за хорошую работу и перевыполнение плана. За месяц выпущено продукции на 13 тысяч рублей.

— Сейчас мы вкладываем большие деньги в развитие кооператива, — рассказывает директор школы В. Муромцев. — Через год-два вернутся они в десятикратном размере. И доходы, естественно, будут больше.

А чтобы могли ребята больше получать, совет трудового коллектива, состоящий, кстати, из ребят, постоянно думает о расширении ассортимента изделий, об организации новых производств. Так, узнали ребята, что в стране всего одна фабрика, изготавливающая так называемые перчаточные куклы — те, что видим в кукольных спектаклях, — а спрос на них большой. И решили открыть кукольный цех. Комплекты кукол уже приобрели несколько детских садов, есть заказы от гороно, школ из других городов и сел области.

Кукольный цех не только самый «молодой» на заводе. Он отличается от других еще и тем, что трудятся здесь ребята начиная со второго класса. Желающих так много, что пришлось даже проводить конкурс. Учитывалась не только успеваемость, но и умение рисовать и лепить, потому что ребятам приходится самим разрабатывать эскизы кукол, отливать формы из гипса с пластилинового слепка, шить.

Я ходил по цехам, любовался их техническим оснащением, добротными и привлекательными из-

делиями. Заметил, что в основном работают на заводе девочки. А что же мальчишки? Действительно, в кооперативе их пока мало. Но уже заключен договор с Энгельским заводом спецавтомобилей, и школа начала выпускать велобегунки «Скороход» (их ежегодно будет производиться три-четыре тысячи штук), складные ученические столики, игрушку «Парашютист». Выгода получилась обоюдная: завод решил проблему выпуска ширпотреба (для чего у него нет рабочих), а школа — вопрос занятости мальчишек. Да и средств у кооператива прибавилось.

Но надо сказать, что до этого в течение года в школьных мастерских создавали производственную базу: усовершенствовали токарный цех, создали слесарный, столярный и механическую мастерскую. Сейчас здесь есть все условия, чтобы изготавливать учебные пособия (в том числе для изучения электроцепей) и астрономическую карту. Ее изобрел донецкий учитель И. Шумило, замечательные отзывы давали космонавты, ученые, но никто не брался за изготовление. В декабре 1988 года школа приобрела у автора карту с надеждой ее изготовить. Сейчас у школьного завода 600 заявок на ее приобретение. Сбывается мечта донецкого учителя — выпуск карты уже начали, она была представлена на первой областной ярмарке изделий учащихся учебных заведений, где получила диплом, экспонировалась и на ВДНХ СССР.

Многие проблемы решены с открытием школьного завода: ребята заняты настоящим делом, их труд хорошо оплачивается, школа стала экономически самостоятельной... Но было бы преувеличением сказать, что все в школе хорошо. Остались нерешенными вопросы, которые появляются всегда, если начинаешь новое дело. Например, самый насущный — где достать сырье, оборудование, хотя бы списанное, отслужившее свой век... Сейчас школьному кооперативу все это приходится выпрашивать на заводах и фабриках.

Не нужно объяснять, чем этот школьный завод отличается от любого другого «взрослого» производства. Он решает прежде всего воспитательную задачу.

И подходы к нему должны быть особые. В настоящее время кооператив платит три процента от дохода в госбюджет, хотя можно было бы его от этого освободить. Ведь все остается детям — в зарплате ли, в средствах, истраченных на развитие самой школы или кооператива...

Проблемы есть. И сразу их не решить. Но коллектив кооператива «Школьный завод» не унывает. Он уже решил взять на себя роль объединения кооперативов, а городские школы войдут в него как коллективные члены. А следовательно, все больше ребят будут заниматься полезным делом, а не слоняться бесцельно по подворотням и подвалам. К тому же пригодятся честно заработанные деньги...

**СТРАШНО ЗА БУДУЩЕЕ
СТРАНЫ**

В вашем журнале я прочел много писем своих сверстников. Честно говоря, даже не верится, что в нашей стране столько умных голов, причем молодых. В жизни, правда, мне такие не встречаются... Меня окружают сверстники, у которых на уме только одно веселье. И мне даже становится страшно за будущее страны. Однако приходит очередной номер журнала — и там опять письма, написанные людьми, которые имеют голову на плечах. И тогда я становлюсь оптимистом.

Дорогая редакция! Вам, наверное, лучше всех известно, сколько у нас в стране думающих молодых людей. И если их немало — растолкуйте, пожалуйста, товарищам взрослым, что наша страна все-таки не пропадет.

Евгений А.
г. Барнаул

перь я вижу по маме, как часто дети неблагодарны к учителям. А ведь они отдают ученикам все свои знания и здоровье. Нередко я и сама в школе наблюдала за поведением учеников на уроке. По классу летают тряпки, мел, бумажки, все время — шепот и визги. Дети срывают уроки. Я стараюсь не кричать и не визжать вместе со всеми, стараюсь слушать учителя, даже если на уроке неинтересно.

Иногда я рассказываю девочкам, как трудно работать учителю (знаю это от мамы), но пока человек сам этого не почувствует, не поймет. Каждый раз после уроков классный руководитель пытается вразумить нас, но те, к кому обращается учитель, не делают никаких выводов.

Лучше я пойду работать в детский сад. Я думаю, что меня многие поймут.

Надя Ч.
г. Киев

**ТРУДНО РАБОТАТЬ
УЧИТЕЛЮ**

Мне тринадцать лет. Я очень люблю детей и хочу стать воспитательницей в детском саду. Раньше я хотела быть учительницей, как моя мама и бабушка, но те-

**УВАЖЕНИЕ
НАДО ЗАСЛУЖИТЬ**

По-моему, сколько существует школа, столько существует и проблема учитель — ученик. Для меня она стоит очень остро.

Мой класс не сказать чтоб

недружный: и поможем мы друг другу, и утешим, но только если нет с нами классного руководителя. От нее все наши беды. Она разделила нас на любимчиков и постылых, на мальчиков и девочек, она запрещает нам, девочкам, общаться и дружить с мальчиками — потому, что мы, по ее мнению, не понимаем ничего в дружбе. Она собирает сплетни, а затем рассказывает их родителям.

Меня она вообще за человека не считает. Я в классе активистка: четыре года была политинформатором, кидовцем, уже больше года работаю комсоргом, выполняю все поручения. Но никогда я не слышала от нее доброго слова — одни вопли, угрозы, упреки! Я не требую похвалы, мне ее не надо. Но работать так — тяжело. Всякое желание и энтузиазм пропадают. Иногда мне хочется ей сказать: «Зачем вы пришли работать в школу, Татьяна Алексеевна? Вы же не любите детей. Мы страдаем от ваших постоянных криков, ведь перепонки не железные. За глаза, ведь за глаза вас проклинают все до единого, даже ваши любимчики!»

Я давно вступила с ней в открытую борьбу. Мальчишки меня подбадривают, говорят: «Не сдавайся, Аня! Мы тебя поддержим». Спасибо и им, и девочкам, понимают.

Я говорю ей в лицо все, что думаю. Да и родителям давно все ясно: моя мама, как и многие другие родители, отказалась ходить на родительские собрания. Ей неинтересны ее сплетни.

Я знаю — есть учителя понимающие, добрые, есть они и в нашей школе. Удовольствие доставляет учить тот предмет, что преподает твой любимый учитель, человек, которого ты искренне уважаешь. А наша классная как-то сказала: «Я требую от вас уважения». Но, согласитесь, уважения нельзя требовать — его нужно заслужить! Для нее работа в школе — каторга. А для детей это — болезнь, и болезнь эта опасная: называется она ненавистью к школе!

Я не хочу вырасти злой, я хочу быть честной и справедливой. Моя мечта — стать учителем, и она осуществится, я знаю. Я буду хорошим педагогом, а не случайным человеком в школе, который ходит туда из-за денег.

Аня, 15 лет
Красноярский край

ОН БЫЛ ДРУГИМ ЧЕЛОВЕКОМ...

Парень, с которым я встречаюсь уже три года, начал играть в карты. Про-

изошло это полтора года назад. До этого он был совсем другим человеком — добрым и отзывчивым. А теперь в нем все изменилось.

Его интересуют только деньги! Он стал нервным, неуравновешенным. А его прекрасные добрые глаза стали злыми, недоверчивыми.

Каждый раз, когда мы расстаемся, во мне поселяется какая-то тревога. Я жду, что в следующий раз увижу его избитым и покалеченным — мало ли что может случиться, если ему нечем будет заплатить проигрыш. Картежники — жестокие люди!

Я и сама изменилась. Меня перестали интересовать книги, музыка, друзья, учеба. Родители никак не могут понять, что со мной происходит. А все потому, что я боюсь потерять Игоря. Ведь дороже человека для меня нет.

Любить карты могут только люди, потерянные для общества. Сколько несчастий принесли карты!

Боюсь, что несчастье придет и в наш дом. Ведь Игорь не прекратит играть, не станет таким, как раньше. А ведь мы с ним мечтали жить в большом, светлом доме, мечтали иметь много красивых, здоровых детей... А теперь этому уже не осуществиться, хотя я люблю его по-прежнему.

Оля Г.
Ташкент

ФАНАТЫ — НЕ ПРАВЯТСЯ!

Я хочу поразмыслить о фанатизме, в частности об «Алисе» и ее фанатах. Вот они нахулиганили в метро. Возможно, я не права, но мне кажется, что на концерты «Алисы» специально ходят хулиганы, которые знают, что если они побьют фонари в метро, то свалят все на музыку Кинчева. На его концерты, по-моему, приходит очень немного тех, кто действительно интересуется музыкой. Я была на концерте «Алисы», и мне не захотелось кому-то угрожать, кого-то бить и т. д. Кинчев не в песнях, а между ними нагнетает обстановку, к тому же на концертах всегда большое чувство толпы — все делают, и я буду, один разбил окно, а почему бы и мне... Мне кажется, что на концерты «Алисы» половина зрителей идет затем, чтобы потом что-то натворить, а не послушать Кинчева. Человек, который любит «Алису», не будет делать хуже этой группе.

А вот фанаты... Не нравится мне это слово. Фанат — это человек, который немножко помешался, но главная его беда — то, что он непримирим к тем, кто не разделяет его взгляды. А такая нетерпимость ничем хорошим кончиться не может.

Светка. 14 лет
Ленинград

КАК ОТУЧИТЬСЯ ВРАТЬ

Умоляю, помогите мне отучиться врать! Я вру на каждом шагу. Мама говорит: «Говори правду и не ври, и все тут». Но я не могу, не могу говорить правду!

Однажды я наврала даже папе, хотя ему я иногда говорю правду. Но потом мне было стыдно смотреть ему в глаза. А маме тем более.

Как же мне отучиться врать? Господи, за что...

Надя
Ленинград

НЕ ДАМ СЕБЯ В ОБИДУ

Мне 16 лет. Я пока не собираюсь выходить замуж — пока не встретила достойного человека. И я не верю в современных пацанов. Такое ощущение, что все они охамели. По внешности я совсем не девочка легкого поведения. Так почему же ко мне все время пристают — «давай трахнемся»? А у меня гордости до фига и больше. Ни за что не дам себя в обиду. Чтобы спастись от пацанов, приходится применять силу, драться за свою честь. Я уже полгода занимаюсь у-шу, дерусь нормально.

Пацаны мне не верят, что я не хочу близости с ними, не люблю целоваться — мне это неприятно. Почему они хотят проверить на деле, девочка я или нет? Одна такая

защита чести мне обошлась потерей зуба. Я дралась, и в драке мне выбили зуб. И мне его не жалко, главное — я отстояла свою честь. А парни, которые меня уговаривали, утверждали: «Ты должна благодарить меня за то, что я хочу тебя сделать счастливой». Многообещающие речи!

Почему мне не верят?

Оля К.
г. Ожерелье Московской обл.

ЭТО КОНЧАЕТСЯ ФИГОВО

Мне всего тринадцать лет. С десяти лет я гуляла с одной компанией — ходили по подвалам, по чердакам. Все, конечно, пили, курили, но меня никто не смог соблазнить этим. Я себя переборола. Конечно, компашка надо мной посмеивалась, но я не позволяла им этого делать.

А потом я с ними порвала. Но сделать это было очень трудно! Мне помог мой парень. Я поняла, что невозможно так жить. И теперь я гуляю только со своим парнем, который меня любит и уважает. Мне легко жить! На своем опыте говорю — не стоит девчонкам связываться с разными компаниями или с тусовками. Это кончается фигово, и вся долгая будущая жизнь может оказаться разбитой навсегда.

Наталья П.
Москва

Андрей МОЛЧАНОВ

БРАЙТОН-БИЧ АВЕНЮ

ПОВЕСТЬ

ИЗ ЖИЗНИ АДОЛЬФА БЕРНАЦКОГО

Наверное, именно по возвращении в Нью-Йорк Алик понял, что безнадежно постарел... Шалили сосуды, скакало давление, ныл крестец от долгого сидения в машине, к близорукости прибавилась напасть дальнорукости, и пришлось разориться на сложные двойные стекла для очков. Вставить чуть свет на таксистскую службу было мукой, а для самой службы элементарно недоставало сил. Изматывало и безденежье. Пришлось вскоре продать прозорливый «Линкольн» и приобрести более экономичный «Крайслер нью-йоркер» с японским движком и бортовым компьютером, каждый раз при открытии дверцы механическим голосом приказывающим застегнуть ремни и говорящим, если подчинялись его команде, «спасибо». Алика это умиляло. Компьютер также сообщал о неисправностях, возникающих в автомобиле, но иногда ошибался — что-то в нем замыкало. Сам по себе автомобиль был небольшим, но удобным: салон обтянут лайкой, отделан карельской березой, кресла на электроприводе, цифровая магнитола... С такой тележкой вполне можно было устроиться в «Лимузин-сервис», куда Алика взяли бы даже без спецномера, по дружбе, однако контора располагалась в глубине Манхэттена, и добираться туда с рассветом, чтобы, возвратившись в полночь домой, рухнуть на топчан в подвале, Адольфу не жаждалось. Устроился в «Кар-сервис»¹ на Брайтоне на подхвате. Работа шла слабенько, выходило от тридцати до пятидесяти долларов в день, «Крайслер» барахлил, а ремонт съедал едва ли не все заработанное. С любимых сигарет «Салэм» Алик перешел на дешевку — «Малибу», «Вайсрой», «Белэйр», начал выгадывать на еде... Единственной удачей был день, когда в очередной раз на перешейке метро «Бруклин — Манхэттен» прорвало подвальный тоннель и публику пришлось перевозить на машинах в ударном порядке. Народ «голосовал» на тротуарах, как в России, Алик снимал по четыре пассажира за раз и заработал в тот день пятьсот зеленых, но затем от перенапряжения не мог встать с дивана неделю, так что в итоге все равно получилось кислогато.

Окончание. Начало в № 7

¹ Второразряднов такси, вызывавмов по телефону

Начавшаяся перестройка открыла Алику дорогу назад, в Россию, многие неудачники уже отчалили туда, подумывал и Адольф: ведь там старая мама, квартира, а вдруг и заработает он чуть-чуть, обменяет зеленые на деревянные по громадному коэффициенту, что здесь, на Брайтоне, проще простого: здесь отдаст, там получит или наоборот... А уж коэффициент на Брайтоне самый высокий, тут рады лишь бы как обменять, дабы заполучить реальные деньги, а не те, прошлые, микки-маус-мани — игрушечные...

Так размышлял Алик, копаясь в багажнике своего «Крайслера», когда почувствовал неожиданно настойчивую боль в ногах чуть выше колен и сообразил тут, что к бамперу собственной машины придавливает его бампер машины иной, придавливает планомерно и беспощадно. Боль стала невыносимой, Алик заорал что есть мочи, и водитель, неудачно парковавший грузовик, подал вперед. Адольф грохнулся на асфальт, хватая ртом воздух.

Грузовик принадлежал богатой компании «Пепсико», и Алик смело подал на компанию в суд.

Два Аликиных синяка обошлись капиталистам в сто тысяч долларов, но половину суммы забрал адвокат, не без труда выигравший процесс, ибо адвокат компании выдвинул версию, будто мистер Бернацкий подставился под грузовик с умыслом.

Алик, тряся на суде костылями, бросал в сторону враждебного адвоката испепеляющие взоры и русские нецензурные слова, чем, видимо, убедил судью в своей правоте. Костыли, говоря по правде, были использованы так, театра ради, посоветовали умные люди.

Пятьдесят тысяч для среднего нормально работающего американца — сумма, ничего принципиально в жизни не определяющая, однако для Алика — богатство. Пять тысяч было пропито на радостях в течение недели. Бары, казино в Атлантик-сити, распутные жизнерадостные девочки, прогулки на яхте в океан...

Вылечив очередную легкую венерическую болезнь, Бернацкий призадумался. Можно было выбраться из подвала, снять приличную квартиру, пожить широко, однако Алик рассудил иначе.

Подвал сэкономил едва ли не полтысячи долларов в месяц, от загулов Адольф уже подустал, а вот найти бы стабильную работенку...

Друг Фима, приотивший когда-то Алика в Сан-Франциско, а ныне в Нью-Йорке, предложил подрабатывать у него в страховом агентстве — охмурять клиентов, работающих за наличные и уклоняющихся от налогов: дескать, вложи под проценты деньги из чулка в страхование по специальной программе и отмоешь заработок с выгодой... Однако Алик с трудом уяснял детали сложного бизнеса, от его английского произношения шарахались, оставалось попробовать удачи на русскоязычном Брайтоне, но Брайтон Фима охватывал самостоятельно и конкуренции бы не потерпел.

На некоторое время Алик устроился в похоронном бюро по доставке цветков и веночков, но бюро прогорало, зарплата выплачивалась нерегулярно, и Алик, заявив хозяину, что он не волонтер, бесплатно уже коммунизм в отдельно взятой стране отстроил, уволился.

После трудился инструктором по вождению автомобиля в подпольной школе у оборотистого паренька Леши, катался на стареньком «стэйшн-вагене»¹ по тихим улочкам Манхэттен-Бич с новоприбывшими эмигрантами и, с тоской глядя на часы, командовал им: разворот в три приема, парковка, полная остановка... Пятьдесят долларов в день зарабатывалось стабильно, но работа отличалась удручающим однообразием и к тому же — унижительностью. Эти новоприбывшие, платившие Алику свои последние гроши из пособий, напористо входили в суету эмигрантского бытия, входили с энтузиазмом и верой, а Алик уже пережил все их будущие взлеты и разочарования и презирал это их будущее потенциальных лавочников, таксистов и микроскопических служащих, обретающихся на задворках сытой Америки и довольствующихся крохами. Алик крепко уяснил истину: Америка — для американцев. А американцем становишься лишь с рождением в Америке. Исключения, конечно, существовали. Но редчайшие из талантливых и умелых завоевывали себе имена, авторитеты, серьезные деньги. В болоте же Брайтона в основном лежали караси в иле. Некоторые из карасей — зубастые, однако с мозгами, интеллектом и реакцией все-таки карасиными. До щук и акул, резвящихся в чистых водах крупного бизнеса, всем им было далеке.

Сравнивая свое советское и американское существование, Алик пришел к мысли, что там, в Союзе, для него, да и для многих из перебежчиков все-таки лучше. Дешевое жильё, всеобщая нищета, бездумие... В Стране Советов можно было всю жизнь пролежать на диване, нигде не работая, и — не пропадешь... Главное — не высываться. Вновь стукнуло в голову: вернуться! Приехать в родной Свердловск с кучей барахла и сувениров, денег обменять по спекулятивному курсу — миллион будет! Продукты с рынка, хорошая машина, девочки... И ведь все реально! Не зря же он страдал в Америке...

Однако газета «Новое русское слово» каждодневно устрашала условиями тамошней жизни, возрастающей юдофобией, неотвратимостью прихода к власти «твердой руки»...

Останется тысяч тридцать — слиняю, читая прессу, решал Алик. Нет... двадцать. Все равно хватит! Двадцать на двадцать... Да почти полмиллиона!

Будучи оператором, получая чуть более сотни в месяц, он и думать о таких цифрах не мог, а ведь хватало, жил, даже гулял

¹ Пикап

и развлекался... А уж тут-то никакая инфляция не страшна, лишь бы здоровья хватило...

Алик послал маме письмо: готовься выслать гостевой вызов, жажду узреть свою замечательную родину. Затем совершил вояж за визовыми анкетами в Вашингтон, заполнив их тут же, в автомобиле, и вернув сотруднице консульства.

Через месяц анкеты отбыли почтой в СССР, к маме, которая по версии, изложенной судье в Сан-Франциско, давно почила в бозе. Старушке надлежало сходить в ОВИР, заполнить бумаги, прождать месяцы и, получив наконец разрешение на въезд сына, отправить соответствующую бумагу Алику. Далее бумага вновь направлялась в Вашингтон, в консульство, откуда через месяц приходила виза на въезд в Союз нерушимый.

Процедура мучительная. Неблизкие поездки в Вашингтон экономили месяц-два из процесса оформления, однако принципиальным образом на процедуру волокиты не влияли. Тем не менее Алик не унывал: доллары еще имелись, впереди же маячила перспектива блиц-визита: русские красавицы, отдающиеся за косметику и заколки, пьанки с бывшими соратниками по телевидению, ярлык «американца»...

Сорвалось! А вернее, подфартило. Страховой агент Фима, ответственный квартирный и подвальный съемщик, рекомендовал бедолагу Бернацкого на службу к серьезному боссу Семену Фридману на должность «принеси — подай».

Стал Алик шофером и домохозяйкой при солидном человеке. Возил всяческие непонятные грузы туда-сюда по Нью-Йорку, в соседние штаты, передавал «вэны»¹ с автоматами Калашникова китайского производства покупателям у въездов в трюмы кораблей на ночных причалах и в то же время мирно стряпал на просторной кухне Фридмана, сидел на телефоне, дозваниваясь абонентам хозяина, пылесосил ковры и натирал паркетный пол... Исходя из интересов дела, Фридман предоставил Алику бесплатно подвал в своем доме, и тот, расцеловав благодетеля Фиму, отбыл на новое место обитания.

Две тысячи долларов в месяц наличными, дармовое жилье, о чем более и мечтать?

В бывший родным Свердловск Бернацкий ехать уже не хотел. Да и чего делать в дыре этой? — рассуждал он высокомерно.

ПАРТНЕРЫ

Прибыл Дробызгалов в горячий момент: Мордашка провожал «пассажиров», то бишь покупателей. Трое темнолицых людей — не то туркмены, не то узбеки, уволакивали коробки с аппаратурой:

¹ Микроавтобусы

два телевизора, видеодеку, игровой компьютер и «балалайку» — так именовался кассетный магнитофон.

Помогал им Шарнир — шестерка Мордашки, отлавливающий клиентов у комиссионного магазина и поставляющий за оговоренный процент покупателей патрону. На случай последующих заказов Мордашка отдал покупателям свои визитные карточки мелованной бумаги, где его социальный статус обозначался правдиво: «сторож». Но и двусмысленно. Проводив Шарнира и «пассажиров», прошли в комнату. На столе — пачки денег.

— Ничего себе... — оценил Дробызгалов.

— Да так, — отмахнулся Мордашка. — Навара две штуки с хвостиком. Ударчик.

— Поделись, — проронил Дробызгалов.

— Не, — ухмыльнулся Мордашка. — Это из моих сребреников иудиных... Кровное.

— Так, — произнес Дробызгалов, оглядывая заставленную коробками гостиную. — А я к тебе с тухлыми новостями, Мишель.

— Иного и не ожидаю, — рассеянно отозвался Мордашка, ссылая деньги в полиэтиленовый пакет.

— В общем... конец нам, — сказал Дробызгалов. — Обоим.

— Чего? — посерьезнел Мордашка.

— Дело с Грушей и его гоп-компанией прокуратура крутит. Ну а по показаниям ты в деле, прокурор настроен непримиримо...

— Хрена себе! — воскликнул Мордашка. — Вы ж меня сами...

— А им плевать, — резко оборвал его Дробызгалов. — Давлю на шефа, а он с прокуратурой ссориться не желает... Да и тебя шеф не очень-то жалует. Зажрался, говорит. Пусть посидит на баланде.

— Так какого я на вас пашу...

— А такого! — Дробызгалов ощерился. — Если бы не работал на нас, давно бы куковал. А так — влепят по минимуму.

— Как это влепят?! — изумился Мордашка. — Как это?.. Да я... я... заявление прокурору, а если до суда дойдет, то и...

— Какое еще заявление? — сморщился Дробызгалов. — Ты чего? Из тебя кисель сварят... На тебя всех волков спустят... Не ты первый! Молчать будешь и кивать, ясно? А пожалуешься... чего ж? Шеф открестится: не знаю, не ведаю, ложь. Ты что, офицер органов? Так, стукачок. А сам про то ведаешь. Ну а вякнешь — раскрутят на полную катушку. На тебя оперданных — тонны бумаги.

— И... никак ничего?.. — Голос Мордашки дрогнул.

— Главное, мне хана, — сказал Дробызгалов. — Из-за тебя. Провалил, не обеспечил, то се... Чепе, по нашим установкам. Пишу рапорт и — на улицу. Но, в отличие от тебя, барыги, денег у меня — ноль. Могу, конечно, в спекулянты, но тогда — ты еще первые кирзачи не стопчешь, а я уже к тебе в соседи по

нарам оформляться приеду... Мне такой роскоши не позволят. Мне только честно прозябать. В дворниках. — Дробызгалов говорил, сам же наливаясь злобой и отчаянием.

— Слушай, а может, заплатим? Шефу твоему, прокурору... а? Договоришься?

Дробызгалов вспомнил прокурора с гладенькими щечками и мерным голосом, замороженные глаза полковника... Хохотнул. А после, едва ли не с ужасом чувствуя, что не в состоянии остановиться, безудержно, с сильным надрывом рассмеялся...

Мордашка схватил его горло, сдавил... Дробызгалов захрипел и — отпустила истерика. Аверин отбросил его в кресло.

— Нервы, мент, — сказал безучастно. — Уйми нервы.

— Взятки... они не возьмут. — Дробызгалов с натугой откашлялся. — Такие козлы...

— Ну и делать чего?

— Есть выход, — сказал Дробызгалов. — Они тоже у нас на крючке. Фридмана сейчас они крутят... А раскрутить не могут. А потому крепко на тебя и на меня рассчитывают. За бугор он намылился...

— Знаю. Но при чем я здесь? Или ты?..

— Цепь простая. Фридман — Мордашка. Мордашка — Марина. А Фридман на вывоз ценные бриллианты закупил. На все бабки. Он же у цеховиков в банкирах ходил, там, может, одних долларов на миллион...

— Не выйдет номер. — Мордашка открыл бар, механически приложился к початой бутылке ликера. — Он все вывезет. И не засечете. Он хитрый какой, знаешь? И с блатными, и с вашими завязан, да так, что особый отдел не подкопается... мафия! Вывезет! И чистым свалит. К ближайшим родственникам, чинно-благородно, воссоединение семей... Ладно, допустим: узнаю вдруг я, где его брюлики. И чего? Вам их передаю в торжественной обстановке? Да меня же за такой презент вмиг удушат. Не на воле, значит, в тюрьге. А коли туда мне путь так и так лежит...

— Слушай, — перебил Дробызгалов, — а... сеструха?

— Вопрос кстати, — кивнул Мордашка. — У них на днях разбор с Фридманом был. Катастрофа. Пронюхал он про сеструху. Плакала мне вчера. Она же девка с мозгами, любовь закрутила прямо-таки по сценарию фильма для целомудренных деток: чтобы все на уровне воздыханий и невинных поцелуев, а уж половой акт после свадьбы и титров. Крутила динамо — будь-будь! Ну Фридман бродил вокруг, облизывался, пылал изнутри... И подарки ей, и брюлики в уши, на пальчики, и виды на Штаты... А тут кто-то стукнул... Привет! Провал спектакля, занавес стремительно опущен.

— Вот... как, — только-то и произнес Дробызгалов.

— Ага, — подтвердил Мордашка лениво. — А насчет капиталца

его она тоже, по-моему, интересовалась... Но хрен чего узнала. Только однажды по пьянке шепнул ей, что система у него глухая... Никому не добраться. Думаешь, не ведает он, что его вынюхивают? Ведает. Одна охрана его чего стоит!

— У тебя, если посчитать, не так и густо, не Ротшильд, — произнес Дробызгалов невпопад, — у меня круглый ноль, а Маринка тоже не из клана Дукакисов... Так ведь? Я на улице, ты в зону, а ей по постелям валяться, все наши перспективы. Но пока мы втроем, мы — сила. Вынем из Фридмана брюлики, сделаем все на уровне, вот и задел. А с заделом... сам понимаешь. Живи и живи. Ты выйдешь и — фьють в другой город, от нас, милицейских, подальше, я подскажу куда... А Маринка с твердой валютой на руках договорится с каким-нибудь бедным америкашкой, чтобы увез ее. Выкопает немного из-под камня, вот и замужество. А там — лимон по минимуму, верь, товарищ! И я могу невесту купить, и ты...

— Болтаешь... — отвернулся Мордашка с раздражением. — Чего ты из него вынешь, из Фридмана, кроме дерьма? Ну, вынул даже... Знаешь, какие разборы начнутся? Тушите свет. От меня и тебя ничего не останется. Слизь кровавая. Никакая ментовка не защитит! Никто не защитит! Ни контора, ни армия! Если в заместители Президента только наняться, чтобы за броней и за автоматами жить... Но туда — невпротык. А если и попадешь, тогда фридмановские дела вроде без надобности... хе.

— Единственный выход, — произнес Дробызгалов тупо.

— Да как, как?! — взвинчивался Мордашка. — Проследить где, чего и тайно изъять? Не вышло и не выйдет. Прижать его? Попробуй! К нему подожди — шею враз открутят. А если и возьмешь чего, все вместе с процентами с душой обратно вытряхнут... Он же, помимо прочего, наверняка крупным блатным очень в Америке нужен! Он — их гарант там, база...

— Не пугай, — произнес Дробызгалов. — Нет невыполнимых задач. Техническую сторону дела беру на себя. А в деле — трое. Ты, Маринка и я. Три равные доли. Твоя задача — подписать Маринку. Будет у нее готовность...

— Говорю же! Кончился роман, разбежались они...

— Будет у нее готовность... — с нажимом повторил Дробызгалов.

— То есть?

— А ты с ней обговори... Ситуацию. И скоренько, не мешкая. Можешь ведь?

— Ну...

— Вот и ну. Подпишешь ее хотя бы морально, и то ладно. Учти: покада вертим это дело, ты на свободе, а я при погонах... А там — куда кривая вынесет.

— А до мокрого не дойдет?

— Не твои заботы. Мое дело. Если из окна Фридман, к примеру,

сиганет, туда ему и дорога, скажут. А кто будет следствие по самоубийству, скажем, вести... это опять-таки я позабочусь. Коро-че. Твоя задача — разговор с Маринкой. Пусть пораскинет мозгами, ей много виднее...

— Так... — Мордашка полез в письменный стол, достал какие-то бумаги. — Вот. — Положил перед Евгением. — Это — гостевой вызов в город Берлин. Фотографии. Оформляешь мне паспорт. Как гарантию хотя бы.

— Понял, — наклонил голову Дробызгалов. — Справедливо. Будет готово на следующей неделе. Но! Ты мне Фрийдмана, я тебе паспорт.

— Нет, — сказал Мордашка. — Наоборот.

— Нет, Мишуля, — сказал Евгений. — Не наоборот.

Выходя от Мордашки, Дробызгалов подумал, что хотя и разыгрывал спектакль, вступая якобы в стовор со спекулянтом и сестрицей его, а ведь кто знает, вдруг и заполучит он эти бриллианты? И вовсе не для официальной их передачи неблагодарному руководству... Если помечтать в таком направлении, то исчезнувший из поля зрения Фрийдман вызовет, конечно, скандал, но да и пусть вызывает, он, Дробызгалов, выкрутится. А Валера вдруг да и переселится в надежный подвал с чугунной дверью, есть этакий в капитальном подzemелье одного из старых домов в районе... И есть те, кто в подвале мог бы заняться обработкой Фрийдмана. Народец — зверье, сволочи отпетые, но, главное, судьбы их от Дробызгалова зависят, а кроме того — шавки они, прилпатенная мразь, а значит, будут вне подозрений мафии, ибо нити, ведущие к исчезновению Фрийдмана, начнут искать разные крестные отцы у себя же, своих начнут трясти — профессионалов высокого полета и квалификации...

Мечты, мечты... Попробуй заволоки этого Фрийдмана в подвал, как бы самому в нем не очутиться, это куда реальнее... А в теории, конечно, все рисуется здорово, даже если придется камушки сдать согласно описи. Будет результат, и пытки в подвале легко спишутся на счет неопознанной группы рэкетиров-гастролеров, да и кто будет копаться в подробностях?..

Мечты, мечты...

ФРИЙДМАН-МЛАДШИЙ

Еще с утра накатило раздражение... Это состояние не отпускало его уже с год, да, где-то так. И копилось раздражение, как он понимал, уже давно, едва ли не всю жизнь копилось. А сейчас, когда разобрался он в этой своей жизни, когда понял ее всю, раздражение и не отпускает... Сорок два года. Прожитых бездарно, впустую. Вот они: школа с армейской дисциплиной, пионерлагеря с их тупыми мероприятиями — взвейтесь-развейтесь, после —

армия: внутренние войска, два года на вышке с автоматом, зековские «пятерки», «мазы» с решетчатыми каркасами, сырая казарма, офицерье, хлещущее водку и отсиживающее свои двадцать пять лет до пенсии по другой стороне забора зоны; опять-таки идеологические выкрутасы о священном долге, об охране мирного сна тружеников; дедовщина, караулы, колючая проволока... Затем физтех... Отец с братом уехали, а ему, Валерию, диплом физтеха мощным стал тормозом: отказ за отказом... Ну и пошло-поехало: фарцовка, совмещенная с должностями то библиотекаря, то курьера... Хорошо, познакомился с деловыми людьми, стал их подручным и быстренько нахватался знаний в университете подпольной жизни. В двадцать девять лет выбился в крупные цеховики. Чем не занимался: и лострами пластмассовыми под «але-хрусталь», и брошками-бабочками, и запонками... К тридцати двум «набил» свой «лимон». Хороши были брежневские времена. Денег — только нагнись и собирай. И схема проста: купи всех и делай, что хочешь. Да, славные годы. Но и развратили его, затуманили перспективу. Думал, до бесконечности все так и будет, думал, раз «лимон» в кармане, значит, шабаш, всюду и все можно и рыпаться некуда. Живи и грейся. А что вышло? Сейчас этот «лимон» — бумага. А жизнь — каждодневное ожидание непредсказуемых перемен. Люди в разброде, экономика в развале. У людей открылись глаза на свой рабский труд за жалкие гроши под ударными, фальшивыми лозунгами, и промышленность начала стопориться. В воздухе витала угроза гражданской войны, эмиграция нарастала, и Фридман подумал, что не воспользоваться шансом для спасения собственной жизни попросту глупо. К тому же ходить в золоте среди дерьма стало тягостно и скучно. Ему, конечно, было далеко до элиты с ее распределителями, заграницами и домами отдыха, но жил-то он лучше ее, пусть за все переплачивал, начиная от колбасы и сигарет и кончая путевками в райский уголок Дагомыса. Но жить так он уже не хотел. Перестройка открыла ему дверь за рубеж, однако в суть ее он абсолютно не верил. Для воплощения провозглашенных задач требовался качественный скачок, а... кому прыгать? Семьдесят лет поджилки у народа резали, создали нацию инвалидов, какие теперь рекорды? Прогрессивные кооператоры? Эти вызывали у Фридмана невеселую усмешку. Усматривал он в их рваческом копошении нечто от капитализма начального периода развития, а если так — еще на полвека уготованы стране муки и кризисы... Депутатский телевизионный треп вызывал откровенную скуку, и два пути развития общества усматривал Фридман в данной смутной ситуации: либо к власти придет новоявленный пиночет собственного разлива, государство снова утянет в вековую колею централизованного командного управления, либо демократическая вакханалия превратит Союз

в странный конгломерат раздробленных и нестыкующихся форм, что устоятся, когда рухнет последний оплот государственного монополистического капитализма, в котором Валерий Фридман родился, вырос и прожил жизнь. Но не скоро он рухнет. Много еще слов произнесется, много прольется крови и слез... Перестройка — пора утраты иллюзий. За это Фридман был перестройке благодарен. Корабль, на котором он плыл, дал течи по всему корпусу, потерял курс, и он, несколько не смущенный сравнением своей личности с представителями грызунов, бежал с этого корабля на иной по тонкому, готовому в любой момент стинуть мостику.

Вначале навестил Валерий брата Семена, прибыв в США по гостевому вызову. Сбылась мечта увидеть Америку. Погостил бедный родственник у родственника богатого, искупался в океане, побродил по Уолл-стрит и Брайтон-Бич авеню — двум противоположностям Нью-Йорка, обозрел великолепные небоскребы и огромные мосты — монстры по сравнению с московскими; поел устриц с шампанским, ананасов и киви... И запросился домой.

— Сумасшедший! — выговаривал ему старший брат. — Зачем? У меня отличный адвокат, мы утрясем все с иммиграционными властями, оставайся... Деньги из Союза переправим, найдем концы... Ты же рискуешь жизнью, возвращаясь...

Добрый старший брат включал Валерия в семейный бизнес, решал все проблемы, начиная от жилищной и кончая финансовой, но Валерию роль бедного, пусть и любимого родственника не подходила. Ему требовался иной статус. Поездка открыла глаза на многое. В частности на то, что Америка — не калач с медом. И с его запросами там только страдать. Нужны деньги. Заработать их в Америке — удача и лотерея. Другое дело в Союзе. И он сделает их. А уж потом — в зарезервированный рай...

Многое в Штатах его насторожило, многое ему не понравилось. Толпы безграмотных полудурков, не желающих работать, общее устремление делать деньги на комиссионных, не вкладывая особого труда, жесткая эксплуатация нелегальных эмигрантов, честный черный труд за гроши, бестолковая экономика... Экономика на диких кредитах, долгах, резкое падение производства, обилие товаров из Японии, Кореи, Гонконга, даже Венесуэлы и очень мало американских... У него не раз возникала ассоциация с Советским Союзом. Как будто та же страна, но из параллельного космоса... Иная внешне, но с множеством аналогичных внутренних примет.

В итоге же рассудил по-обывательски логично и простенько: дескать, ананасов с устрицами тут на мою жизнь хватит, а если и грянет здесь гром, то уже над моею могилой... При всей своей нескладности и сложнейших проблемах протянет еще Америка

долго... И он в ней не пропадет. Имеется еще остаток жизнелюбия, оборотистости и веселого авантюризма, а это везде спасет... И главное сейчас включиться в российские дела-делишки. Так рассудил Фридман-младший, срочно по возвращении в Союз начавший превращать дензнаки в конъюнктурные на западном рынке бриллианты, крайне дефицитные в СССР, где в основном предлагалась чепуха. Все стоящее уже вывезли. Однако все-таки повезло. По счастливейшему стечению обстоятельств заполучил Валера чудные камни в старинных ювелирных изделиях, еще со времен революции путешествующие с рук на руки, десятилетиями отлежавшиеся в тайниках... Уже одна эта операция обеспечивала безбедное существование в Америке, но Валерий стремился к большему.

Серьезные, деловые круги в кооперативном движении, совместных предприятиях и стремительно набирающей силу мафии Валерия весьма ценили и отъезд его рассматривали как проложение своего канала в сферу международного бизнеса. Фридман оказался в эпицентре крупных экспортно-импортных сделок с Западом. Гнался в порты лес в вагонах, металлы, буксировались списанные в металлолом крейсера по морским просторам... А на счет посреднической фирмы Фридмана-старшего в Нью-Йорке текли деньги. Часть этих денег принадлежала деловым и мафии, организующей контракты и чиновное согласие; брат Семен исправно расплачивался с приезжающими погостить в Америку кредиторами, и те, возвратясь, с большим энтузиазмом организовывали все новые и новые сделки...

Хищники сразу же кинулись на жирные куски, перепавшие им в государственной экономической неразберихе. Но не приманкой ли куски обернутся? И поймут ли, наконец, космически далекие от реалий жизни руководители, что, торгуя телом страны, выгод больших не получишь? Или обязательно нужно довести все до краха и крови? Подобный вариант уже не исключал никто. Корабль государства откровенно тонул, слабенько реагируя на управление кормчих...

Разрешение на въезд в США было Фридманом получено, оставались буквально дни его пребывания в тревожных российских просторах, однако многого он еще не решил. Первое: гарантированную перевозку драгоценностей, хотя соответствующая работа велась в Германии, где у него проживал дядя родом из Поволжья, в свое время умудрившийся доказать, что фамилия Фридман — немецкая, и успешно перебравшийся в Бонн. Дядя вместе с Валерием занимался контрабандой уже долго, так что курьера должен немецкий партнер прислать надежного. Кроме того, завязал дядя бизнес с одним из совместных предприятий, поставив в Союз под гарантию племянника деревообрабатывающее оборудование,

должное настрогать дяде миллионы из российской древесины, гарантии на поставку которой имелись самые твердые. А помимо твердых гарантий существовал еще добрый десяток «пожарных» вариантов. Так что дядя зависел от племянника плотно.

Второй проблемой являлось сложение с себя полномочий преемнику, должному представлять семейный бизнес Фридрихов в Советском Союзе. Преемник был толковым, исполнительным, но многих тонкостей еще не постигал, кое-что воспринимал схематично, поверхностно, пусть и старался... А преемник — основной инструмент, должен быть безотказным и точным...

И, наконец, третья. Все хлопоты порой заслонялись горьким и сугубо личным... Мариной. Познакомился он с ней у Михаила, ее брата, у которого иной раз прикупал что-либо из аппаратуры, кассет, прочего барахла. И ведь влюбился же! Умна девочка, красива, надежна — такой она ему показалась, и чувство обоюдной теплоты родилось сразу же, он нутром это почувствовал, уверовал: вот счастливый итог всему. Вот ради кого нужна ему Америка. Чтобы вытащить девчонку отсюда, раскрыть для нее мир, заботиться о ней, в этом смысл... Он же был чудовищно, обреченно одинок, что осознал совсем недавно, когда схлынул бредовый жар лихорадки накопительности, увеселений и делания денег. Проклятые бумажки — красные, сиреневые, зеленые и коричневые... Они иссушали душу, мозг, отнимали способность радоваться жизни и быть человеком — сострадать, прийти на помощь ближнему, не имея видов на наживу, кому-то наконец просто подарить эти деньги... Ведь ничего же не было: ни семьи, ни любимой женщины, ни друзей, ни настоящего отдыха, ни увлечений. Только бизнес. Черно-белое, без красок и чувств существование. Впрочем, чувства страха, злобы, зависти — эти-то взыгрывали постоянно. Не приходили иные — раскованности, радости, участия, любви... Но они таились под спудом, как ростки под асфальтом. Может, логикой, может, осознанием необходимости спасения души, но хотел Валерий воскрешения в себе человека, хотя знал — с прошлым не порвешь и навсегда въелись в существо его расчет, цинизм, фальшь, страстишка к наживе и сытой, не обремененной трудом жизни, однако — хоть как бы исправиться, чтобы не отказался от тебя Бог и чтобы только не в ад, а в чистилище хотя бы...

Марина... Он ощущал ограниченность этой девочки, черствость, даже духовную пустоту, но одно дело, когда пустота эта приобретенная, другое — когда незаполненная... Он убедил себя, что воспитает ее, сделает счастливой, а уж она даст ему самое важное тепло своей красоты и юности — возможность любить. Любить, хранить, оберегать, делиться, дарить. В этом смысл, в этом. Эмиграция Валерия Марина воспринимала как нечто должное. Политическая и социальная атмосфера родимого государства ей откры-

венно не нравилась, а все остальные детали существенного значения не имели, тем более уезжала она с любимым человеком, способным обеспечить ее всем чем возможно.

Срыв произошел внезапно. Один из знакомых Фридмана, хорошо знавший московских валютных проституток, откровенно удивился: дескать, что за шуры-муры с «группой риска»? Поначалу Фридман оторопел. Он не мог поверить: его, старого волка, провели? Но эти безвинные, прекрасные глаза, одухотворенные чистотой помыслов? Папа — райкомовский деятель, хоть и в отсидке... А братец — спекулянт?.. Вот тебе и папа, и революционный дедушка.. Неужели игра? При доказательном объяснении с ней истина всплыла наружу. Сначала на Валерия обрушился бешеный шквал возмущения, который мог бы показаться гениально-искренним, но затем, под давлением улик, тактика переменялась: начался покаянный скулеж, мольба простить ошибки юности, заклинания в верной любви к нему — единственному и неповторимому...

— Вот. — Он положил перед ней сто долларов. — Раздевайся. А после... подумаем, как нам строить общее светлое будущее и стоит ли его строить. А сейчас поработай. И еще, — упредил, твердо глядя в ее глаза, — без лишних слов и эмоций. Я хочу побывать в роли клиента. Ее уж я заслужил.

Он ушел от нее через полчаса, не сказав ни слова. Ни слова не сказала и она. На том все кончилось.

Брел по улице, сопровождаемый ползущей сзади машиной с охраной, и думал устало, что все-таки прав, решив уехать. Улица была сырой и мрачной, грязь летела от проносящихся мимо легковушек, редко и тускло светили окна в приземистых однотипных домишках, и прошедшая жизнь представлялась таким же отчужденным и убогим пространством, в котором он шел. Быстрее к иным берегам, иным огням... Может, этот порыв от всего прошлого, прыжок в бездну неясного еще нового бытия кончится трагически, но продолжать трагедию сегодняшнюю смысла уже не имело. Тот мир, в котором он замкнуто и привычно скитается, находится рядом с другими, соседними, вероятно, наполненными смыслом, духовностью, однако недостижимыми для него, свет их невидим ему и явно чужд. Он не верит ни в ценности этой страны, ни в надежды, ни в труды людей ее, ни в себя среди них. Он здесь случайно. Он вообще не отсюда.

И тут пришла мысль: «Ты же напортил здесь все, что мог напортить... И эти безысходность и нищета вокруг — дело, к которому и ты приложил руку, да. По-своему, иначе, нежели сановные тираны и идеологи-пустобрехи, но ведь ты паразит сродни им...»

Что же... Прочь отсюда, как с места преступления!

А Марина?..

Его ознобом пробило от воспоминания о ней, как о чем-то

постыдно-мерзком, грязном... Потом же подумалось: а... так ли все просто? Ну ты, ты поставь себя на ее место! Ты требуешь от нее того, что никогда в тебе не присутствовало, дружок. Вот плюнь на все — на ложь ее, игру, подлость, продажность — и — прости. И руку ей протяни. Ведь единственная она, кого ты способен любить, ведь так, так... Рискни. И дай ей шанс. Потому что не все было для нее игрой, существовало ведь нечто большее, не мог он ошибиться... Или ошибся? Нет, не мог.

МАРИНА АВЕРИНА

Утром, после ухода клиента, она обычно отключала телефон и, сменив простыни, приняв душ, спала часов до трех. Последующее время — до семи-восьми вечера — уходило, как правило, на приведение в порядок квартиры, косметику, обед, а после звонила бандерша, направлявшая клиентов; обозначала все виды услуг, плату. Если клиент был проходным — на час, на два, — Марина сама выезжала к бандерше, если же на ночь — готовилась расколоть гостя на предварительное гулянье в ресторане, а после привозила к себе. Ресторан, да еще с пьющим клиентом — удача. В итоге силы подвыпившего иссякают, и, утолив страсть, он спокойноенько засыпает, чтобы утром, получив свое пиво либо аспирин, отправиться восвояси в гостиницу.

Эта ночь была кошмаром. Два итальянца, вылакавшие ящик напитков, но ничуть не захмелевшие, после ресторана прибыли сюда, домой, в полночь, а ушли в восемь утра. Ни минуты сна.

Сидя на свалывшихся простынях, она мертво смотрела на лежащие перед ней купюры, прижатые липкой бутылкой из-под аперитива. Полная окурков пепельница, валявшиеся на ковре рюмки...

Устала... как она устала! И как опротивело все! Но — не остановиться. Грехи, как бандерша говорит, на старости отмолим, а пока надо работать. Время истечет быстро, пролетит несколько лет, и не будет уже ни клиентов по сто долларов за ночь, ни нарядов дареных, ни аперитивов сладеньких... Вернее, все будет, но уже исключительно за ее счет. И счет этот должен быть немал, ох как немал... Главное — валюта. Доллары, марки, франки, кроны. На них можно купить все. И всех. На тот случай, если не подвернется заветная мечта любой проститутки — богатенький женишок. Да только редкость они, богатые и глупые. У всех семьи, дело, а здесь они — погулять, развеяться... Но — бывает. Правда, иное знакомство тут нужно — не через бандершу; театры, разговоры, ухаживания, прочие ритуалы... Длинный и часто бесперспективный путь. Сплошная трата времени. А значит, денег.

Был вот Фридман... Ну, не оттуда, не фирма, а чем, собственно, хуже? Даже лучше, что свой. Никаких проблем с языком, жизненные задачи и цели ясны, денег уйма... Сколько же она времени на него извела, сколько лапши навешала, сколько ролей сыграла... А итог? Полный провал. И ведь унизил он ее, страшно унизил, сволочь, хоть и швырнул столык «гринов», а после с такой рожей, будто в сортир сходил, дверью хлопнул... А она и не шелохнулась даже. Оцепенение нашло, безысходность... А в мозгу равнодушно билась мыслишка: ну и что? Всего полчаса, а та же сотня... А сейчас, как вспомнит те минуты, от злости дрожит. Убила бы его, гада, по кускам бы разрезала...

Решила уснуть — голова болела, сильно мутило от выпитого накануне, но тут позвонил Мишка, братец. Попросил срочно приехать.

— Сам приезжай, — сказала она. — Дела у меня, звонка жду.

— Нет, ты, — принялся торговаться ближайший родственник, а торговаться он умел как никто. — Не приедешь — пожалеешь. Дело есть — все свои позабудешь!

Она проглотила аспирин, запив его минералкой — тусклой, выдохшейся, из незакупоренной бутылки, оставшейся после вчерашней ночи на заляпанном пятнами журнальном столике. Морщась от недосыпания, противного привкуса во рту от перегара, таблеток и минералки, принялась наспех одеваться.

Мишка был сосредоточенно-мрачен. Усадил ее в кресло, выдернул из сети шнур звякнувшего телефона, чего не позволял себе никогда, и сказал:

— Вот, сеструха, есть тут хорошее, понимаешь, дело! С Фридманом контакты остались?

— Никаких, — отрезала она.

— М-да, — наклонил голову братец. — Разругались, расклеилось... Но по делу-то ему позвонить можешь?

— Чего ты крутишь?! — она вздохнула со злостью. Голова разламывалась, глаза резало, а бодренький Миша своими подходцами к разговору раздражал неимоверно.

— Женишок твой бывший, — продолжил Михаил, — состояние свое вбухал в какие-то фантастические брюлики. Сообщили мне про то компетентные люди. Так вот. Давай думать, как брюлики эти у Валеры отнять. Хватит их нам с тобой на всю жизнь.

— Это и есть твое хорошее дело? — произнесла она с презрением. — Да ты с ума сошел... Даже если бы я расписалась с ним, стала бы любимой законной женой, хрен бы мне какие бриллианты и мельком показали...

— А ты думай, думай, — настаивал братец. — Если хочешь закрыть все материальные проблемы своего существования в этом мире. Имею в виду проблемы финансовые... Может, выдернуть его на свидание?.. Но чтобы без свидетелей и охраны.

— Дурак ты... — сказала она беззлобно. — Ничего он не скажет ни под какой пыткой. Все равно уйти живым не дадут, какой смысл? Отпустить его — самоубийство, он же понимает.

— Правильно. Но есть сильные медикаменты и сильные специалисты, их я тебе обещаю.

— Не мое, — покачала Марина головой. — Ну... не мое...

— Ага, — поддакнул братец. — Твое — это жизнью рисковать каждый день, всякую мразь ублажать. Это легче, конечно...

— Все?.. — Она поднялась с кресла.

— Все, — сухо отозвался Михаил. — И вот еще тебе напоследок: реализацию камней в твердой валюте я обеспечиваю. Так что если крупно в жизни сыграть хочешь — единственный, наверное, для тебя шанс. И поторопись. Все решают буквально часы.

КРУИЗ АДОЛЬФА БЕРНАЦКОГО

Поручение Фридмана было кратким и вразумительным: рейсом Нью-Йорк — Лондон отправиться в Великобританию, где сесть на советский океанский лайнер. Далее, совершив двухнедельный круиз по островам и морям, засчитываемый как оплаченный отпуск, вернуться обратно в Лондон, а оттуда соответственно в Америку. Характерная деталь круиза такова: один человек из экипажа лайнера передаст Бернацкому пакет, в котором ювелирные изделия и отдельные камушки, посланные младшим братом Валерой.

Получив документы из туристического бюро и серый неказистый паспорт проживающего в США беженца с необходимыми визами, Адольф отбыл к терминалу «Бритиш эйр лайнз» аэропорта Кеннеди, где его поджидал неприятный сюрприз: рейс на Лондон задерживался из-за какой-то забастовки тамошних служащих. В справочной обещали, что недоразумение вот-вот утрясется, багаж был уже сдан, и взмокший от волнения Алик бегал то пить дорогое пиво в бар, то звонить о задержке рейса Фридману, однако тот не отвечал, а автосекретарь тоже не отзывался. Предстояло принимать самостоятельное решение.

Наконец объявили посадку в самолет. Алик буквально впивался глазами в часы, будто таким образом хотел остановить время. По первоначальному плану интервал между прибытием самолета и отбытием корабля из Лондона составлял пять часов, однако теперь данный промежуток сократился до часа. Поглощая виски, то и дело услужливо подаваемое ему британской стюардессой, Адольф пытался снять нервный стресс. С одной стороны, винить

его, конечно, не в чем, но из опыта Алик знал: взгляды начальства на объективность обстоятельств, воспрепятствовавших осуществить подчиненным желания руководства, всегда необъективны: раз нет результата, виноват исполнитель.

Едва шасси коснулись полосы, Алик поднялся, уже готовый выпрыгнуть из самолета, не дожидаясь подачи трапа.

Коршуном бросился на первое же такси, посулив водителю сто долларов чаевых в случае своевременной его доставки в порт.

Британское такси в стиле «ретро» довольно бойко ринулось в путь, однако, еще не доехав до порта и мчась по набережной Темзы, Адольф заметил необходимое ему судно с флагом Страны Советов, продвигавшееся в направлении океана. Каким образом он объяснялся с шофером, Алик не помнил, однако водитель попался смекалистый, свернул на объездной маршрут и повел машину по узкой внутрипортовой дорожке мимо складов, кранов, вытасненных на берег суденышек и лодок, покуда не затормозил возле облезлой будки, где размещался пост пограничной охраны.

Ощущая прилив лихорадочного энтузиазма и вспоминая невесть откуда всплывающие в памяти слова, Бернацкий проник в будку, застав там трех нетрезвых лиц в форменной одежде и двух девиц явно развратного поведения — это он уяснил сразу своим наметанным оком.

Потрясая серым картонным паспортом, Алик сделал следующее заявление: он — лицо, приближенное к президенту США, сотрудник внешнеполитических служб Белого дома, кому зарезервировано место на советском корабле, требует своей доставки туда, ибо в опоздании его виновны британские власти.

Пограничная стража недоуменно изучила его странный паспорт, не поняв смысла аббревиатуры «лицо без гражданства» и многого иного: к примеру, при спешном заполнении документа пол Алика почему-то обозначили как женский буквой «F», а в графе национальность стояло: «без национальности» — Алик боялся арабских террористов.

Старший чин, вернув загадочный документ владельцу и посмотрев на потрясенных американским языком служащего Белого дома подчиненных, принял радикальное решение, сообщив кому-то по телефону, что, дескать, один из помощников президента США опаздывает на советское судно, уже выбирающееся из Темзы на океанские просторы, и что необходима помощь...

Далее события разворачивались с потрясающей быстротой: к будке подлетели две спецмашины и, взяв такси с Аликом в почетный караул, помчались по закоулкам доков к узенькой пристани, где пофыркивал мощным дизелем пограничный катер.

Покидав на военную посудину чемоданы Адольфа и проводив его по вибрирующему трапу на палубу, полицейские застыли на

пристани, отдавая высокому гостю честь. С ними же стоял и растерянный таксист, с которым Алик расплатиться не успел.

Бернацкий же тем временем стремительно приближался к советскому лайнеру, задержанному пограничными властями. Алик и не подозревал о замешательстве капитана, срочном совещании командного состава судна: не международная ли провокация? — о радисте, лихорадочно отбывающем секретную депешу, о докладах по английским инстанциям...

Обязанного веревками, безжалостно врезавшимися в прекрасный итальянский костюм, Адольфа вместе с чемоданами вздернули на палубу советского корабля.

Первое, что увидел Алик, — капитана с простым рязанским лицом, на котором дергалась нервная и одновременно гадливая улыбка.

— Господин... Бернацкий? — произнес капитан с сарказмом, отнесившимся, конечно, к определению перед фамилией пассажира. — Опаздываете...

— Да я... — начал оправдываться Адольф, но слушать его капитан не пожелал, произнеся как бы в пространство:

— Пе-тя!

И рядом с капитаном появился Петя — рыжий, низкорослый, опять-таки со славянской физиономией, от которых Алик уже отвык, в тельняшке.

— Проводи господина, Петя, — приказал капитан, и Петя, подхватив чемоданы Адольфа в расставленные, как у краба клешни, сноровистые руки, двинулся в глубины судна, на попытки начать разговор со стороны пассажира не реагируя. Протянутые ему два доллара чаевых Петя даже как бы и не увидел, угрюмо хлопнув на прощание дверью.

В изнеможении Бернацкий опустил на корабельную кровать. Мокрый от пота, усталый, как ушедший от погони зверь, но крайне довольный собой. Такой чертовской находчивостью Фридман наверняка останется доволен.

Стянув с себя помятый костюм, потную рубашу и исподнее, Алик встал под душ. Крутанул кран. Душ не работал. Проклиная социалистический сервис, но проявив смекалку подлинно советского человека, Алик все-таки под душем помылся, таская туда воду в ладонях из-под умывальника. После столь тяжелого труда потянуло справить нужду, что и свершил. Однако, когда нажал на спуск, механизм унитаза почему-то произвел свою работу в обратную сторону, и Алик, оцепенев от обрушившегося на него фонтана, вновь, но уже в усиленном варианте повторил процедуру санитарии тела.

Так начался круиз.

Проходило путешествие согласно программе, бежала за бортом

бирюзовая вода, загорали люди в шезлонгах, мелькали экзотические порты с их кабачками и магазинчиками... Но красоты мира Алика не занимали. Он пребывал в удрученном состоянии. Во-первых, нужный человек с контрабандой так и не подошел к нему, во-вторых, вообще никто не подходил на корабле к отщепенцу Бернацкому, ибо совтуристов, вероятно, предупредили о нежелательности контактов с ним, а интуристы попросту не проявляли интереса к персоне слабо говорящего на английском Адольфа. С иезуитской вежливостью беседовали с Бернацким лишь трое: старпом, бармен и официантка Нюра — все из КГБ, как не без оснований был Алик уверен. Всю ночь возле каюты постоянного жителя США жужжал пылесос — видимо, под предлогом «приборки» его неутомимо «пасли».

Так — скучно, пакостно и даже унизительно — пролетел круиз. В назначенный день судно вошло в лондонский порт. Нужный человек так и не появился, пассажиры уже собирались на берег, собирался туда же и Адольф, но тут капитан сделал ему официальное заявление.

— Борт корабля, — заявил капитан, — вы покинете после всех остальных пассажиров.

Сердце Алика словно в пропасть полетело... Провокация? Его увозят в Союз? Или... что-то пронюхали о контрабанде?

— Таково решение английских властей, — подытожил капитан, повергнув Адольфа в еще большую сумятицу идей и гипотез.

— Давай хоть накормлю тебя напоследок, — вздохнула сердобольно «кэгэбэшница» Нюра, наливая Алику большую тарелку борща — отменного, с зеленью и густой сметаной, с душиком баранины.

Посерев озабоченным лицом, Алик механически вкусный суп проглотил. На судне тем временем появились официальные английские представители, часть из них зашла в каюту Бернацкого, а остальные, плотно Алика окружив и подхватив его чемоданы, проследовали с ним на берег. Затем две дамы в таможенной форме раздели Адольфа донага и тщательно обыскали. Длился обыск около двух часов. Одежда, чемоданы, внутренние полости самого Алика...

— Сколько вы везли с собой сигарет из США? — начался допрос.

— Четыре блока...

— Сколько сигарет у вас в данный момент?

— Ну... пачек шесть...

— Восемь! Почему вы скрываете от таможенной службы Великобритании еще две пачки?

— Но... я не помню точно!

— Нет, вы скрываете! Вам был задан конкретный вопрос.

Алик сопел от возмущения, как перегретый чайник: что за

придирки, так вас растак... Путая русскую матерную речь с цивильной английской, он попытался данную мысль выразить, однако маленький лысый человек с галстуком, вероятно, английский кэгэбэшник, перебил его, спросив уже без обиняков:

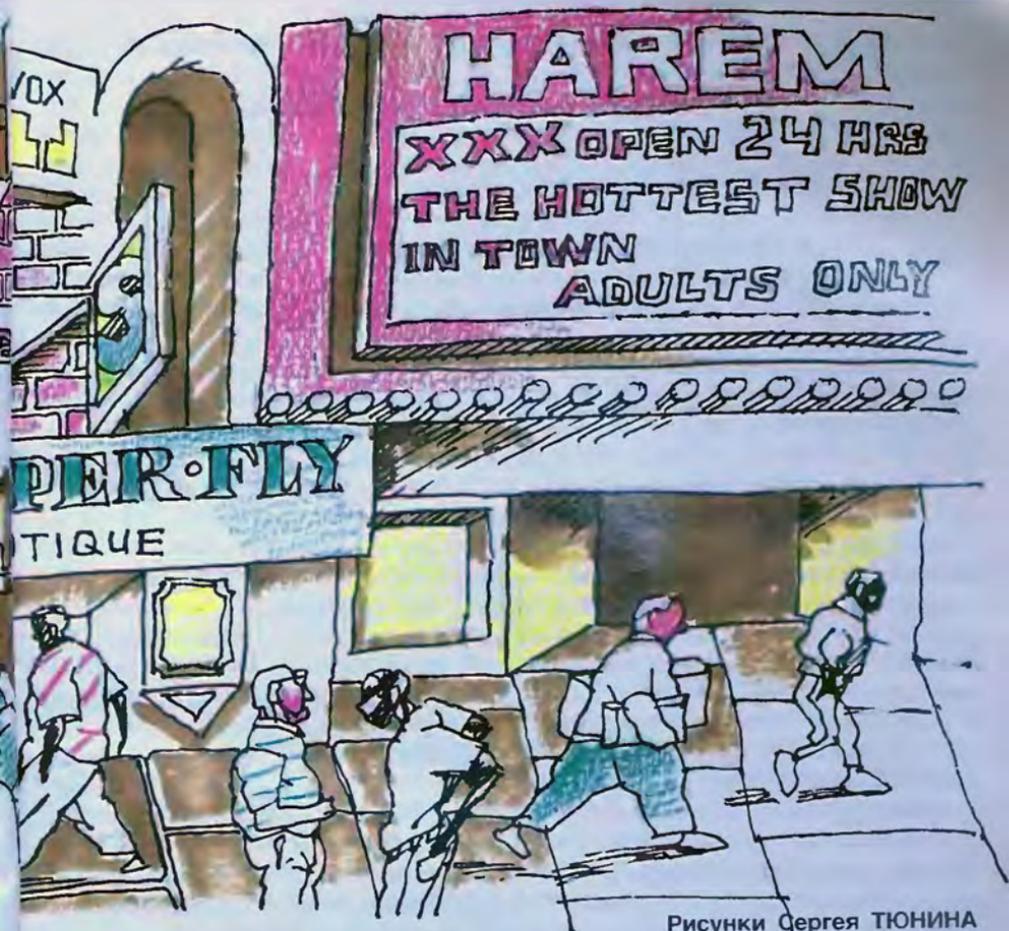
— С кем шел на связь?

— На какую еще связь?! — возмутился Алик, до этого минут пять постигая сущность вопроса в различных смысловых интерпретациях и задавая, естественно, встречные вопросы.

— На связь со своим агентом, — откровенно уточнил чиновник из британского чека.

— Вы это... крейзи¹?.. — скривился Алик.

¹ Сумасшедший

Рисунки Сергея ТЮНИНА

— Но-но! — Чиновник показал Бернацкому костистый кулак. — Русские моряки сказали нам, что вы — американский шпион, работающий против Англии... Но нам кажется, вы — советский агент...

— Я беженец из коммунистической России! — заявил Бернацкий гордо.

Возникла пауза.

— Беженец? — переспросил чиновник утвердительно. — Тогда зачем же вам надо было непременно попасть на коммунистический корабль?

— Вы... вот... меня хорошо понимаете? — нашелся Адольф. — По-английски?

— Не очень, — признался чиновник.

— И я вас тоже,— сказал Алик.— Хотелось пообщаться с соотечественниками, отдохнуть...

— Пообщались?

— Нет!

— Что так?

Алик туманно объяснил про происки КГБ.

Чиновник вздохнул, здорово, видимо, утомившись. Произнес:

— Завтра вы должны покинуть территорию Великобритании.

— Конечно! — обрадовался Бернацкий.— У меня и билет на завтра в Штаты. Сегодня переночую в отеле, у меня тут номер зарезервирован, а завтра...

— Никаких отелей,— отрезал чиновник.— Вы — лицо, подлежащее депортации. И благодарите Бога, что легко отделались! Остановить корабль, ввести в заблуждение пограничные власти... Что вы там плели о своей работе в Белом доме, а?!

Вошли двое полицейских, застегнули на Алике наручники и в машине-клетке доставили в аэропорт, где поместили в камеру для лиц, выдворяемых из страны. Среди лиц в основном были подозрительного вида арабы, и, оказавшись в их компании, Алик всерьез испугался, вспомнив о своей национальности. Однако представился как русский, из СССР — друга арабского мира, и неприятности ограничились лишь заменой итальянских ботинок на драные кроссовки и поверхностным обыском на тот предмет, имеет ли сокамерник какие-либо ценности.

Промаявшись сутки с врагами своей исторической родины, Адольф Бернацкий вскоре наслаждался свободой и пивом над Атлантическим океаном в «боинге» «ПанАм». Когда же самолет приземлился, вышедший из кабины пилот попросил мистера Бернацкого оставаться на месте, и, когда пассажиры сошли, в салон шагнули трое верзил с жесткими лицами и предъявили удостоверения ФБР. Началась старая песня: почему оказался на советском корабле, что говорил пограничникам о своей должности в Белом доме, что везет в США и что из США вывозил?

Алик сумел прикинуться полным придурком, и добиться чего-либо от него представителям спецслужб не удалось, несмотря на все их утонченные старания.

— Учтите,— сказали ему напоследок,— еще один микроскопический инцидент, и вам не позавидуют все грешники ада... Да, кстати, мы должны вас обыскать. Надеемся, вы не против?..

Не без горькой иронии улынувшись, Алик принялся раздеваться...

Объяснение с Фридманом произошло нелегкое, хотя обвинить в чем-либо Адольфа хозяин не смог. Через неделю, получив исчерпывающую информацию из Союза, Семен как бы вскользь обронил Бернацкому:

— Если бы не твоя история с задержанием корабля... Побоялся тебе человек пакет передать. И правильно сделал. Увез обратно. Два раза рисковал — с вывозом и ввозом, и вхолостую. А сколько денег на операцию ушло, сколько сил... И дурак ты все-таки, Адольф, со всею своей находчивостью, как ни обижайся... Иди-ка лучше ковры пылесось, помощник президента хренов...

ИЗ ЖИЗНИ БОРИСА КЛЕЙНА

Мысль о постриге в официальный брак Борю не вдохновляла, но через месяц своего пребывания в Нью-Йорке он таки решился позвонить своей американской невесте, сообщив, что, невзирая на преграды, прилетел к ней на крыльях любви. К такому поступку подтолкнули обстоятельства объективные. А именно: благотворительная организация «Наяна» выдавала пособие и талоны на еду в течение лишь первых месяцев, жильё предоставляла по здешним меркам неважное, а вот с работой не помогала вовсе. То есть с приличной работой. От трех до пяти долларов в час — пожалуйста, да и то с натугой, а Боря мечтал о должности коммерческого консультанта в крупной фирме или же о кафедре математики в университете. Несостоятельность таких вожделений открылась быстро. Математический уровень Бориса здесь, в Штатах, годился разве для преподавания в колледже, однако с ужасающим английским языком претендента и жесткой конкуренцией, существующей даже среди таких скромных должностей, прорваться не виделось никакой возможности. О месте же в фирме не приходилось и заикаться. Оставалось одно: осваивать профессию попроще, стараясь не тратить денег на обучение. «В таксисты!» — решил Борис. Но одно дело — решить... Получению лицензии на управление обыкновенным автомобилем предшествуют муки, а именно: подача заявления, письменный экзамен, автошкола, назначение на экзамен по практическому вождению, где срезают даже профессионалов, ибо есть ритуальные хитрые условия, секреты, познание которых — за отдельную, что называется, плату. А завал экзамена требует нового его назначения, причем не ранее чем через два месяца, а назначение — это подъем в пять утра, поезд из одного конца Бруклина в другой, четыре часа в очереди на улице у автомобильного департамента и наконец штамп в бумажке, никого ни к чему не обязывающий... И за все — плати! Кроме сабвея, разве. Боря, по крайней мере, ездил в сабвее бесплатно, заходя к платформе с выхода. Укреплять корпорации своими кровными долларами он считал делом глупым. У выхода часто дежурили полицейские, ловившие «зайцев», но Борю они не смущали. Важна не наглость, считал он, а сверхнаглость. И шел прямо на оторопевших стражей порядка, на ломаном языке объясняя, что он

русский турист, ему необходимо навестить зоопарк в Бронксе и... не здесь ли это? Нет, говорили полицейские, здесь Брайтон-Бич авеню, а нужное место находится... И подводили Борю к карте, объясняя подробно, как и куда, и Боря кивал усердно, выслушивая пустые советы, ибо и сам мог их дать, а затем, пожав руки властям, вопрошал невинно: «А поезд... там?» — и, получив утвердительный ответ, сверхнагло шел к платформе, полагая, что свой доллар с хвостиком заработал. Полицейские же пожимали вслед плечами: мол, что возьмешь с этих туристов из дикой Сибири?

На водительскую лицензию Борис все же экзамены сдал, получил похожую на визитку карточку с цветной фотографией. Началась морока с покушением на лицензию таксиста. Требовалось пройти через тернии новых экзаменов и заплатить новые деньги.

Ах, деньги... С какой ослепительной легкостью они доставались Борису в Стране Советов! И какие деньги! Тысячи и тысячи. Просто из воздуха. И как трудно добывался, выпарапывался каждый серо-зеленый доллар, на который ничего не купишь. Доллар в Америке все равно что десять копеек в России. Правда, колготки здесь стоили этот доллар, но буханка хлеба — уже два... С другой стороны, что такое советские рубли? — успокаивал себя Боря. Вата... Одновременно он высчитывал. При работе в такси в среднем зарабатывалось две тысячи в месяц. Семьсот долларов — квартира, пятьсот — еда, одежда — копейки, на сто долларов на распродажах можно принарядиться в пух и прах. Однако все равно не очень-то густо и остается... В Союзе с ватными, но в большом количестве рублими Боре жилось лучше. И куда как праздно. Стоп, возражал он сам себе. А экология? А жизнь среди серых людей и серых зданий? Беготня за дефицитом? Идиотские законы, «нельзя» на каждом шагу? Пусть таксистом, пусть нищим среди изобилия, но ведь жить богатым среди нищих удручающе скучно. И опасно! А здесь все стремились к богатству. В общем, стабильность американской семьи Борю привлекала. Привлекала кооперативная квартира жены, невольная каждодневная практика в английском языке, к браку принуждал и зверствующий СПИД, да и просто устал он, набегался...

Зарегистрировали брак в Сити-Холл, в Манхэттене, неподалеку от знаменитого Бруклинского моста, с которого, по словам Маяковского, безработные бросались в Гудзон вниз головой. Протекала под Бруклинским мостом, правда, Ист-Ривер, так что насчет Гудзона поэт дал маху.

Свадьба прошла скромно, среди англоязычных родственников невесты Риты, отметивших прекрасный аппетит жениха, проявленный им за столом. После свадьбы потянулись семейные будни. Рита, служащая банка, напирала на активное зарабатывание Борисом серо-зеленых денег. Боря соглашался, но арендовал жел-

тую машину на два дня в неделю, не более, опасаясь, что текучка труда засосет. Боре не давали покоя прошлые сверхдоходы. Ну почему, почему здесь их никоим образом невозможно извлечь? А ведь летают некоторые на собственных самолетах развлечься на Гавайи, а тут вертись по вонючему Нью-Йорку и лижи задницы за три-четыре доллара чаевых, может, и скопишь на поездку к этим Гавайям в общественном транспорте...

Неизвестные и хитрые механизмы работали здесь на ниве извлечения сверхприбылей, и освоить механизм дано было лишь американцам с их американским языком, воспитанием, образованием и опытом, а Борю угораздило родиться в Воронеже, прожить жизнь в Союзе, а здесь уже доживать, в труде добывая хлеб свой... А так не хотелось, ну не хотелось, и — баста!

Не один Боря страдал таким образом, но единострадальцы своей солидарностью успокоения не приносили.

— Я решал в министерстве вопросы, — ныл на Брайтоне один из них. — Я с премьером за руку... А тут? Таксистом вшивым устроиться не могу!

Этот страдалец, равно как Боря, был из вновь прибывших. А ветераны? С десятилетним, а то и с двадцатилетним стажем? Те говорили иное. Да, трудно, да, несладко, но надо перетерпеть.

И действительно неплохо устроились многие ветераны. Свои магазины, кафе, рестораны, автомастерские и заправки... Их мир был миром сытых, иной средой, куда Борю и ему подобных не очень-то и допускали, подобно тому, как в армии не допускают «старички» в свою компанию даже ближайший по сроку призыв, а уж что говорить о среде офицеров и генералов? Впрочем, генералы американской жизни на Брайтоне не появлялись, да и вообще в среде эмигрантов из СССР отсутствовали. Но миллионер на Брайтоне — не редкость, и почему бы миллионером не стать, как справедливо размышлял Боря, расправляя и убирая в бумажник три зеленые десятки, заработанные на переноске тяжестей с первого этажа на второй у соседа-кубинца.

Жил теперь Боря в Бронксе, в приличной его части, но тянулся в далекий Бруклин постоянно — там было общение, соотечественники. Тянулся к уютному Брайтону с его серой дощатой набережной, океаном, овощными лавчонками, грохочущим над домами сабвеем и вывесками на русском языке... Там, в американском Бронксе, преобладала идеология покорного служения офисам и домашним очагам; здесь, в маленькой Одессе, перенесенной на берег Атлантики, витал дух некоей романтики и мыслили категориями, Америке неизвестными. И звучало над океаном ностальгическое, но и задорное с порывами ветра из шального динамика:

*Здесь нету моря Черного, но есть залив Гудзона,
А вместо Дерibasовской по Брайтону пройдем,
Здесь в магазинах ты найдешь от водки до лимона,
Здесь также нет ОБХСС, но мы переживем...*

*Для жизни одессита все здесь создано природой,
Здесь деловому человеку — сказочная даль,
Здесь вместо Дюка Ришелье есть статуя Свободы,
А вместо красной «Лондонской» здесь есть «Националь»...*

Никакой сказочной дали в своей судьбе прагматичный Борис покуда не разглядел. Такси, мелкая халтура — от переноски тяжелых предметов до бетонирования дорожек на участках с частными домами в Бронксе, репетиторство математики со школьниками из русскоязычных семей — этим и ограничивалось. Вместе с тем зрели идеи масштабного свойства. К примеру, прилепился ариец Боря к синагоге как общественник. Люди в синагогу ходили разные, в том числе богатые старики и старушки, и Боря пытался втереться в доверие в надежде если не на наследство, то уж на полезный контакт. Словоохотливый и общительный, он вскоре раскланивался на Брайтоне едва ли не с каждым встречным. Но толку? Создайся такая ситуация в Москве, был бы уже Боря при работе легкой и денежной, стьюкая спрос и предложение в кругу своего общения, греб бы барыши и жил припеваючи, но здесь подобное не проходило. На работу никто никого не устраивал, разве на второстепенную, все искали источник дохода самостоятельно, а любой спрос удовлетворялся в считанные минуты по утвержденным расценкам вне всяких знакомств. Однако Боря не унывал, синагогу не оставлял хотя бы потому, что там бесплатно кормили — уже экономия! Приспособился Боря также к мелкому личному бизнесу, приезжая в гостиницу для вновь прибывших эмигрантов и скупая у них по дешевке золотишко и камушки, не брезговал даже матрешками, имея соответственно с каждой сделки наварец. Товар сбывался на Брайтоне бухарскому еврею Иосифу, одинаково плохо говорившему по-английски и по-русски, однако толк в ювелирных изделиях разумевшему. В основном Иосиф оперировал тремя фразами:

«Что я могу сделать?»

«Ты прав».

«Это не секрет».

Боря, обладавший куда более богатым словарным запасом, тихо завидовал своему новому компаньону — темному, как насекомое (определение Бори), однако весьма состоятельному.

— Вот, — говорил Боря, передавая Иосифу очередное колечко, завезенное эмигрантской контрабандой. — Золотишка тут тьфу...

— Это не секрет, — поддакивал Иосиф, рассматривая кольцо и доставая из кассы магазина двадцатку. — Ты прав.

— Это все? — удивлялся Боря. — Прибавь еще пять...

— Что я могу сделать?! — удивлялся в свою очередь Иосиф, бросая Боре кольцо и демонстрируя презрительной мимикой, что иной цены товар не заслуживает.

— Хорошо, хорошо, — говорил Боря, возвращая Иосифу кольцо и убирая двадцатку в карман. — Согласен. Ты прав.

— Это не секрет, — разводил руками Иосиф.

Доходным делом, как Борис уяснил, была купля-продажа бриллиантов свыше карата, но такие камни из Страны Советов вывезли ранее, и ныне на рынке они появлялись редко. Вместе с тем несколько таких камушков у Бори имелось, но там — в Союзе, на хранении у Миши Аверина вместе с некоторым количеством валюты. Существовала и дача в Малаховке, но как одно, так и другое пребывало за тридевять земель, а часовые покинутой родины стояли серьезной преградой на пути реализации данной собственности.

Владелец фирмы из Нью-Джерси, имеющий офис в Москве, Бориной дачей заинтересовался.

— Малаховка! — убеждал его Боря. — Рай! Дом, как у Суворова! Стоит, как свечка! Пятьдесят тысяч долларов, вот письмо к моему другу Мише, он устроит переоформление! Такой домишко здесь, на Манхэттен-Бич, миллион весит!

Фирмач саркастически улыбался, замечая, что Малаховка и Манхэттен-Бич — очень разные регионы планеты, во-первых; во-вторых, пятьдесят тысяч долларов — это миллион хотя и жалких рублишек, но жить с миллионом в СеСеСеРе можно ого-го!

— Ты прав, — соглашался Боря. — Это не секрет. Но что я могу сделать? Дай хотя бы десятку...

— Пять тысяч, — отрезал фирмач. — И то, когда посмотрю твой дом Суворова. — Фирмач прекрасно знал русский.

С фирмачом Боря отправил приятелю Мише письмо, где выразил беспокойство относительно своих ценностей, предлагал любые совместные предприятия, а также выразил готовность прислать гостевой вызов. Ответ пришел быстро, но ответ расплывчатый: предложение, дескать, перспективное, буду думать. А о заначке не беспокойся, цела.

Пока Михаил думал, Борис действовал. Гениальная идея осенила его, и он теперь думал над способами ее воплощения. Идея заключалась в выращивании котов. Но котов не простых, а котов-контрабандистов. Идею Боря продумал до тонкостей и активно искал спонсора, не бросая вместе с тем занятий таксиста, грузчика, подручного Иосифа, массажиста для старичков из синагоги и разнорабочего.

Бетонируя площадку перед гаражом в соседнем районе Бронкса

у респектабельного итальянского босса, Боря, утрамбовывая наст у статуи, избображавшей молящегося ангела, мучительно подыскивал английские слова, дабы объяснить с хозяином дома, что в панамке, темных очках и шортах сидел в креслице возле бассейна и, водрузив на полный живот запотевший высокий стакан с аперитивом, хмуро взирал на Борины манипуляции.

— Мистер Каталино, — позволил себе обратиться Борис к боссу. — Странно звучит, но вообще-то я занимаюсь бриллиантами...

— Чем?

— Бриллиантами...

— Ты... бетонируй, — сказал хозяин. И отхлебнул из бокала.

Боря умолк, слегка задетый, однако отношение к себе со стороны итальянца посчитал, увы, объективным.

Закончив тяжкий труд, подошел к боссу за гонораром. Раскрылся бумажник, из которого была извлечена двадцатка, а узрел Боря в бумажнике столько наличных крупнокалиберных купюр и столько кредиток, что слюни потекли от зависти.

— Мистер Каталино, — вновь произнес он. — Конечно, сейчас я слабый, вам неинтересно поддерживать со мной разговор, но в России вот так же бетонировали неимущие люди и у меня на вилле. В Малаховке. Не слышали о таком местечке?

Мистер Каталино напряг память, но о Малаховке так ничего и не вспомнил.

— Так вот, — продолжил Боря. — В России уйма алмазов. И мы могли бы их сюда вывозить. У меня есть концы в Якутии, там алмазы и добывают. О Якутии в курсе?

Вновь тяжкое напряжение памяти, и вновь отрицательный результат напряжения.

Боря тем временем разродился эмоциональным монологом со многими непонятными для итальянца словами.

— Я — мичуринец по призванию! — говорил Боря, бия себя в мускулистую потную грудь громадным кулаком. — Но мне необходим спонсор. Я беру котов, ращу их, потом выбрасываю миль за двадцать от дома и — жду. Тех, кто вернулся, продолжаю кормить. Дистанция увеличивается. Тридцать миль, пятьдесят... Коты приходят. Ну уж кошки — точно. Особенно, если у них в данный момент котят. Приходят! У них — долг! Проверено! Мы заплутаем, они — никогда! Такой маленький мозг и столько ума! Я потрясен! Итак, вы едете в Союз через Финляндию. С любимым котом. Вы посещаете Ленинград, осматриваете музеи, где вам передают в толкучке перед гардеробом камни; далее, не доезжая до границы, выпускаете кота с ошейником в поле... Естественно, с другой стороны границы, в Финляндии, у вас должна быть база — хотя бы сарай, и я там готов жить...

— А голубь? — спросил итальянец.

— А пограничники? — спросил Боря. — Путешествую с почтовым голубем? Ха-ха! К тому же вы рискуете: ястребы, мелкие лесные хищники... Нет, наша задача — тренированный кот. Никому не дающийся в руки. Все учтено, я — мичуринец, слышали о таких?

О мичуринцах итальянец также никакого понятия не имел, однако идеей Бориной заинтересовался, и через неделю, попросив благословения у супруги Риты, отправился Боря в штат Вирджиния, где у мистера Каталино имелось ранчо.

План контрабанды из Советского Союза с его алмазодобывающей Якутией итальянца не привлекал, ибо имел мистер собственные знания на сей предмет, включая и географические, а кроме того, и собственные устремления, связанные с регионами Южной Америки и Африки. Как компаньона он, естественно, Борю не рассматривал, но как мичуринца — пожалуй, что да, положив ему зарплату сто двадцать долларов в день и выделив в помощь прислугу, обитавшую на ранчо.

Боря курсировал на хозяйском «Бьюике» из Вирджинии в Нью-Йорк, навещая жену с дочерью и отлавливая по задворкам трущоб приглянувшихся котов. Часть из них из Вирджинии удирала, возвращаясь, вероятно, в Нью-Йорк, а часть приживалась, давая потомство, воспитываемое Борисом и челядью итальянца. Воспитание сводилось к простым вещам: котов дрессировали на передвижение по пересеченной местности и прививали им настороженность и пугливость, гоняя по дому противным хрустом дешевых пластиковых пакетов. Эти звуки по логике Бори были адекватны шагам подкрадывающегося человека к исполняющему ответственную миссию коту.

Вскоре за первой партией воспитанников прибыл черный человек и увез питомцев в неизвестном направлении. Боре же стало грустно. Он за бесценок продал итальянцу идею, теперь сидит как дурак в захолустье, дезинфицирует бесчисленные царапины на руках от котовых когтей и всего-то за сто двадцать зеленых и бесплатную жратву! А сливки собирают другие.

В очередное свое посещение Нью-Йорка Боря навестил Иосифа, рассказав ему о своем котовьем бизнесе, неплохих, как он соврал, доходах из Южной Африки и предложив свой «финский» вариант, более понятный здесь, на Брайтоне. Иосиф идею одобрил и, хотя в доходы Бориса не поверил, однако, оговорив свой процент, вывел компаньона на Семена Фридмана, человека с серьезным авторитетом. Чем именно Фридман занимался, Боря не знал, но вмиг оценил роскошь его особняка и ботинки за триста долларов — сам Боря ходил в кроссовках за пятерку из дешевого магазина «Файва».

Котовью идею Фридман воспринял со смешком, выразив свое восхищение перед авантюризмом итальянца, а в итоге сказал так:

— О тебе я все прокачал. В Союзе тебя знают, мнения неплохого. Котов оставим, пусть они бегают по помойкам и по Южной Африке, а работу я тебе дам. У себя. Сто долларов в день плюс комиссионные с дел. А дел много. В том числе и бриллиантовых, и всяких.

— Сегодняшний день не в счет? — спросил Боря, посмотрев в окно, а после на часы.

Фридман достал сотенную, бросил на стол.

— Я потрясен, — сказал Боря и возвратил деньги хозяину.

ФРИДМАН-МЛАДШИЙ

В неимущей России подписать многомиллионный контракт! Президент фирмы «Феникс» Бодо Циммерман буквально изнывал от счастья. Уже просохли чернила и печати вдавились в финальные страницы документа, а он все ворковал о прелестях и достоинствах поставляемого им в СССР кирпичного завода — с фантастической производительностью, непревзойденным качеством продукции, высочайшей надежностью...

И вот последние рукопожатия с ответственными министерскими чиновниками, будущим директором производства, объятия и пожелания...

Валера Фридман, сидевший на стульчике в уголке громадной комнаты для совещаний, единственный из всех был как бы отстранен от происходящего. Да и кто он? Ни к будущему производству, ни к сегодняшнему подписанию важных бумаг никакого официального отношения не имеет. Разве — нашел на безвалютные всеобщей экономической разрухи платежеспособного заказчика для господина Циммермана. И тот, возможно, даже размышляет, как Валерия отблагодарить, воздать ему за труды, однако — не полмиллионом долларов, обозначенным вначале как гонорар за посредничество. Впрочем, обозначенным вскользь, едва ли не в шутку... Тогда, при дележе шкуры неубитого медведя, Бодо согласился на выплату такой суммы комиссионных легко и беспрекословно, но вот когда медведь убит, возникает вопрос: не слишком ли много желает посредник? Куда ни шло — отдать тысяч пятьдесят, да и их жалко... В подобных мыслях своего западного партнера многоопытный коммерсант Валерий Фридман был скучно и безраздельно уверен.

— Нет ли у вас для меня машины? — обратился Циммерман к чиновникам.

Фридман поднялся со стула.

— Я... отвезу вас, — произнес безучастно. — Не беспокойтесь. — Пожал руки присутствующим — с достоинством, даже надменно, приметив не без удовлетворения, что Циммерман невольно съе-

жился. Укололо фирмача напоминание, что непраздно околачива-ется здесь Валера Фридман, вопросом, кто он таков и зачем тут, никто не задается. А кроме того, существуют, увы, разные нюансы и подводные камни в пути следования этого уже подписанного контракта к успешному его воплощению.

Уже полгода, подобно слепому котенку, Циммерман тыкался по сторонам на широком, однако бесплодном рынке Страны Советов, тратил деньги, время, обнадеживаясь обещаниями весьма высоких людей, но, когда доходило до дела, все оказывалось пшиком. А кому и за что дарились подарки, во имя чего десятки лиц с внешнеэкономическими полномочиями упивались за его счет в валютных барах и колесили по Западной Европе с расплывчатыми задачами разного рода «ознакомлений» — представлялось загадочным. Валерию долго пришлось втолковывать Бодо, что этим людям важен не результат, а процесс... И вовремя их знакомство состоялось, ибо еще чуть-чуть и плюнул бы господин Циммерман на бизнес в этой стране обещаний, разгильдяйства, жульничества и отправился бы восвояси в родной Кельн. Он же, Фридман, платил в ресторанах за Бодо так, как и положено платить хозяину за гостя, вопросы задавал по существу и в итоге заявил, что, дескать, уважаемый, здесь вам находиться не надо. Представительские функции вашей фирмы выполню я. И строиться будет работа следующим образом: я нахожу заказчика, проверяю его платежеспособность, а после даю телекс, оказываю визовую поддержку, и вы приезжаете уже на подписание конкретного контракта. По подписании контракта мы рассчитываемся и — ждем контракта следующего. Серьезность своих слов Фридман сегодня доказал. Теперь оставался вопрос относительно расчета...

Оказавшись в машине, Циммерман первым начал этот весьма неприятный для себя разговор. Впрочем, как ему казалось, он обладал солидным козырем — уже подписанным документом...

— Валерий, — произнес он подчеркнуто сухо, — вы провели хорошую работу, но... покупатели сбили цену, причем сбили серьезно. Торговались за каждый узел, за любую мелочь...

— То есть, — покладисто заметил Фридман, — мой гонорар уменьшается.

— Да, я вынужден...

— До какой цифры?

— Ну... — произнес Циммерман в тяжком раздумье, — тысяча сто...

По интонации собеседника Фридман безошибочно вычислил подоплеку его мыслей: эти сто тысяч обозначены условно, платить, полагает герр Бодо, вероятно, не придется и вовсе. Не потащит же он эту валюту сюда, а там, на Западе, советский посредничек-мавр, сделавший свое дело, бессилен, там он попросту

не доберется к нему через заслон секретарш и охраны... Конечно, охраны иной, официальной, а не той, что едет сейчас в двух неказистых автомобилях местных марок за их «БМВ»... Вся разница: и «БМВ», и охрана в текущий момент принадлежит Фридману...

— Как бы ни шли торги, — сказал Валерий, — но мою долю надо было учесть при любых обстоятельствах. Она незыблема. Или вы думаете, здесь все так просто? Нет, тут и госконтроль, и эксперты... Иначе бы — все миллионы срывали, как цветы в поле...

— Но что я выигрываю, если...

— Выигрываете, не делайте мне мозги, — уверил Фридман. — И учтите: я прощаю вам этот финт, однако — в первый и последний раз. А контракт... неужели вы думаете, будто он что-нибудь стоит? Вы с ним в туалет можете сходить, с контрактом этим.

Циммерман издал странный звук, в котором лишь отдаленно угадывался вопрос «почему?».

— А потому, — сказал Фридман, — что здесь не Запад и даже не Восток. Здесь зона полной внешнеэкономической безответственности, лживости и юридической недосыгаемости. И любая бумага, за любой подписью и печатью, стоит здесь ноль. А может, и полную цену, в бумаге указанную. Все зависит от людей и отношений... В том числе моих с вами и моих с людьми из министерства.

— Хорошо, полмиллиона ваши, — произнес Циммерман таким тоном, будто действительно допускал такую мысль.

— Не сомневаюсь, — кивнул Фридман, подруливая под «кирпич» к отелю «Савой». — Через два дня, когда вы очутитесь в Германии, вам позвонит из Америки мой брат. У него своя фирма. Торговля, посредничество... И вы с ним подпишете контракт на эти полмиллиона. В свете настоящей сделки. Основания для контракта нака- танные, юридически выверенные. А если не подпишете... можете, как я вам и рекомендовал, сходить в туалет...

— Ах вот как! — усмехнулся Циммерман. — Забавный сюрприз... напоследок.

— И... смиритесь с очевидным. Эти полмиллиона вы, очевидно, теряете. Зато кое-что и зарабатываете. Во всяком случае, ваши российские похождения окупятся с лихвой. До свидания, Бодо. Я вас тоже поздравляю с удачной сделкой.

ИЗ ЖИЗНИ БОРИ КЛЕЙНА

На новую свою службу у Фридмана Борис не сетовал. Выполнял обязанности телохранителя и шофера, когда хозяин выезжал на встречи и переговоры, бегал по многочисленным поручениям. Зарплату шеф платил исправно, эксплуатировал Бориса в меру, оставляя ему свободное время и на халтуру в такси, и на

массаж прихожан синагоги, и на подворачивающиеся гешефты. От синагоги Боря не отрывался. К религии надо быть поближе, не уставал повторять он. Двух котов, оставшихся от недопоставок в Вирджинию, сплавил набожной одинокой тетке Иосифа к радости жены Риты, страдавшей от кошачьей шерсти аллергией, и жизнь вошла в стабильную наконец-таки колею. Однажды, о чем Боря впоследствии сильно переживал, он даже заплатил доллар за проезд в сабвее, ибо заходить с выхода почему-то стало лень да и, глупо признаться, — неудобно...

Со вторым порученцем Фридмана Аликом Бернацким Борис быстро нашел общий язык, и неудивительно: роднил их одинаковый строй мыслей и аналогичные задачи. Кроме того, на пару с Аликом даже халтурили: возили новичков на своих автомобилях на экзамен по вождению в Конарси, Ред Хук, зарабатывая по тридцатке с носа; выкрасили за двести долларов фасад синагоги, загнав часть краски налево, а в праздничной суете во время благотворительного ужина сперли из той же синагоги ковер, хотя зачем — неясно. После раздумий ковер разместили в подвале дома Фридмана, где Алик обитал. Кроме того, в штате Нью-Йорк официально разрешили просить милостыню, и каждый вечер приятели, надев джинсы, кожаные куртки, перчатки и темные очки, уходили в лабиринт сабвея. Нагло окружали одиноких жертв, и зверским голосом Боря просил подаяние. Жалких, смердящих наркоманов, клянчивших свои центы, парочка не напоминала, да и запрашивала минимум десять долларов. Грабеж под видом официально разрешенного нищенства проглядывал очевидно, но, может, именно поэтому отказов приятели не получали. Деньги отдавала даже отчаянная шпана из Гарлема, вмиг оценивая Борину мускулатуру и стальную интонацию его голоса.

— С ними, американцами, надо строго, — удовлетворенно говорил Борис Алику, разглаживая очередную купюру.

Брайтон с его обитателями интересовал Бору все меньше и меньше. Этот спрессованный мирок провинциальной еврейской эмиграции, живший своими грошовыми сплетнями, доносами друг на друга в ФБР, скаредностью и мелким бизнесом, наскучил ему. Растительное существование удачливых владельцев лавчонок уже не привлекало, хотя, как убеждал ветеран Брайтона Адольф, были среди этих обывателей ой какие пираты и аферисты. Но Америка жестко поставила их на стези праведные. А кто не захотел, погиб либо в тюрьме, либо от пуль. Остальные же, прикинув что к чему, решили жить серо, но честно. Исключение в данной среде по уровню серьезного бизнеса являли собою немногие, такие, как Фридман, но мелочами эти парни не занимались и бензин водой, подобно мелким жуликам, не развлекали.

Они перепродавали этот бензин танкерами из одной страны в другую, зная, у кого купить и кому продать. Данной науке Боря тоже крепко надеялся выучиться.

Не обходилось у Бориса и без неприятностей. В частности, довелось как-то столкнуться на улице с мистером Каталино, причем синьор бросился на Борю с кулаками, и из сложной его итало-английской речи Борис уяснил, что тот здорово на котях прогорел. Предъявленные претензии заключались в том, что службу Боря оставил, никого не информировав о своих намерениях, более того — забыл, уезжая, выключить на кухне газовую плиту, и оставшиеся без присмотра животные, видимо, резвясь, скинули с полки в горящее пламя какую-то склянку с растворителем... Дом в Вирджинии развеялся дымом... На текущий год застраховать дом итальянец не успел, и урон составил около миллиона долларов. Бывший босс крыл Борю беспомощным английским матом и даже ткнул его кулаком в грудь, на что Боря сгреб Каталино за рубашку, оторвал от земли и приставил к носу его большой автоматический пистолет, благо лицензию на ношение оружия Фридман ему выдал.

— Если, сука, тронешь меня еще раз своими вонючими лапами, — очень четко перевел Боря русскую свою мысль на английский, — проглотишь пилюлю из этой вот погребушки.

Итальянец, скосив оба глаза к стволу пистолета, вжато ему в кончик носа, прохрипел злобно:

— О'кей...

На том эпопея с мистером Каталино закончилась.

Войдя же в свой дом после инцидента на улице, Боря застал там страшно взволнованного Иосифа. Чудесным образом оперируя тремя своими сакраментальными фразами и разрозненными русскими и английскими словами, тот поведал, что два кота, подаренных его тетке Борисом, сыграли в судьбе Иосифа роль внезапную и зловещую. Одинокая тетя, располагавшая миллионом на счету в банке, очаровалась котами, возлюбила их более всего на свете и в итоге переделала завещание, отписав будущий миллион Иосифа в наследство хвостатым.

Иосиф стонал и хрустел зубами. Отмахнувшись от него, Боря устало присел в кресло, включив телевизор. Шла трансляция судебного заседания: судились сосед с соседом по поводу того, что собака, принадлежащая первому, регулярно гадит напротив дома второго. Истец требовал сто тысяч за нанесение морального ущерба от ответчика. Собака — в роли не то свидетеля, не то обвиняемого — тоже присутствовала на процессе, как того требовали юридические нормы.

Боря зевнул: все же эти иностранцы с их нравами...

Иосиф усилил стенания.

— Ключи от дома тетки достанешь? — спросил его Борис, переключая программу.— Труда не составит?

— Ты прав...— отозвался Иосиф напряженно, оборвав скулеж.

— Ну и увозим котов!

Из дальнейших звуков, изданных Иосифом, последовало, что на сей раз Борис неправ категорически. Если с котами что-либо случится, подозрение наверняка падет на племянника, нужен иной выход из ситуации. И если такой выход Боря найдет, десять тысяч наличными Иосиф выплачивает ему без промедления.

Помочь Боря пообещал, но просил не торопить его по причине крайней занятости. В самом деле, в последнее время он постоянно отлучался в Канаду, где Фридманом затевалось неплохое дельце, в котором в качестве подручных участвовали за приличные гонорары как Борис, так и Алик. На берегу океана возводился шикарный кооперативный дом с огромными квартирами. Дивный морской воздух, зеленый район, удобное сообщение с центром... Проекты квартир от одной до четырех спален впечатляли. На землю, отведенную под строительство, желающие могли взглянуть — туда ходили специальные микроавтобусы. Был оборудован офис, где принимались заявления. Цены на квартиры тоже впечатляли доступностью: всего за сто пятьдесят тысяч канадских долларов покупатель получал светлую обитель с тремя спальнями, ковровым покрытием по своему вкусу, морозильной камерой и микроволновой печью. Холодильник, газовая плита и другая мелочь входили в стоимость контракта. В холле дома предусматривался даже фонтан с зеленой декоративной лужайкой. Стены холла — мрамор с инкрустациями. В офисе, расположенном в престижной части города, шла активнейшая работа. Разносили пепси-колу и кофе длинноногие секретарши, составляли договоры, зарывшись в бумаги, холеные адвокаты, колдовали на компьютерах операторы, а бухгалтерия принимала деньги. Народ шел валом. Уже давались взятки до трех тысяч, чтобы «попасть». Боря и Алик крутились в деле на пятых ролях, однако в отличие от секретарш и адвокатов истинную цену предприятия, являвшего собой тонкую аферу, знали куда как лучше.

При поступлении последних вступительных взносов деньги из банков изъясались, уместившись в компактный саквояж, и под охраной двух «Бьюиков» Алик и Боря пересекли на «Мерседесе» Фридмана канадскую границу, направившись в Нью-Йорк. По пути они неустанно восторгались отвагой и умом хозяина.

Впрочем, вскоре газета одного из городов Западного побережья уже печатала объявление:

«Семга-корпорейшн» предлагает:

Заказы к рождественскому столу. Икра черная, балык, икра красная, лосось...»

Заказ стоимостью в сто долларов по магазинным расценкам обошелся бы покупателю во все триста, и потому спрос на предложение «Семги-корпорейшн» оказался бешеным.

За три дня до Рождества подставной человек Адольф снял деньги со счета «Семги» и принес их Боре, получив три тысячи вознаграждения.

Так Боря учился у Фридмана.

Между тем Иосиф являлся каждодневно, бился в истерике, грозился нанять нищих китайских иммигрантов-нелегалов, убивающих кого угодно всего за двадцатку, и Боре пришлось переключиться на оказание помощи ювелиру, задействовав в качестве исполнителя опять-таки Алика. Когда старуха отлучалась из дому, Иосиф с включенной рацией вставал «на стреме» у подъезда, а Алик злодействовал в апартаментах миллионерши, веником гоня котов по углам. Движения веника согласно инструкциям мичуринца Бори носили строго крестообразный характер. По истечении недели такой дрессировки Алику достаточно было поднять руку, чтобы коты в ужасе карабкались на стены.

После проведения генеральной репетиции наймит Алик с постным видом заметил в синагоге тетке Иосифа, что, будучи человеком искушенным, обязан открыть ей нехорошую новость.

— Что такое?.. — обеспокоилась тетка.

— В вашем доме обитает зло, — замогильным голосом произнес Алик, усердно проворачивая в памяти зазубренный английский текст.

— Зло?

— Да-да. И оно съедает вас, — продолжал Адольф, скрипя зубами плотоядно. — Вы ведь стали себя неважно чувствовать в последнее время? Взять хотя бы проблемы с желудком...

Старушка действительно с недавней поры мучилась поносами, ибо Иосиф и Алик обильно подмешивали ей в сахарницу сильнейшее слабительное.

— Но дома у меня никого нет, — возражала старушечка. — Я одинока!

— Две злые силы, — вещал Алик, — два исчадья...

— У меня только котики. Два милых котика...

— Их надо посмотреть. — Алик поднял палец.

Далее старуха действовала согласно рекомендациям доброхота Адольфа. Голодные коты, вылезшие встретить хозяйку, замерли, узрев ее в нехорошей компании превосходно знакомого им мучителя, но, как и было рассчитано, бежать не собирались, уповая на авторитет заступницы.

Дрожащими перстами старая женщина, внемля указаниям Алика, начертала в воздухе крест. Узрев знакомое движение, су-

лящее неприятности, коты, пробуксовав когтями по паркету, словно бы испарились в некоем нуль-пространстве.

Старуха колом пала в длительный обморок. В последний момент падения тело ее подхватили заботливые руки племянника Иосифа.

Котов спешно возвратили Борису, а следующим вечером радостный ювелир, на чье имя вновь было переписано завещание, расплачивался со своими спасителями. Две тысячи как исполнитель получил Алик, Борису же, как автору гениальной идеи, причиталось восемь.

Вечер в складчину провели в бразильском кабаке «Кабана Кариоко», неподалеку от Таймс-сквер. Пили пиво, ели экзотические бычьи хвосты в кисло-сладком соусе, жаренных в оливковом масле креветок и — восхваляли Америку.

— Настанет день, — говорил Боря, — куплю себе виллу и установлю на лужайке мачту с флагом. Как патриот. И каждое утро буду его на веревке... Вот так!

— Ты прав, — кивал Иосиф, обглаживая костяшку хвоста.

На текущий момент Алик тоже испытывал любовь к Америке и даже намекнул Боре, что на место в подвале будущей виллы после всего совместно пережитого он уже рассчитывает, причем как на бесплатный вариант, и в свою очередь согласен бесплатно поднимать вместо Бориса звездный флаг полосатый, и это не секрет...

Алик уже всерьез уверился в Бориной хватке и в светлом американском будущем своего приятеля.

Разъехались за полночь. Иосиф укатил по какому-то позднему дельцу в Куинс на такси, Боря и Алик, не изменяя привычкам, вошли с выхода на перрон сабвея, игнорируя гневные восклицания, доносившиеся из будки кассира, ибо высунуться из будки кассир бы все равно побоялся: полиция поблизости не ошивалась, а поезд уже подходил к станции.

В пустом вагоне на них напали грабители.

Испугавшийся Алик полез в карман, не отводя застывшего взгляда от нацеленного в него ножа с широким лезвием, но Боря, сверкая неистовыми очами, с напором заорал:

— Мы раши! Ноу мани!¹

Грабители недоуменно переглянулись, оценили атлетическую фигуру Бориса, его патологическое нежелание платить и отстали, выйдя на следующей остановке.

— Один в Бруклин не поеду, — заявил после их ухода Алик.

— Ну тогда давай ко мне, в Бронкс, — согласился Борис. — Постелю на кухне.

¹ Мы русские! Денег нет!

По пути в Бронкс Алик поведал Боре историю о своем незадачливом круизе и о бриллиантах Фридмана, представляющих собою невероятное состояние.

Боря, как всегда, соображал быстро. Сегодня же он напишет письмо Мише Аверину, а завтра депеша с оказией уйдет в Москву. Оборотистый дружок наверняка озаботится проблемой изъятия у Фридмана-младшего этих замечательных камушков. А чтобы к тому имелся дополнительный стимул, Боря попросит прислать Мишины фотографии. Цветные, в фас. Образцы присокупаются к депеше. А через недельку получит друг Мишель отлично сработанный умельцем американский паспорт с именем реального человека и со своей физиономией... А уж с таким документиком вполне сможет добраться он в город Нью-Йорк из третьей страны. Стимул!

Благодетель Фридман-старший при успешном завершении операции оказывался сильно пострадавшей стороной, но Боря утешался прочно усвоенным принципом американской деловой жизни: мол, ничего личного, просто бизнес... Или, как говаривал темный Иосиф: что я могу сделать.

МАРИНА АВЕРИНА

После разговора с братом Марина всерьез призадумалась. То, что предлагал Михаил, пугало, но и притягивало. В обещанное лживым и меркантильным родственничком вознаграждение ей не верилось, а потому возникла идея перехватить инициативу.

По средам Фридман ужинал в «Пекине» со своими прихлебателями и охранниками, и как бы случайная встреча произошла в этом дорогом ресторане, пародирующем экзотический блеск Востока, в устоявшейся здесь в последнее время атмосфере полубогемной-полупреступной злачности. Как и рассчитывала Марина, Валерий подошел к ней сам, поклонился шутливо, но и корректно, явно не претендуя на приглашение присесть к столу, где, помимо Марины, находилась еще одна дама, представившаяся Фридману под именем Джейн.

— Присаживайся, Валера, — произнесла Марина беззаботно и дружелюбно. — У нас тут девичий ужин... Показываю нашей американской гостье островки более менее цивилизованной жизни в столице дикарской страны...

— Какая же я гостья? — мягко возразила Джейн. — Я... своя. И с туристами прошу не путать... Я здесь живу.

— Живешь... Ирреальной жизнью. — Марина кивнула одобрительно Фридману, потянувшемуся к бутылке с шампанским, чтобы наполнить бокалы дамам. — С кредитными карточками, под крышей посольства, с казенным «Вольво»... — В сторону Фридмана

она как бы и не смотрела, но реакцию его отслеживала цепко. Пока все шло безукоризненно, и Валерий, конечно же, в полной мере оценил и манеры Джейн, и ее тишичный англоязычный акцент, косметику, прическу, кольца от западных ювелиров... Ни малейшего намека на то, что Джейн — Мавра, одна из бандерш Марины, подруга ее и компаньонка, в очередной раз прибывшая по своим делишкам в Москву. Мавра была замужем за англичанином, несколько лет прожила в Чикаго, язык выучила великолепно, да и во всем, чем занималась, как Марина заметила, проявляла добросовестнейший и тонкий профессионализм. Именно «я» отведена главная роль в операции с бриллиантами Фридмана.

От Валерия последовал естественный вопрос.

— Вы... в том смысле... — оглянулся на Марину, — работаете в посольстве?

— Да, — отозвалась Джейн нехотя. — Перебираю бумажки.

Одна из сотрудниц посольства действительно носила имя, присвоенное на сегодняшней вечер международной аферисткой, подругой Марины еще со школьных лет.

Выпили шампанское, Фридман извинился, ушел к своему столу, где около часа беседовал с различными людьми — подходящими и уходящими, а после, оставив остатки ужина своре охранников, вновь вернулся к Марине с двумя бутылками великолепного итальянского вина, купленного в соседнем с «Пекином» валютном магазине.

— Позвольте, девочки?

Девочки позволили.

Началось шоу: через горящие обручи прыгали ловкие китайцы, демонстрировались схватки с палками и мечами, мелькали бедра танцовщиц в мигающем разноцветье бликов; а за столиком у входа в ресторан шел непринужденный разговор двух дам и одного джентльмена...

— Домой не скоро собираетесь? — спрашивал Валерий у Джейн.

— Должна улететь через неделю дней на пять...

Реальный прототип и в самом деле отбывал на родину в краткосрочную поездку, и этот факт Фридман мог проверить по компьютеру.

— А я тоже вскоре в ваши края собираюсь.

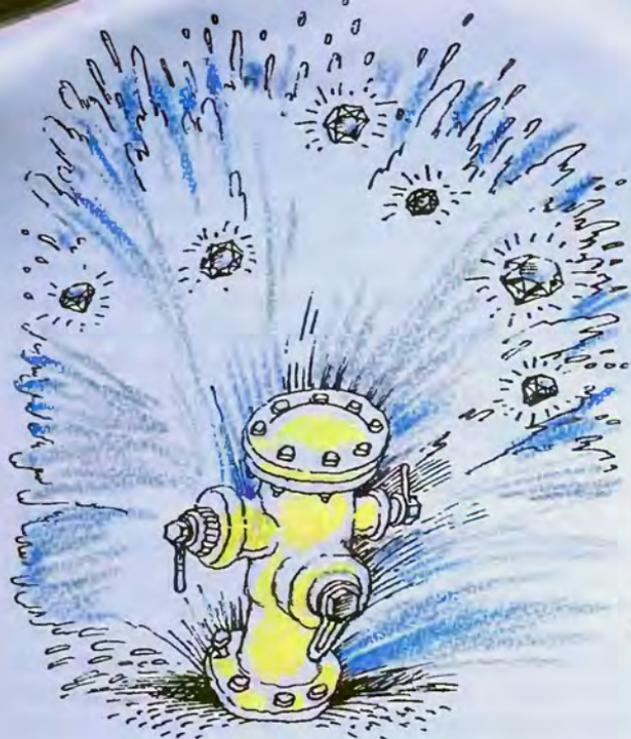
— Командировка? — В голосе Джейн промелькнул интерес.

— Я, видите ли, эмигрант...

— Уже прошли интервью?

— Давно. Но надо утрясти кое-какие дела, отправить контейнер...

— О, с контейнерами, я слышала, колоссальная проблема. Очередь на годы.

— Справимся, — сказал Фридман. — Пусть это будет моя самая большая проблема. В жизни.

Когда заиграл оркестр, он пригласил Марину на танец.

— Слушай, — прошептал, склонившись к ее плечу. — Говорю вполне серьезно: несмотря ни на что, наши отношения не закончены. Однако это — лирическая сторона дела, о ней позже... И ее, кстати, я без лишних слов подтверждаю поступками. А теперь ответь: она, Джейн, ну... нормальная баба? В смысле, по делу...

— Вполне. Делаем кое-что...

— То есть?

— Нужны ей там... рублишки для скупки всякого старья, вот и... помогаю. Картины интересуют, Фаберже...

— А как с провозом?

— Очень стойкий дипломатический иммунитет, понял, дорогой?

— А... поговорить на такую тему?

— Не знаю. Она не из тех, кто за все хватается.

— А ты объясни: не фуфлыжники с ней дело иметь будут...

— Валера, сейчас все пошло крутые дальше некуда, сам знаешь. Ну... поговорю. Только о чем?

— Камушки.

— Спрошу. — Марина равнодушно повела плечами.

— И учти. — Фридман помедлил, закусив губу. — Твои они, ка-

мушки. Сам тебе их отдам под полное доверие. И в Америке — если не поносишь их, то на них поживешь...

— Мильй... — Она поцеловала его в щеку. — Что с тобой? Шампанское в крови играет? — Участливо заглянула в глаза. — Или впрямь любовь? Но что есть любовь? Это — переоценка сексуального порыва. А может, неуклюжая ложь? — Закрывает пальцами губы. — Не надо. Ни камушков, ни слов... Просишь — поговорю.

Ресторанный вечер отгремел, Фридман, проводив дам, пожелал им и себе скорой встречи и — не ошибся: встреча состоялась через два дня — короткая, деловая, в суете будничного дня, на Ленинградском шоссе, в машине.

— Мне необходимо вывезти пакет, — сказал Фридман. — В нем ценности. В аэропорту Нью-Йорка вас встретят. Во сколько мне встанет такая услуга?

— Сто тысяч, — без запинки ответила Джейн. — Русскими рублями, вперед. Не знаю, что в пакете, но, наверное, там не деревенская иконка... В любом случае стоимость содержимого меня не интересует, равно как и меньшая сумма гонорара.

— Одобряю вашу точку зрения, — кивнул Валерий. — Правда, сто тысяч...

— У меня масса предложений, — перебила его Джейн. — Смотрите сами.

— Где вам передать пакет? — спросил Фридман.

— Серьезный вопрос, — озадачилась Джейн. — Мы должны встретиться чисто... Без хвостов. Я... все объясню Марине. И пожалуйста, не таскайте в тот день своих людей с собой. Наоборот — пускай они обеспечат вашу пропажу из какого-либо поля зрения, если таковое имеется. Мне вас грабить резона нет, как понимаете...

— Судя по компьютеру, — сказал Фридман, — время у нас еще имеется, детали продумаем.

— Проверочка? — безучастно усмехнулась Джейн.

— Так, баловство, интереса ради...

— Валерий, — произнесла Джейн строго и доверительно. — Вы сознаете, что о ваших проверочках может стать известно иным проверяющим инстанциям? Затем. Я заинтересована в вас не менее, чем вы во мне. Мне необходимы ваши связи здесь, в Союзе. А вам — мой статус. Так что не тряситесь за свой пакет, хотя бы в нем и сокровища всего мира...

Она крепко, по-мужски пожала руку Фридмана и, сев в свою машину с дипломатическим красным номером, укатила прочь. С нею уехала и Марина, заплатившая за изготовление этого номера рукодельнику-кустарю изрядную сумму. А Фридману очень хотелось, чтобы Марина осталась, очень... Впрочем, успокоил он себя, объясниться успеется. К тому же сегодня тяжелый день, бегодня... Слов-то нормальных не подберешь, мозги набекрень... Нет, иссущивают все-таки денежки и душу, и мышление, коробят их, как наркотик...

БОРЯ КЛЕЙН

Утром, приехав как обычно к Фридману, Боря застал его в «деловой части» подвала, в домашнем офисе, среди телефонов, факсов и компьютеров.

Подняв на Боря пронизательный взор, шеф изрек:

— Паспортишко выписан?

— Как и приказывали, — кивнул Борис, — вчера получил. Волчий билет. Постоянно проживающего. Лица без гражданства. Но все равно лучше, чем серпастый-молоткастый.

— Завтра вылетаешь, — произнес Фридман. — В Германию. На день. Во Франкфурт-на-Майне. Ночь в отеле компании «Люфтганза». Место приличное, несколько ресторанов, кровать «кинг-сайз»,¹ мини-бар, кабельное телевидение. Как выйдешь из порта, увидишь «вэнь»² с названием отеля по борту — не ошибешься. Они-то тебя до койки и доставят. Переночуешь, а утром снова в порт. Вопросы есть?

¹ Королевский размер

² Микроавтобусы

— Есть, — сказал Боря. — Цель?

— Возьмешь посылочку, — сообщил Фридман. — Транзитную, из Союза.

Значит, бриллианты в Германии?.. Борис проглотил вязкую слюну беспомощной досады. Вспомнился фальшивый американский паспорт, еще вчера высланный Михаилу, письма с прожекторами, тайно переправляемые в далекую Москву.. Насколько же жизнь внезапно в своих решениях и вывертах и насколько неуязвимы и удачливы сытые и сильные...

— Спасибо, — проронил он тихо.

— За что? — Семен кашлянул, взглядываясь в монитор компьютера.

— За доверие. Прикарманю вот так посылочку, ну и...

— И?.. — обернулся к нему Фридман. — В посылочке, положим, миллион, и ты с миллионом в Германии. Но миллион-то не наличными, его в наличные реализовать надо. После легализоваться под чужим именем. Думаешь, чепуховые задачки? Но и реши их, все равно дурак ты, коли мыслишь, что, имея миллион и ничего не делая, можно так уж и всласть пожить. Нет. Проще, Боря, работать у меня, заколотить этот миллион постепенно, однако уверенно, многому научиться и... смотреть на мир с высоты птичьего полета, а не из тараканьей щели.

— И за проповедь благодарю, — ответил Боря. — Но в проповеди своя логика, мудрая, а есть логика иная, тех, кто корыстолюбив до безрассудства.

— Согласен. Но имею и на сей счет аргументы. Во Франкфурте тебя на самолет посадят, а тут встретят... Так что все твои «спасибо», полагаю, относятся к полному тебе доверию только на время парения над Атлантикой. Уразумел? А сейчас дуй в германское консульство. — Протянул Борису обрывок бумажной полосы с телекса.

Борис прочел:

— Фирма «Процессинг систем» вызывает к себе специалиста по нелинейным уравнениям доктора Бориса Клейна для научной консультации в филиал фирмы...

— Телекс в консульство уже дан, — продолжил Фридман. — Визу получишь без задержки.

Выйдя из дома, Борис остановился у своего «Линкольна» и, облокотившись о крышу автомобиля, как-то грустно и ни о чем призадумался, глядя вокруг.

Тихая улочка Манхэттен-Бич с односторонним движением. Особняки один другого краше — от наисовременных с тарелками антенн космической связи до сказочно-средневековых, словно из датских и шведских преданий. Серебристые ели, по линейке подстриженные кустарники, лужайки перед вылизанными фасадами.

И — золотая, ослепительная ширь океана, заполонившая горизонт. Обыденная, в общем-то, картина. Дай ему посмотреть на нее несколько лет назад — вероятно, не поверил бы такому счастью. Здоров, сыт, при деле, полный бумажник долларов да и «Линкольн», который никакому московскому барыге даже во сне не снился... А сейчас это явь. Скучная и по большому счету никчемная. Прав хитрый Фридман. Никуда его посылочка не денется, и полетит Боря во Франкфурт, и привезет все, что положено, и будет послушен и раболепен. Ибо все финиши пройдены и рекорды поставлены. Есть семья, деньги, работа, есть схема жизни. Очень жесткая. Как глубокая российская колея. Он потратил столько сил и нервов, чтобы попасть в нее, что уже никогда не рискнет вырваться в какие-либо иные просторы... Он презирает этот затрапезный Брайтон-Бич, но закон Брайтона настиг его, как ковбойское лассо упрямого бычка, и повязал намертво. Да и чем отличается он от обитателей русскоязычного гетто? Разве специфической бизнесом. Все. Теперь — однообразный путь в колее.

У знака «стоп» при выезде на главную дорогу он остановился, откинувшись по инерции в сиденье. Вспомнил назидания инструктора автошколы: на экзамене перед данным знаком ты должен обозначить мягкий, но явный «откат», «фул-стап»¹. Затем осмотреться. Будешь лихачить — срежут сразу.

Да, он запомнил. Он становится дисциплинированным и боязливым на этом свободном Западе. Как все. Он уже боится законов, штрафов, потери работы и поисков ее...

Он крупно влип. Но, может, так оно даже и лучше.

МАРИНА АВЕРИНА

Все произошло крайне просто вопреки затейливым схемам, разработанным Маврой, где фигурировали варианты отхода, наем боевых сил, должных отрезать в случае какого-либо инцидента охрану Фридмана, наконец, привлечение к операции брата Михаила, владеющего, по его словам, средствами медикаментозного воздействия...

Валерий внезапно приехал к Марине утром, без предупреждения, отвез ее позавтракать в кооперативное кафе, без умолку говорил о том, что в течение недели заключит с ней брак, ибо плохое прошлое забыто и нечего о нем вспоминать; далее просил организовать срочную встречу с Джейн, поскольку сегодня вечером должен отбыть на неделю по делам из Москвы, и, поддавшись на его настойчивые уговоры, Марина, набрав номер, сообщила Мавре:

¹ Полная остановка

— Будем у тебя в четыре часа, жди.

Некоторое время Фридман ездил по всяким организациям и фирмам, а после, отпустив на отдых своих мордухаев, как их определила Марина, сказал:

— Все. Теперь свободны, едем.

— А...

— С собой, — упредил он ее вопрос. — Вручу твоей подруге лично. И дам ценные указания. Куда рулить?

— Большая Грузинская.

В крайнем случае, как решила Мавра, они засветят эту квартиру, принадлежащую одной из московских иностранок, ныне находящейся по месту своего постоянного проживания в Гамбурге, но иностранка не знает ни о Марине, ни о Мавре, равно как ни о подобранных к квартире ключах, и «уголовное» следствие наверняка зайдет в тупик. Марина уже сегодня скроется, а через неделю объявится в Берне, где база для нее подготовлена. Контрабанду бриллиантов Мавра брала на себя.

— Большая Грузинская? — переспросил Фридман. — У нее там квартира, у Джейн?

— Нет, квартира подруги, та сейчас в отъезде. А у Джейн... там у каждой стены по десятку ушей.

— Посмотри, чтобы не было хвоста, — сказал он. — И внимательно, а я пока поплутаю.

— Ясно, — не без удовлетворения согласилась Марина. Следить за хвостом наказывала ей и Мавра, правда, имея в виду стражников-мордухаев, но да что было их опасаться, когда бриллианты сами плыли в руки?

В районе Пресни долго плутали по узеньким переулкам, совершая рискованные обгоны.

— Поживем с тобою, Маринка, — говорил Фридман горячо. — Зимой во Флориду или в Мексику, летом — в Европу...

Ее раздражала его болтовня, равно как и он сам: волосатые пальцы, наметившаяся лысина, брюшко, вывалившееся из-под тугого ремешка змеиной кожи с позолоченной пряжкой, одрябшие щеки...

— Посмотрим, Валера, посмотрим...

— Заключим брак, а Джейн... ведь поможет с посольством, так? Чтобы со всяким рваньем в толпе не толкаться хотя бы... Публика там, доложу тебе... Сплошные крестьяне. Куда прут? Зачем?

— Беженцы, в республиках ведь ужас творится...

— Не только, авантюристов больше половины там... Ни профессии, ни языка, ни элементарной культуры... Они думают как: я, мол, хоть в мусорщики. А ты попади в мусорщики! Твердая зарплата, льготы... Концерны с миллиардными оборотами мусо-

ром заняты, с каждой квартиры, с каждого дома бабки срываю... В мусорщики они хотят, ха!

Выйдя из машины, Фридман вытащил из-под сиденья небольшой пластиковый пакет.

— Вот,— сказал.— Вся посылочка. И здесь же — сто штук сотенными. Как и заказывали.

Мавра, она же Джейн, встретила их со всей теплотой гостеприимства.

— Не голодны? Может, перекусите? Нет? Ну, тогда кофе как раз подоспел, и хороший коньяк есть... не против? — подмигнула Фридману.

— А... не против! — в тон ей игриво отозвался Валерий. И отправился мыть руки.

— Как насчет хвоста? — шепотом спросила Мавра Марину.

— Никакого. Крутились так... чуть тачку не кокнули.

Вошел Фридман.

— О чем шепчетесь, девушки?

— Валерий,— произнесла Мавра подчеркнуто убедительным тоном.— Я хотела бы все-таки попросить вас показать мне груз... Я боюсь наркотиков. В «Кеннеди» на сей счет очень квалифицированные службы. И от них не спасает даже дипломатический паспорт.

— Бог мой! — воскликнул Фридман. Наклонился, вынул из пакета два свертка.— Сто тысяч.— Передал первый сверток Мавре.— А тут...— развернул бумагу.

Марина увидела переложенных ватой миниатюрных черепашек с бриллиантовыми глазками, крокодила с золотой чешуей, орла из черно-зеленого камня...

— Что это? — голос Мавры невольно дрогнул.

— Фаберже.— Фридман усмехнулся.— Замечу: увы, фальшивый. Но уйдет как подлинный, без сомнений. Проверено.

— Сто тысяч за провоз туфты? — не удержалась Мавра от жаргонного словечка, хотя акцент и ровность интонации выдержала.

— Ну... давайте откровенно.— Фридман откинулся в плюшевом кресле.— Ваша услуга безусловно стоит много меньше, но... я щедрый парень. Кроме того, хочу посмотреть, каким выйдет наш первый контрабандный блин...

Мавра вкрадчиво улыбнулась:

— Блин... говорите?

— Ага. Это игра слов на основе ну... не пословицы, а как там...

— Несу коньяк,— перебила Мавра.— А вы пока потанцуйте.— Подойдя к магнитофону, нажала клавишу.— Кстати, сейчас сооряджу кое-какую закуску...

Фридман протянул руку Марине — беззаботным, разбитным движением.

Испытывая сильнейшую досаду и нервную дрожь в ногах, Марина с трудом заставила себя ответить кавалеру, трижды ею проклятому в душе, призывной улыбкой. Прижалась к Фридману, взглянув на Мавру из-за его плеча.

Глаза подруги Мавры были ясно-светлы от злобы и уже бесповоротно принятого ею решения...

ФРИДМАН-СТАРШИЙ

Как полагал Семен, день выдавался удачным: пришло письмо из компании, торгующей типографским оборудованием, о перечислении посреднического аванса за подписанный в Москве под контролем брата Валеры контракт; Борис вылетал из Франкфурта, и, наконец, сегодня под высокий процент возвращался долг неким Дональдом Вайсом — человеком, занимавшимся в Манхэттене проституцией.

Дональд, седобородый, с внешностью пожилого английского герцога, вылез из-за руля своего «Порше» на условленном месте — у ресторана «Одесса» на Брайтоне. Невзирая на ливший безжалостно дождь, гордо двинулся в своем ослепительно-лощеном костюме к машине Фридмана и, сев рядом с ним, без предисловий о погоде и здоровье сказал:

— Семен, наличные в «Порше», я в состоянии полностью рассчитаться, однако прошу об услуге...

— Необходима отсрочка, — понятливо продолжил Фридман за собеседника. — Дополнительные две-три тысячи гарантированы, так? Нет, Дональд, у тебя сплошные задержки, мне надоело.

— Сыграем иначе, — отозвался Вайс. — Кредит мне необходим на два дня. Оставляю залог: три фунта кокаина. Если опоздаю хотя бы на час с выплатой...

Наркотики. Фридман не раз сталкивался с этим бизнесом, брезговал им, да и побаивался, однако в данной ситуации риска не усматривалось, а выгода выходила очевидной: так или иначе он оказывает Дональду услугу, а Дональд — человек благодарный; ну а в случае чего, если заложенный кокаин придется продать, невозвращенный долг перекроется с лихвой...

— Качество? — спросил Фридман.

Дональд лишь укоризненно взглянул на него. Фридман в свою очередь оглянулся на двери «Одессы», на рекламные фотографии местного усатого сочинителя-песнопевца за оконным стеклом. Вечером сюда нахлынет публика с Брайтона в дешевых бриллиантах и шубах до пят; начнется музыкальная полублатная ностальгия с эстрадки... Вот мрак! А ведь он тут когда-то едва ли не собирался посуду мыть или официантом за чаевые вкалывать... А о месте гардеробщика и мечтать не приходилось: надо же — с каждого клиента доллар чаевых!

Дональд вышел из машины, затем возвратился, положив на сиденье полиэтиленовый пакет. Мягко хлопнула дверь.

Подняв руку в прощальном приветствии, Семен тронул «Кадиллак» с места, держа курс на заправку. Решил подрулить к «Мобойл» на Кони-Айленд-авеню перед съездом на скоростную трассу, а после заехать в итальянский ресторанчик у залива Шипсхед-Бей, там подавали отменные ракушки с лимонным соком и крупные креветки в нежном густом соусе... Затем домой — взгреть Алика за хозяйственную недобросовестность ради профилактики, попить кофе и в его компании, а напоследок — встреча с Борисом в аэропорту.

На углу Кони-Айленд-авеню он притормозил, переведя рычаг управления передач в положение парковки: неожиданно захотелось бананов, гроздьями свисавших с одного из лотков овощной лавки... Привычно осмотрелся. Парковка здесь запрещалась, но полицейских поблизости не было. Двое стояли под эстакадой сабвея за перекрестком у входа в магазинчик самообслуживания «Пас Мак» — оттуда все время что-нибудь воровали жуликоватые покупатели, так что полиция там паслась постоянно. Однако дистанция была велика, и опасности эти стражи порядка не представляли. Тележка-мотороллер с крытым верхом, на которой развезжал писатель штрафных бумаг, только что продефилировала в поисках добычи вдаль, а потому Фридман, выйдя из машины, двинулся к овощному прилавку с вальяжной беспешностью. И — нос к носу столкнулся с полицейскими, шагнувшими навстречу ему из соседнего магазина, где, вероятно, отсиживались от дождя, но, узрев «Кадиллак»-нарушитель, как пауки, ринулись к жертве...

Сколько же вас, сук, на Брайтоне развелось, подумал Фридман, спешно впрыгивая за руль, опуская рукоять передач в положение «d» и нажимая на газ...

Машина рванулась вперед, Фридман крутанул руль вправо, выворачивая на широкую Кони-Айленд-авеню, но подвела скользкая дорога: тяжелый автомобиль занесло, ударив левым задним крылом в параллельно идущий «Форд», и носом развернуло к тротуару. Двигатель заглох.

Фридман не успел потянуться к ключам зажигания, как вдруг увидел нацеленные в него пистолеты, искаженные злобой и решимостью физиономии полицейских и уже через считанные секунды стоял лицом к стене у входа в копировальную мастерскую «Ксерокс», чувствуя, как его обыскивают опытные руки.

Какая глупость... Нелепость, идиотизм... Что бы ему грозило, не побегит ли он от этих ментов? Максимум — тридцатник штрафа. Нет, дернулся! Сработал эмигрантский инстинкт, когда за этот тридцатник он убивался на черной работе весь день... Сработал механически, слепо, и так же слепо он шел несколько минут назад

к злополучной банановой лавке, опрометчиво забыв о пакете с кокаином на переднем сиденье, который сейчас обследует с радостно-изумленным лицом полицейский в черном плаще с желтыми, должными фосфоресцировать в ночи полосами. И теперь доказывай судье, будто убежал вовсе не из-за того, что в машине находился наркотик, а из-за жалких тридцати долларов. Хорошо, на пакете нет отпечатков его пальцев, авось адвокат обыграет такой факт... Но как объяснить случившееся Дональду? И сколько тот заломит за пакет? И вообще... чем все закончится? А Боря?!

— Да ты... серьезная штука, парень, — донесся до него голос с характерным бруклинским акцентом. — Повезло... нам!

ФРИДМАН-МЛАДШИЙ

Он даже не понял, что, собственно, и произошло... Держал Марину за талию, чувствовал тонкий, прекрасный запах ее духов, видел, обмирая от любви и нежности к ней, чистую по-детски кожу щеки и шеи, и вдруг все поплыло в глазах, пришло осознание падения и бессилия перед этим падением... После — долгий провал. А затем вернулось сознание вместе с колко пульсирующей болью в голове, режью в кистях рук и лодыжках...

Он лежал на полу раздетый, туго связанный прочной капроновой веревкой, с наклепкой пластыря на губах. Расплывчатые пятна перед глазами постепенно оформились в лица... Марина и Джейн. Сосредоточенные, даже угнетенные, однако во взглядах — одинаково мрачная целеустремленность. Попытался спросить: за что, почему, с ума вы, бабы, спятили? — но лишь глупо промыгачал через нос.

— Если слышишь нас, кивни, — мерно и отчужденно произнесла Джейн. Без акцента. — Ага, слышишь... Тогда так, хочешь жить — говори: где камни, которые брату послать должен? Учти, Валера, всерьез тебя спрашиваем, упираться будешь — пожалеешь... Утюг, которым ты по голове получил, сейчас уже греется, и щипчики есть для ногтей... А маникюр — вещь ох неприятная... Колись, Валера! Будешь тихо говорить, вежливо, без ора, тогда рот расклею... Будешь?

Фридман кивнул.

Пластырь оторвался вместе с кожей губы. Валерий слизнул кровь, потекшую по подбородку.

— Отважные вы... дамы, — произнес еле слышно неповинующимся голосом. — На такое решиться... Только ведь глупость морозите... Кстати, как звать-то тебя, мисс липовая американка?

— Ты по делу, по делу, без болтовни, — предупредила Мавра угрожающе.

— Хорошо, без болтовни, — согласился Фридман. — Верьте мне

или не верьте, а камни уехали. Могу адрес дать, только вам туда не добраться. На три дня вы, девушки, опоздали, всего на три дня. А всех моих денег, дорогуши, на день сегодняшней — тысяч двадцать. Нужны? Дарю. А потому утюги, щипцы — напрасный и пошлый номер. А пока не зарвались вы, даю вам шанс. И слово свое даю: претензий иметь не буду. Тебя, Мариночка, жаль. Прости, но дура ты. Я же серьезно с тобою насчет брака... всерьез, болван! Теперь мероприятие отменяется. Но обещаю: ни добра от меня не жди, ни зла. Давай сведем партию вничью. Режь веревки, дорогая, и — разбежались. Повторяю, большой шанс вам даю, поверьте...

Мавра ударила его ногой в лицо.

— Заткнись, тварюга... — прошипела с яростью. — И гонор свой проглотить, понял?! Я тебе даю шанс, а не ты... Где камни?!

Фридман сжал зубы, чувствуя ломящую боль от удара в скуле. И надо же так нарваться... Ладно, главное — спокойствие. Каким образом эти крысы пронюхали о камнях? Хотя вопрос не так и важен. Даже если бы бриллианты имелись у него и поньше, ничего в данной истории они бы не изменили. Сегодняшняя его роль — однозначно роль смертника. И зря начал он с отказа и поучений... Стервы чересчур воспалены и самим риском своей затеи, и неудачей... Надо иначе. Разговора все равно не получится, игра идет ва-банк, и главное — затянуть время...

Следующий удар ослепил — мысок туфли врезался в глаз. Боль просто-таки пронзила Фридмана, и он закричал. На рот тотчас же лег плотный лоскут пластыря. Неслись ругательства Мавры, истерические вскрипы Марины:

— Я не могу... Я уйду...

— Звони своему братцу хренову, — обернулась к ней Мавра. — Пусть везет шприц и лекарства, мы ему язык развяжем, гаду...

Марина вышла, мелькнул край ее платья в дверном проеме.

«Угораздило же тебя так промахнуться, детка, — едва ли не с жалостью к ней подумал Валерий. — Как же не повезло тебе, как же не повезло... И, наверное, я виноват в том, все-таки я... Воздалось! За зло получил злом... И что теперь? Сколько времени, интересно? От силы прошел час. Значит, еще час остается... Если бы знали эти идиотки, что в машине встроена радиостанция, и, услышав вопрос относительно маршрута поездки, охрана приехала к подъезду заблаговременно и сейчас сидит под окнами, наверняка зная номер искомой квартиры. Еще час, от силы полтора, а после сюда ворвутся, единым махом высадив стандартную хлипкую дверь, четверо вооруженных зверей и, застав хозяина в таком положении и состоянии... Эх, девушки!»

Мавра закурила сигарету, бросив спичку Фридману в лицо.

«А может, рассказать ей о последствиях? Нет, у этой лжеамери-

канки что-то, видимо, неладно с психикой, судя по дикости глаз и психопатической взвинченности... Марина пассивна, но она на поводу у мегеры...»

Новый удар в голову.

— Говорить, падла, будешь?..

Фридман кивнул.

Вновь грубо, рывком отодрался пластырь.

— Твоя взяла, — прохрипел Валерий. — Только без утюгов...

— Струсил? — Смешок с издевкой.

— Нет... Но... дай час на раздумье.

— Что?! — Опять удар. — Финтить вздумал?!

Фридман хотел выпругаться, но вдруг почувствовал, что язык не повинуется ему. И с настороженным, внезапным пониманием уяснил какое-то новое и необратимое состояние, захватывающее все его существо... Исчезла будто бы в никуда боль, сознание стало прозрачным и как бы отдельным от него...

— Ма-а-ри-и-на! — услышалось из ватного, туманного далека испуганное и злобное одновременно. — Сюда давай! Чего-то с ним... это...

А потом раздался грохочущий, нарастающий звук. И кошмар кончился.

Был тихий закатный час пасмурного дня. Валерий стоял, облокотясь на крашенные серой краской поручни набережной, рядом с тупиком Кони-Айленд-авеню. Океан накатывал ленивую волну на серый песок широкого пляжа. Откормленные, как домашние гуси, чайки прохаживались важно у самой кромки воды.

А грохочущий звук принадлежал поезду, серебристой дугой скользившему по эстакаде над Брайтоном в дымно-розовом небе вечернего Бруклина.

«Так значит... сбылось!» — обожгла томительно-радостная мысль.

Какая-то часть сознания еще сомневалась в реальности окружавшего Валерия мира, но тут же убедительно различил он морские запахи, лица прогуливающихся людей, даже ячеи сетки, отгораживающей теннисный клуб от улицы, частокол счетчиков парковочного времени на обочине тупика... Он — в Америке. Да, сбылось. А что же за кошмар привиделся ему? Будто он связан, лежит в крови на полу, истязаемый... Ведь ему никогда не снились раньше кошмары, и вот же...

Мелькнул последний вагон поезда. Розовое небо становилось лиловым, неуклонно темнея. Темнея с пугающей быстротой. Уже и ночь... Теряются контуры домов, и ничего нельзя различить... Почему же столь скоро ты нагрянула, ночь, и почему ты таким осязаемо-плотным, стремительным мраком наваливаешься на Нью-Йорк, на океан, на меня?..

МИХАИЛ АВЕРИН

Звонок Марины произвел на Михаила впечатление ошарашивающее, будто его пырнули ножом.

«Похитить Фридмана! Девки сошли с ума!»

Осев в кресло, он замер с закрытыми глазами и лишь через минуту вскочил, обожженный дотлевающей до фильтра сигаретой. Вновь замер, глядя отчужденно на заставленную аппаратурой комнату.

Вот он — тот день, когда все может перевернуться с ног на голову. Что же... этот день не застал врасплох Мишу Аверина. Спасибо Дробызгалову за предупреждение о вероятном аресте, спасибо американским «почтальонам» Бориса и Марины, доставившим ему штатский паспорт и подтверждение, что ценности на руках у Фридмана действительно немалые, спасибо всем! Он, Миша-Мордашка, многое упредил, о многом позаботился. Красные червонцы превращены в зеленые, кубышка припрятана, есть ботинки с «бриллиантовыми» каблуками да и чемоданчик со всем необходимым для дальней поездки заготовлен... Вопрос: ехать ли сейчас на Большую Грузинскую? Марина просила привезти лекарства. Значит, Фридман молчит. Но о лекарствах-то он просто сболтнул, пурги подпустил, а сестрица и клонула... А вдруг что-то и выйдет, вдруг раскрутится Фридман?.. Нет, надо ехать. Надо.

Напоследок решил проведать деда, сегодня с утра его не видел, как бы не занемог старик...

Свет в комнате деда не горел. Михаил раскрыл дверь, спросил громко:

— Спишь? — Но ответа не получил.

Нажал на клавишу выключателя. И мигом все понял.

Старик был мертв. Видимо, смерть случилась еще прошлой ночью, а он, Михаил, только сейчас уясняет, что не слышал сегодня сквозь сон обычного гремящего кухонной посуды и неверного стариковского шарканья по паркету...

Подошел к умершему. Поцеловал деда в лоб. С горькой благодарностью и отчаянием. Подумал, не коря себя за цинизм: «Вовремя, дед, ушел. Да и тяжело бы тебе было в живых».

И, погасив свет, вышел из квартиры.

К дому Мавры подъезжать не стал, оставил машину в соседнем переулке. Подумав, пошарил под сиденьем, достав «ТТ», купленный по случаю неделю назад, послал патрон в ствол. Сунул пистолет за ремень. Мало ли что?.. Он не верил никому, допуская даже, что сообщницы могли затеять любую пакость и против него, ведь обстоятельства способны меняться с логикой внезапной и парадоксальной... А уж если затеяли что — «ТТ» пригодится. И тогда, не раздумывая, разрядит он обойму и в сестру родную, мразь эту, теперь уже все равно...

В дверь позвонил, как улавливались: два длинных, два коротких.

Мавра открыла незамедлительно.

— Миша, караул... — прошептала, безумно на него глядя. — Кончился он, сука, зараза, теперь хлопот... — Она закусила костяшку кулака, болью отгоняя подступающую истерику.

— Тихо ты, — брезгливо проронил Михаил, проходя в квартиру.

В гостиной увидел скрюченное на полу тело Фрийдмана с развернутым как бы в немом крике ртом, забрызганный кровью паркет... На диване, уткнувшись лбом в крепко сжатые, белые от напряжения кулаки, безучастно сидела Марина.

— Ничего... не сказал? — кашлянув равнодушно, обернулся Михаил к Мавре.

— Сказал, вывез три дня назад.

— Ну вы и даете, гестапо в юбках... — Михаил покачал головой. — Совсем охренели. Главное, сами ведь хотели куш сорвать, а не вышло — сразу — ау, Миша! А чего теперь аукать? Чтобы труп вам помог закопать?.. — Он осекся, вытащив из-за пояса пистолет: в замке входной двери что-то заскреблось, после раздался отчетливый щелчок, и тут же в прихожую буквально влетели трое парней: плечистых, в одинаковых кожаных куртках, высоких на толстой подошве кроссовках...

Михаил, мгновенно оттолкнув в их сторону Мавру, кувыркком перекатился в соседнюю комнату, рванул на себя фрамугу окна и, не раздумывая ни мгновения, спрыгнул с третьего этажа вниз на газон, тотчас упав.

Вскочил. Боль пронзила правую лодыжку, но, скрипя зубами, он заставил себя побежать в сторону машины, не выпуская из рук пистолет. В голове мелькало: почему, как? Эти трое — из мафии, не милиция... Охрана Фрийдмана? Или его, Михаила, пасли? Или...

Сзади раздался шум двигателя приближающейся машины. Михаил коротко оглянулся через плечо, увидев черный «Додж» с желтым номером, знакомую ему машину охраны Фрийдмана... Значит, подстраховывался Валерий, хотя и неудачно...

«Додж» двигался на Михаила, не тормозя и не отворачивая...

С абсолютным спокойствием, будто бы проделывал такое каждодневно, он спустил предохранитель и, присев на колено, пальнул из «ТТ» по передним колесам, четырежды переместив мушку...

«Додж» повело в сторону, и, перевалив через бордюрный камень, машина с глухим хрустом и звоном битого стекла уткнулась в стену дома.

Не теряя ни секунды, Михаил бросился к своему «Жигуленку».

Повернулся ключ в замке зажигания, и, пропищав пробуксовавшими на месте шинами, автомобиль понесся прочь.

Через десять минут, превозмогая нервную дрожь, Аверин звонил из телефона-автомата Дробызгалову.

— Женек, привет! — произнес он как можно беззаботнее. — У меня классные новости: Валера — твой со всеми потрохами... Детали — при встрече...

— Когда? — коротко спросил Дробызгалов.

— Да хоть сейчас... Только машину в гараж надо поставить.

— Подъезжай к управлению, я жду... — В голосе оперуполномоченного звучало нескрываемое волнение.

— О, давай так... — озадачился Михаил. — Заеду за тобой, потом воткнем тачку в бокс и — ко мне. Чуть-чуть отдохнем. День был жуткий, мне бы стаканчик мартини не помешал... Как?

— Никаких вопросов.

— Тогда через пять минут спускайся вниз, я подъеду... А, вот что! Не забудь паспортишко мой...

— Паспортишко — после дела, — отрезал Дробызгалов.

— Правильно. Но я хочу знать, врал ты или нет, когда утверждал, будто бы все готово...

— Хватит трепаться... — Дробызгалова, видимо, стал раздражать этот слишком откровенный разговор по телефону. — Распустил язык... Убедишься, за меня беспокоиться нечего!

Когда Михаил подъехал к управлению, Дробызгалов уже стоял в ожидании на улице. Присев рядом на переднее сиденье, протянул Мордашке паспорт.

Михаил не торопясь изучил документ.

— Все в порядке? — Дробызгалов протянул руку. — Давай сюда и выкладывай свои новости.

Со вздохом Михаил вернул заветные корочки.

— Приедем ко мне, все по порядку и расскажу, — произнес он, держа курс в направлении гаража. — Знай самое главное: дело сделано.

— Надеюсь, — сухо кивнул Дробызгалов.

У гаража остановились.

— Я ворота открою... — Мордашка вылез из-за руля. — А ты въезжай...

Евгений покорно перебрался на переднее сиденье.

Когда нос машины вплотную придвинулся к стеллажу, заваленному барахлом и запчастями, Дробызгалов, с хрустом, до упора подняв рычаг ручного тормоза, открыл дверь, намереваясь вылезти из «Жигулей», но тут же и оцепенел под черным зрачком «ТТ», смотревшим ему в висок.

На колени оперативного уполномоченного упали наручники.

— Пристегнись к рулю, менток...

Пришлось подчиниться.

Широкая клейкая лента «скотча» плотно легла на рот.

— Извини, обстоятельства изменились, — процедил Мордашка, обыскивая его. — Так, ключи от машины, мой замечательный заграничный паспорт, а ваше табельное оружие заберете со стеллажа... Когда — не знаю, но ночевать сегодня придется здесь. Что еще? Бумажник ваш мне не нужен, грабежом милиции не занимаюсь... Пожалуй, все. Пока.

Из-под груды старых покрышек в углу Миша достал пакет с валютой и ботинки с «бриллиантовыми» каблуками. Переобулся, со смешком глядя на вытаращенные глаза Дробызгалова за лобовым стеклом автомобиля. Со стеллажа снял чемодан, прикрытый от пыли упаковочной бумагой.

Постоял в тяжком раздумье. Затем, открыв дверь «Жигулей» и коря себя, привязал к рулю вторую руку Евгения, а шею на старом собачьем поводке укрепил вплотную к подголовнику кресла.

— Вот так оно понадежнее, — произнес удовлетворенно, не принимая во внимание зверское мычание и хрюканье онемевшего поневоле Дробызгалова. — Не бойся. Смертного греха на душу не возьму. Дня через три позвоню в ментовку твою, хотя бы и из Берлина.

Он погасил в гараже свет и запер тяжелые двери.

Через пять минут такси уносило его в аэропорт. Ощупывая нывшую от неудачного падения ногу, Михаил размышлял, застанет ли он в Шереметьево-2 знакомую даму, твердо гарантировавшую места «на посадку». В крайнем случае придется звонить ей домой. Предстоит и звонок родственникам относительно похорон... Надо же, не сумеет даже деда похоронить, что за жизнь... А какая впереди? Кто знает... Не исключено, что сегодня придется ночевать в камере — ведь валюту и камни он вынужден везти на себе и выхода никакого... Ладно. Если в камере — значит, не судьба. А вдруг... вдруг и доведется пройтись ему по этому сказочному, из недостижимых фантазий Брайтону? Ах, если бы...

Через считанные часы на него уже смотрели пронизательные глаза таможенника.

БОРЯ КЛЕЙН

— Алик, падла, с кого получать двадцатник? — возмущался Боря, входя в столовую, где Алик тушил мясо к ужину. — Слышь, старший кок? Где шеф? Там меня проводили честь по чести, на шикарном иностранном «Мерседесе», а тут колупал до Бруклина на

вонючем отечественном «Шевроле». Хорошо, водила знакомый, с третьего Брайтона...

Прятели расцеловались.

— А подарок? — спросил Алик вкрадчиво, но с напором. — Из-за границы?

— За мной, — сказал Боря, выкладывая на стол пакет из кармана куртки. — Где шеф-то, действительно?

— Должен, вроде, тебя встречать... — Алик повернул голову в сторону холла.

Дверь в дом, оставшаяся незапертой, отворилась, и на пороге появились трое людей: тип двухметрового роста в длинном модном плаще и двое полицейских — оба в затемненных очках, руки на рукоятках «кольтов».

Боря машинально потянулся к лежавшему на столе пакету.

— Не двигаться! — усмотрев его движение, рявкнул парень в плаще, и пистолеты полицейских в ту же секунду направились в сторону Бори и Алика.

Капнул жир из чугунка в газ, и едко зашипело в наступившем безмолвии.

Тип в плаще произнес длинную, видимо, из официального ритуала фразу. Ни Алик, ни Боря толком ее не поняли. Что-то о правах и обязанностях.

Уяснив существование языкового барьера, тип задал вопрос попроще:

— Вы кто такие?

— Друзья... хозяина, — молвил Алик, глядя на чугунок скошенными к кончику длинного носа глазами и машинально отирая руки о замасленный фартук.

Тип, подойдя к столу, взял в руки пакет.

— Ваше? — спросил в пространство.

— Мистера Фридмана, — отчеканил Борис.

Алик снял с себя фартук, выключил газ под чугунком.

Что-то случилось. Что именно, они не подозревали, но думали одинаково: шеф кончился, и опять началось прежнее — ни то ни се, шалтай-болтай...

— У меня, — произнес Алик внезапно, — чего-то из зеленых есть, еду к маме. У нее квартира. Буду лежать на диване. До конца жизни. Жрать продукты с рынка, гулять и вообще... Надоело тут. Борь...

— А я лично еще поборюсь, — отозвался Борис. — Я вот не унываю.

— Прощу говорить по-английски! — взорвался тип в плаще. Затем, развернув пакет и всмотревшись в его содержимое, раскрыл рот.

Вытряхнул содержимое на стол: два рулона туалетной бумаги и тюбик с кремом от геморроя. Выпорхнула и записка, упав на пол. Боря записку услужливо поднял, успев прочесть ее текст:

«Отправь своему обкакавшемуся передо мной братцу. К телефону он не подходит, по моим данным — скрывается. Ваши дружки — кооператоры в Союзе — банкроты и трепачи. В сырье им отказали. Я поставил завод, а платить им нечем. Твои камни — половина того, что я потерял. Спасибо вам! Вы очень дорогие родственники

С любовью. Дядя»

Боря философски взирал на туалетную бумагу, скрупулезно изучаемую полицейскими. Равно, впрочем, как и Алик.

— Мы вынуждены вас обыскать, — обратился человек в плаще к Бернацкому, бросив брезгливый взгляд на распотрошенные рулоны.

Алик, вспомнив круиз, растянул тонкие губы в усмешке, понятной лишь ему одному.

— Good luck!¹ — покладисто отозвался он и расстегнул на брюках ремень.

МИХАИЛ АВЕРИН

Миша Аверин сидел возле фонтана у громады Кельнского собора — каменной сказки. Ныли ноги от долгой ходьбы по городу, подмывало отправиться в маленькую семейную гостиницу «Элштадт», где он вчера остановился. Гостиница располагалась неподалеку, на старой, уцелевшей после бомбежек прошлой войны улочке, неподалеку от набережной грязноватого быстрого Рейна. Представил, как поднимается по узенькой лестнице на второй этаж, идет мимо гостиничной библиотеки с книгами на недоступном немецком языке и — ныряет в чистейшие голубые простыни... И спит до утра. За сорок марок. Одуреть, коли вспомнить советский коэффициент. Месячная зарплата профессора. Впрочем, пора мыслить и считать иными категориями. К тому же прошедший денек выдался на славу: найдена работенка по упаковке продуктов в магазине — сотня за смену, на первое время хватит. Что потом — неизвестно. Работа нелегальная, квартиры нет, будущее — в тумане.

На парапет возле него присела красивая японка.

— Девушка, — спросил он ее на английском. — Могу я вам составить компанию?

Девушка поспешно приподнялась, странно, как на сумасшедшего, взглянула на Михаила и ушла прочь.

¹ Полная остановка

— И хрен с тобой, — произнес Миша ей вслед, с тоской вспоминая доступных московских раскрасавиц.

Рисовали цветными мелками портреты нищие художники на площади перед собором, собирая подаяние за талант в расставленные возле своих произведений тарелки; неподалеку на лавочке пили пиво из банок и брэнчали на гитарах какие-то бродяги опять-таки в надежде содрать мзду с прохожих; шумел суетой встреч — расставаний близлежащий Кельнский вокзал...

— Все лучше, чем в Сибири, — произнес Миша, вздохнув. — Все лучше...

Он очень прозорливо представил свою сестру Марину в камере предварительного заключения и — содрогнулся.

Встал, побрел в сторону набережной, к отелю.

Он думал. Думал, приходя к выводу, что тут, конечно же, не останется. Тут он чужой. И все чужое. Жестокая Германия. Непонятная. Хотя и красивая, и благоденствующая.

Миша хотел в Америку. Он немедленно уедет туда, как только проверит дееспособность присланного Борисом паспорта. В ушах у Миши звучали эмигрантские мелодии и напевы, и мнился ему волшебный Брайтон-Бич, где всем, как он, наверное, и место, и все там счастливы, дружны, пьют в блеске витрин и бриллиантов шампанское с русской водкой и уж всегда готовы протянуть руку помощи, не говоря об элементарной моральной поддержке...

Миша и не представлял себе маленькую, полутрущобную улочку с мостом «подземки», тесные ресторанчики, поток прохожих, где не мелькнет ни единого русского лица, — очерченный океанским прибоем краешек задворок Америки.

Здесь, в Кельне, Миша находился в центре культуры, благополучия, хорошего вкуса, традиций и даже большего изобилия. Но Миша того не ведал. Мишу влекла американская сказка. И надежда. И ужас перед оставленной им, проклятой Богом Страной Советов, куда собирался сейчас некто Алик Бернацкий, чудак.

Чем же притягиваешь ты, Америка? Своей счастливой и загадочной символичностью для несчастных, мятущихся и убогих? Или полем боя для истомившихся неистраченной силой? Или насыщением для ненасытных? Или манящей к себе сутью Большого Дьявола?

В вопросах и есть ответ.

1989—1990 гг.

Гонорар за публикацию
автор перечисляет
на счет Советского детского фонда

Фото Игоря МИХАЛЕВА

СРЕДИ ВСЯКИХ ПРОЧИХ МОДНЫХ НЫНЕ КОНКУРСОВ
«МИСС КГБ» — ОСОБЫЙ.
ОЧАРОВАНИЕ — ДА, ИНТЕЛЛЕКТ — ДА, НО

**НАПАДАТЬ
НА НЕЕ
НЕ СОВЕТУЕМ**

OB
III.
HO

S
E
M

Фото Игоря МИХАЛЕВА

Служивцы единодушно признали ее самой очаровательной девушкой Московского управления КГБ. Мисс Госбезопасность действительно привлекательна, хотя в ее работе достаточно того, из-за чего можно потерять женственность.

Офицер КГБ Екатерина Майорова, зарабатывая себе на жизнь в отделе по работе со средствами массовой информации Московского управления КГБ, не только встречается с назойливыми советскими и иностранными корреспондентами. В ее прямую служебную обязанность входит сопровождение оперативных групп, часто выезжающих на захват опасных преступников. Ее задача — быть корреспондентом, ведущим фото- или видеосъемку операции.

— Риска в моей работе хватает, поэтому приходится все время держать себя в хорошей спортивной форме. Это занятия рукопашным боем, тренировки в тире.

— Нападать на нее не советуем, — смеются Катины коллеги. Несколько лет непрерывных тренировок дают себя знать. При весе в 58 килограммов она в долю секунды укладывает на пол хорошо тренированного мужчину.

— Драться не люблю, — говорит Катя, — но пару раз приходилось. Однажды несколько парней пристали на пляже. Пришлось общаться без слов.

Работа — это только часть того, чем занимается Екатерина Майорова. Несколько раз в неде-

лю вечером она учится профессиональной журналистике в Московском институте полиграфии. Скоро диплом на тему «Гласность в КГБ».

— О том, что я работаю в этой организации, большинство моих сокурсников и преподавателей института узнали, только прочитав советские газеты,— улыбается она.— Конечно, удивились, но больше тому, что даже в такой организации, как КГБ, был проведен конкурс красоты.

Работа. Институт. Времени на развлечения у нее почти не остается. На личную жизнь, по словам Кати, также.

— Как отношусь к мужчинам? — переспрашивает она.— Хорошо. Ценю в них честность, ум и силу. Не уважаю тех, кто часто меняет своих партнеров. Я не разочарована своей работой. Конечно, я была романтиком, решив пойти работать в КГБ. В жизни все оказалось намного сложнее и интереснее. Эта работа соответствует моему характеру, может быть, немного авантюристическому. Но в любом случае, я люблю общаться с людьми, а пресс-служба, особенно в условиях гласности, дает такую возможность.

А что же она не любит? Оказывается, занятия по немецкому языку в институте. Иногда себя, когда что-то не получается.

— Но этого мало,— говорит Катя,— для того, чтобы чувствовать себя несчастной.

Николай ГЕРАСИМОВ

Роберт А. ХАЙНЛАЙН

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Перевод с английского Илана ПОЛОЦКА

«МУЗЕЙ ОБЯЗАН ПОЛУЧИТЬ ЭТОТ ОБРАЗЕЦ»

Дрейзер сидел в своей конторе, крутя в руках смертный приговор Луммоксу, который тот вынес сам себе, появившись в зале заседания, когда чуть не рухнули стены, и размышлял, как лучше привести его в исполнение. Электроток? Может быть... но он не знал, какое напряжение потребуется в данном случае. Перерезать ему горло? Шериф никак не мог представить, какой ему придется подбирать нож и что будет в это время делать зверь.

Ни взрывчатка, ни огнестрельное оружие тут не подойдут. Хотя подождите! Если заставить чудовище пошире открыть пасть, можно зашвырнуть ему в глотку заряд, который выпотрошит его дочиста. Так точно, сэр, — оно сразу же подохнет! Броню носят многие животные — черепахи, крокодилы, например, — но у всех она снаружи, а не внутри. И эта зверюга не исключение; шериф несколько раз заглядывал в его пасть, когда пытался скормить ему яд: броневые плиты у него только снаружи, внутри же все розовое, влажное и мягкое.

Значит, так: он скажет, чтобы мальчишка Стюарт приказал зверюге открыть пасть и... нет, тоже не пойдет. Мальчишка увидит, что шериф собирается делать, и тогда еще одна вдова полицейского будет получать пенсию. Паренек совершенно от рук отбил... Горько наблюдать, как мальчик из хорошей семьи катится по наклонной плоскости прямиком в тюрьму.

Нет, зверя надо под каким-то предлогом отправить в город и в отсутствие мальчишки все сделать. Можно, например, предложить животному какую-нибудь вкуснятину, и когда оно откроет пасть... Зна-

чит, главное — забрать его от Стюартов, а это можно сделать лишь при содействии мальчишки, который не собирается проявить законопослушание, это ясно, как божий день. Нет, надо что-то придумать...

Луммокс был счастлив очутиться дома. Его прекрасное настроение выжалось в том, что он то и дело старался положить свою голову Джонни на колени, чтобы тот приласкал его. Правда, теперь он был слишком велик для таких нежностей: Луммокс просто клал переднюю часть морды Джонни на колени, удерживая тяжесть тела на весу, пока тот чесал ему нос осколком кирпича.

Джонни тоже был счастлив, но не совсем. С возвращением Луммокса он чувствовал себя значительно лучше, но знал, что ничего еще не решено; шериф Дрейзер обязательно предпримет попытку убить Луммокса. И он напряженно, до головной боли думал, что предпринять.

А тут еще и мать, которая не слишком обрадовалась тому, что «это животное» вновь вернулось в дом Стюартов... Джон Стюарт слушал ее крики и угрозы да помалкивал: опыт долгих лет жизни с матерью научил его уступать ей в мелочах и не огрызаться. Вступать с ней в конфликт было для него гораздо мучительнее, чем для нее. Каждый раз, когда отец улетал, он говорил Джонни: «Забойсья о матери, сынок. Не причиняй ей горя...»

Ну что ж, он пытался, он в самом деле сделал все, что мог. Но отец и представить себе не мог, что мать когда-нибудь будет мечтать о том, как бы избавиться от Луммокса: ведь она выходила за него замуж, прекрасно понимая, что звездный зверь — неотъемлемая часть их дома. Так что же она?..

Вот Бетти никогда бы так не поступила.

Его размышления прервала мать:

— Тебя спрашивает мистер Перкинс.

— Кто это? — осторожно спросил Джон Томас.

— Право, не знаю, — сказала миссис Стюарт, отводя взгляд, — кажется, какой-то ученый...

Мистер Перкинс оказался сама любезность; несмотря на все подозрения, Джону Томасу он понравился. После обмена вежливыми общими словами за столиком с кофе он перешел к делу.

Он представлял лабораторию Экзотических Форм Жизни Музея Натуральной Истории, который, услышав об истории Луммокса и узнав о процессе, решил купить его.

— Он не продается, — отрезал Джон Томас.

Мать подняла глаза от вязания и сказала:

— Будь поумнее, мой дорогой. У тебя сейчас не то положение, чтобы с ходу отвергнуть такое предложение.

Джон Томас упрямо молчал. Мистер Перкинс продолжил с мягкой улыбкой:

— Я уважаю ваши чувства, мистер Стюарт. Но прежде чем я явил-

ся сюда, наш юридический отдел исследовал суть дела, и я знаком с вашими насущными проблемами. Поверьте, я прибыл сюда не для того, чтобы усложнять их; у нас есть предложение, в результате которого ваш питомец окажется под надежной защитой.

— Я не буду продавать Луммокса, — твердо повторил Джон Томас.

— Почему? А если это будет единственный выход из положения? Правда, приговор еще не вынесен, но, боюсь, что он будет не слишком мягок.

Джон Томас помрачнел, и мистер Перкинс ловко сменил тему разговора.

— Во всяком случае, раз уж я проделал такой путь, нельзя ли познакомиться с вашим питомцем? Мне ужасно интересно.

— Почему же нельзя? — Джон Томас медленно поднялся на ноги и вместе с мистером Перкинсом пошел к выходу.

Увидев Луммокса, мистер Перкинс сделал глубокий вдох и как бы в восторге покрутил головой.

— Восхитительно! — Он обошел вокруг Луммокса, все больше изумляясь. — Просто потрясающе! Уникально! Это самое большое внеземное существо, которое я когда-либо видел! Ума не приложу, как его доставили на землю!

— Ну, с тех пор он немного подрос, — сказал Джон Томас.

— Говорят, он ловко подражает человеческой речи. Не могли бы вы попросить его подать голос?

— Конечно. Эй, Лумми, мальчик мой, как ты поживаешь?

— Отлично, — пискнул Луммокс. — А что этому человеку надо?

— Да ничего особенного. Он просто хочет посмотреть на тебя.

— Он говорит! — Мистер Перкинс в изумлении вылупил глаза. — Мистер Стюарт, Музей просто обязан получить этот образец!

— Я уже сказал вам — нет.

— Я с самого начала был готов выложить приличную сумму, а теперь, когда я увидел... и услышал его...

Джон Томас почувствовал, что сейчас взорвется, но сдержался и сказал:

— Мистер Перкинс, вы женаты?

— Да. А что?

— И дети есть?

— Девочка. Ей всего пять лет. — Его лицо смягчилось.

— Я предлагаю вам сделку. Давайте обменяемся. Вы мне — дочь, я вам — Лумми... И пусть каждый делает со своим «образцом» все, что захочет.

Перкинс залился румянцем, а затем улыбнулся.

— Я сражен наповал. Но, — продолжил он, — давайте не будем торопиться. Вы не догадываетесь, какое искушение представляет это существо для человека науки. В самом деле... — Он в замешательстве посмотрел на Луммокса и спросил: — Не вернуться ли нам?

Когда они вошли, миссис Стюарт вопросительно взглянула на

ученого. Мистер Перкинс отрицательно качнул головой. Они расположились в креслах. Мистер Перкинс скрестил руки на груди.

— Миссис Стюарт, вы предупреждали меня, что разговор будет нелегким, но если я скажу директору лаборатории, что мы не смогли договориться, я буду выглядеть просто глупо. Могу ли я рассказать вам, что именно Музей имел в виду... Просто ради информации?

— Ну что ж... — Джон Томас нахмурился. — Я думаю, беды в этом не будет.

— Спасибо. Я должен сделать хоть что-нибудь, чтобы оправдать расходы на дорогу. Разрешите мне проанализировать ситуацию. Итак, это создание, ваш друг Луммокс находится под постоянной угрозой, ибо приговор еще не вынесен и неизвестно, каким будет решение суда.

— Да, — вынужден был признать Джон Томас.

— Полиция и суд обязаны думать о безопасности общества в первую очередь, — настойчиво сказала миссис Стюарт.

— В любую минуту, завтра или даже сегодня суд может вынести нежелательное для нас с вами решение, и Межзвездный Департамент санкционирует уничтожение Луммокса.

— Может быть, решение будет положительным...

— Да, но класть на одну чашу весов жизнь Луммокса, а на другую — столь слабую надежду?

— Нет! Они этого не сделают! — сказал Джон Томас, но в его голосе не было уверенности.

Мистер Перкинс печально покачал головой.

— Это голос сердца, а не разума. Если Луммоксу вынесут смертный приговор, шериф не станет терять времени даром. Возможно, сам он не догадается, как уничтожить зверя, — тогда обратится к экспертам, специалистам. Мистер Стюарт, любой биолог, глянув на Луммокса, сможет отыскать два или три верных способа покончить с ним быстро и эффективно. Даже я, признаться, подумал об одном таком способе.

Джон Томас с тревогой посмотрел на ученого.

— Но вы не скажете о нем шерифу Дрейзеру?

— Конечно, нет! Я скорее себе язык откушу. Но есть сотни других специалистов, которые с удовольствием придут ему на помощь. Или он может интуитивно нащупать путь к этому сам.

Джон Томас не нашелся, что ответить. Миссис Стюарт тихо добавила:

— Ты не можешь в одиночку выступать против всех. И ты должен понять: твое упрямство приведет к гибели Луммокса.

Джон Томас вцепился зубами в костяшки крепко сжатого кулака.

— Что же я могу сделать? — еле слышно сказал он.

— Многое, если вы позволите мне помочь вам. Прежде всего, давайте внесем ясность. Если вы доверите нам своего питомца, никто не сможет причинить ему вред. Наша цель — создать для животного

самую благоприятную среду, чтобы оно чувствовало себя в Музее как дома, и изучать его. Мы хотим, чтобы оно было здоровым и счастливым, и приложим немало усилий, чтобы достичь этого. И когда в конце концов Луммокс умрет естественной смертью, его скелет и шкура займут свое место в нашем Музее как экспонат.

— А вы бы хотели, чтобы вас выпотрошили и выставили в музее? — резко спросил Джон Томас.

— Что? — Перкинс сначала удивился, а потом рассмеялся: — Меня лично это не волнует: я уже завещал свой скелет медицинскому колледжу. Да и Луммокса это не будет волновать. Суть дела в том, чтобы вырвать его из лап полиции... И чтобы он мог в спокойствии дожить до преклонных лет.

— Подождите. Ведь если вы его купите, они все равно доберутся до него и убьют, если этого потребует суд. Разве не так?

— Да, продажа его Музеем не означает отмену возможного приговора, но поверьте мне, он никогда не будет приведен в исполнение. Я консультировался с нашим юридическим отделом. Если вы дадите мне расписку в получении денег, Музей возьмет Луммокса под свою защиту. Я обещаю вам, что тогда Луммокс будет в полной безопасности.

— Вы уверены в этом?

— Достаточно уверен, чтобы рисковать деньгами Музея. В противном случае меня просто выгонят с работы, — Перкинс улыбнулся. — Но я не ошибаюсь.

— Мне кажется, вы упоминали о финансовой стороне вопроса, мистер Перкинс, — вмешалась миссис Стюарт. — Какую сумму вы имеете в виду?

— Ну, скажем, двадцать тысяч...

— Меня это устраивает.

— Эй, постойте! — запротестовал Джон Томас. — Мы еще ни о чем не договорились. Я не позволю, чтобы Луммокса...

— Тихо! Дорогой мой, я терпела, сколько могла, но всему есть предел. И твоим глупостям тоже. Мистер Перкинс, он согласен. Бумаги у вас с собой?

— Мы еще не договорились!

— Минуту! — Мистер Перкинс поднялся. — Мадам, правильно ли я понял вас, что смогу получить подпись вашего сына на платежных документах?

— Вы ее получите.

— Хм-м-м... Ну, мистер Стюарт?

— Я ничего не буду подписывать.

— Ну что ж. Тут уж я бессилён. — Мистер Перкинс встал. — Спокойной ночи, мистер Стюарт. Благодарю вас за то, что дали возможность изложить мое предложение — и за то, что я увидел Луммокса. Нет, нет, не провожайте меня, дверь я найду.

Он двинулся к выходу. Мать и сын не смотрели друг на друга. У дверей мистер Перкинс остановился.

— Мистер Стюарт!

— Да, мистер Перкинс?

— Могу ли я попросить вас об одолжении? Сделайте как можно больше фотоснимков Луммокса. Если можете, в цвете, стерео. Я мог бы вызвать сюда профессионалов... но, думаю, у нас уже нет времени. Не хотелось бы вас огорчать, но я вынужден поставить вас в известность. Дело в том, что приговор вынесен. Луммокс согласно решению суда подлежит уничтожению. — И он снова двинулся к выходу. Джон Томас сглотнул комок в горле и выскочил из кресла.

— Мистер Перкинс! Эй! Вернитесь!

...Через несколько минут он уже подписывал бумаги. Рука у него дрожала, но подпись была четкой и разборчивой.

— А теперь, миссис Стюарт, — мягко сказал Перкинс, — будьте любезны подписаться внизу, там, где слово «опекун»... Вот деньги. Мистер Стюарт, завтра вы поможете доставить Луммокса в город, а уж последующая его транспортировка — это наши заботы. Спокойной вам ночи! — Он положил документы в карман и быстро вышел.

БЛАГОРАЗУМНЫЕ ПОСТУПКИ

...С Луммоксом Джон Томас пробыл недолго, потому что правду он ему сказать не мог, а больше говорить им было не о чем. Луммокс чувствовал, что Джон Томас чем-то расстроен, и все время задавал ему вопросы; наконец Джон Томас обнял его, шлепнул по боку и сказал:

— Да все в порядке! Замолчи и иди спать! И дай мне слово, что ты никуда не уйдешь со двора, а то я тебе ноги перелломаю.

— Честное слово, Джонни. Мне не нравится на улице. Люди такие странные.

— Вот запомни это и больше не повторяй того, что ты делал.

— Не буду, Джонни. Лопни мое сердце.

Расставшись с Луммоксом, Джон Томас залез в постель. Но ему не спалось. Полежав, он кое-как оделся и полез на чердак. Туда надо было взбираться по шаткой лестнице, а затем лезть через люк в потолок. Мансарда принадлежала только Джону Томасу. Хотя уборка своей комнаты входила в его обязанности (впрочем, он делал это с охотой), мать иногда навевывалась туда со щеткой. И тогда могло произойти все что угодно. Кое-какие бумаги могли исчезнуть, затеряться, потому что мать, уверенная, что между родителями и детьми не должно быть никаких секретов, давала волю своему любопытству.

Поэтому все, что Джон Томас считал нужным хранить в тайне, он держал на чердаке; мать никогда не поднималась сюда — на лестничке у нее кружилась голова. Чердак представлял собой маленькую, душную и захлавленную комнату, нечто вроде семейного архива. На самом же деле она была предназначена для самых разных целей:

несколько лет назад на чердаке жили змеи, попугаи; здесь же хранились те книги, что каждый мальчишка читает, но не считает нужным ставить о них в известность своих родителей; на чердаке имелся даже телефон, который Джон Томас собрал сам. Он прекрасно работал. Правда, Джон Томас позаботился, чтобы мать не догадалась о его существовании.

Но в этот вечер он не хотел ни с кем разговаривать. Звонить в общежитие, где жила Бетти, было поздно. Ему хотелось побыть одному и снова перелистать кое-какие бумаги, в которые он уже давно не заглядывал. Нырнув под свой рабочий стол, он нажал потайную кнопку, и в стене открылась панель. На полке лежали книги и тетради.

Вот блокнот из тонкой бумаги — дневник его прадедушки, который тот вел во время второго исследовательского полета «Летающего Лезвия». Бумагам было более ста лет, и чувствовалось, что они прошли через многие руки. Джон Томас перечитывал дневник десятки раз и подозревал, что его отец и дедушка делали то же самое. Страницы были хрупкими и почти рассыпались в руках.

Осторожно перелистывая страницы, он скорее проглядывал их, чем вчитывался в текст. Его глаза остановились на запомнившихся строчках:

«...Кое-кто из ребят в панике, особенно женатые. Но они должны были думать обо всем раньше, прежде чем поставили свою подпись. Теперь известны границы, к которым мы стремимся; мы сделаем рывок и вынырнем где-то далеко от дома. Кто знает, что нас ждет. Мы уходим в дальнее плавание».

Джон Томас перевернул еще несколько страниц. Историю «Летающего Лезвия» он знал почти наизусть, и теперь она не вызывала в нем ни благоговения, ни трепета. Это был один из первых межзвездных кораблей — его команда уходила в неизвестность с теми же чувствами, с которыми пускались в плавание по океану моряки золотого пятнадцатого века, под чьими ногами была шаткая дощатая палуба их суденышек. «Летающее Лезвие» отправилось в такой же трудный путь, одолело эйнштейновский барьер, надеясь, что не упустит своих шансов на возвращение... Джон Томас Стюарт VIII находился на ее борту во время второго путешествия. После возвращения домой он женился, произвел на свет сына... Именно он пристроил чердак на крыше дома.

А затем в одну ночь он услышал клич диких гусей, вечных бродяг, и снова подписал контракт. И уже не вернулся.

Джон Томас нашел первое упоминание о Луммоксе.

«Эта планета как нельзя лучше напоминает добрую старую Землю, и мы поистине отдыхаем здесь после трех предыдущих планет, на которых царил хаос. Но эволюция, которая приучила нас к парности, пошла здесь по другому пути. Похоже, что все сущее вокруг имеет по восемь ног. Здешняя мышь похожа на сороконожку, кро-

лик — создание с шестью короткими ногами и двумя толчковыми: когда он взлетает вверх, то достигает высоты жирафа. Одного непонятного зверька я поймал (в сущности, он сам подошел ко мне и вскарабкался на колени) и за это время так привязался к нему, что попытаюсь взять его с собой как талисман. Он похож на щенка, только несколько ловчее. Постараюсь покатить малыша на борт, чтобы его никто не увидел, и лучше всего — Биопла...

В описаниях событий следующего дня Луммокс не упоминался, потому что автор был занят более серьезными вещами.

«Это свалилось на нас неожиданно, как горшок с полки... Цивилизация. Наши офицеры, в таком восторге, что потеряли головы. Но, с другой стороны, не можешь не думать, что станет с нашей бедной Землей, если эти динозавры соберутся к нам в гости».

И дальше...

«Я все время ломал себе голову, чем кормить Сосунка. Но беспокоиться не о чем. Он любит все, что я для него таскаю. Он может сгрызть все, что не привинчено или не приклепано. Недавно он съел мое вечное перо, что заставило меня немало поволноваться. Не думаю, чтобы чернила отравили его, но вот как насчет металла и пластика? Он словно ребенок: все, до чего может дотянуться, тащит себе в рот».

«Сосунок развивается с каждым днем. Похоже, эта маленькая дворняжка пытается разговаривать; общаясь со мной, он поскуливает, а я ему отвечаю тем же образом. Затем он взбирается ко мне на колени и откровенно сообщает, что очень любит меня. И провалиться мне сквозь землю, если я отдам его биологам, даже если они застукают меня. Эти умники способны распотрошить любое живое существо, лишь бы посмотреть, что там у него внутри тикает. А малыш мне доверяет, и я никого не подпущу к нему».

Джонни спрятал бумаги; Луммокс по-прежнему не выходил из голы. Он решил, что надо бы спуститься вниз и немного поспать.

Он уже двинулся к выходу, как загорелась лампочка вызова на телефоне; он схватил трубку прежде, чем зазвучал сигнал, ибо не хотел, чтобы проснулась мать.

— Да?

— Джонни, — услышал он взволнованный голос Бетти, — я узнала, что Луммоксу вынесли приговор.

— Я в курсе, Бетти. Ему теперь ничего не сделают. Я продал Лумми. Приходил мистер Перкинс из Музея...

— Перкинс? Такой маленький, лысый, обходительный?..

— Да. Откуда ты знаешь?

— Слушай, давай не будем терять времени, я видела его сегодня. Джонни, он о чем-то сговаривался с шерифом Дрейзером. Слушай, эти люди способны на все, они решили заполучить Лумми, чтобы убить его. Это Дрейзер подсунул тебе Перкинса.

— Не может быть!

— Еще как может. Джонни, завтра на рассвете я буду у тебя, и мы придумаем, что делать. Жди.

И она отключилась.

Он попытался созвониться с ней снова, но услышал только голос автоответчика: «Аппарат отключен до восьми часов утра. Если вы хотите что-то сообщить, то...» Он повесил трубку.

Джонни сидел, повесив голову, и думал, что ему лучше умереть. Он позволил загнать себя в угол и подыграл врагам Луммокса. Чем больше он размышлял, тем больший гнев охватывал его. Он допустил, чтобы ему втолковывали какие-то глупости... потому что они выглядели столь логичными, полными здравого смысла.

Черт побери этот здравый смысл! Никто из его предков не придерживался этого проклятого здравого смысла, никто! И кто он такой, чтобы изменять традиции? «Пай-мальчиков» среди Стюартов не было. Неужели дедушка смог бы продать Луммокса? Да он бы весь этот суд разнес голыми руками. Он бы с кольцом встал рядом с Луммоксом — и будь против него весь мир, он не позволил бы тронуть даже волосок на его спине. Нет, он не возьмет ни цента из грязных денег Перкинса; теперь он это знал наверняка.

Но что ему делать?

Он может улететь на Марс. В соответствии с Законом Лафайетта он является его гражданином и может претендовать на участок марсианской земли. Но как попасть туда? И, самое главное, как ему переправить Луммокса?

В этом все дело, с яростью сказал он себе. Надо все обдумать на спокойную голову.

Наконец он набросал план, в котором было лишь одно достоинство — здравый смысл в нем и не ночевал; в равной мере здесь были перемешаны глупость и риск. Джонни решил, что теперь дедушка остался бы им доволен.

ОБЫЧАИ, ПРАВИЛА И ГАДКИЙ УТЕНОК

Джонни спустился вниз и постоял, прислушиваясь, у дверей комнаты матери. Он не ожидал услышать ничего тревожного; это действие было скорее инстинктивным. Затем вернулся к себе и стал спешно собираться, начав с того, что натянул на себя походное обмундирование и горные ботинки. Спальный мешок лежал в шкафу: он вытащил его оттуда, приторочил к рюкзаку и засунул в боковой карман маленькую силовую установку. Все прочее, необходимое для бродячей жизни под открытым небом, он рассовал по остальным карманам и клапанам.

Подсчитав наличность, Джонни тихо присвистнул; все его деньги лежали на срочном вкладе, и не было никакой надежды взять их. Ну что ж, ничего не поделаешь. Он стал спускаться вниз, но, вспомнив нечто важное, вернулся к своему столу.

«Дорогая мама, — написал он, — пожалуйста, скажи мистеру Перкинсу, что наши с ним дела кончены. Верни ему ту сумму, которую он нам всучил. Ты можешь использовать деньги, отложенные на мой колледж, чтобы расплатиться с пострадавшими. Мы с Лумом уходим, и искать нас не стоит. Прости меня, но я должен это сделать». Пробежав записку, он, решив, что добавлять к ней ничего не стоит, приписал: «С любовью» и подписался. Он положил записку на обеденный стол и направился в кладовую за припасами. Через несколько минут, таща большой мешок, набитый пакетами и банками, он вошел в домик Луммокса.

Его друг спал. Сторожевой глаз узнал его, и Луммокс не пошевелился. Джон Томас подошел к нему и рукой шлепнул изо всей силы.

— Эй, Лум! Просыпайся!

Зверь открыл остальные глаза, сладко зевнул и потянулся.

— Здравствуй, Джонни, — пискнул он.

— Вот что: мы уходим в путешествие.

Луммокс вытянул ноги и встал; по его спине пробежала сладкая дрожь.

— Хорошо.

— Сделай мне сиденье и возьми вот это. — Джонни указал на мешок с припасами. Луммокс повиновался. Джонни закинул припасы Луммоксу на спину и влез на него сам. Вскоре они уже двигались по дороге, которая вела от дома Стюартов.

При всей импульсивности своих действий Джон Томас, тем не менее, понимал, что скрыться и спрятать Луммокса — дело почти неосуществимое; в любом месте Луммокс будет привлекать к себе внимание, как турецкий барабан в ванной. И все же он не терял надежды отыскать в окрестностях Вествилла уголок, где можно было спрятать Луммокса.

Городок лежал в открытой долине между горами; к востоку горные хребты поднимались в небо. В нескольких милях от городка начинались девственные леса, которые выглядели точно так же, как в те времена, когда индейцы встречали Колумба. В течение короткого охотничьего сезона леса кишели охотниками, гонявшими оленей, лосей и другую живность, но большую часть года они были необитаемы.

Если они с Луммоксом смогут незамеченными добраться до этих мест, вполне возможно, что им удастся уйти от погони — по крайней мере, пока у него хватит припасов. А когда они кончатся... что ж, он будет жить так, как Луммокс... питаться тем, что ему удастся раздобыть, может быть, олениной. Он не хотел гадать, как дальше развернутся события; сейчас его главной заботой было укрыть Луммокса от преследования, а потом уже обдумать их положение... словом, засунуть Луммокса куда-нибудь, где старый хорек Дрейзер его не найдет.

Джон Томас решил повернуть Луммокса к востоку и через долину направиться к горам. Луммокс мог идти по любой почве, как танк,

правда, на мягкой земле он оставлял отчетливые следы. Поэтому необходимо было найти твердое покрытие.

Джон понял, что надо делать. Столетие назад трансконтинентальная трасса пересекала эти места к югу от Вествилла и, извиваясь, уходила еще выше к Большому Каньону. Она была проложена задолго до появления энергетических дорог, которые прорезали горы, вместо того чтобы карабкаться по ним. Но старая дорога, заброшенная и местами заросшая, покрытие которой растрескалось от морозов и жары, все же годилась для могучей поступи Луммокса. Они обогнули дом, пересекли три мили открытого пространства и достигли того места, где экспресс-трасса ныряла в первый туннель и где от нее, поднимаясь в гору, ответвлялся старый путь. Джонни направился не прямо к развилке, а, остановившись в сотне ярдов от нее, замаскировал Луммокса, строго наказав ему не шевелиться, и отправился на разведку. Он не хотел рисковать, неосмотрительно переводя Луммокса через экспресс-трассу.

Память его не подвела: петля развилки ныряла под трассу. Дорога в этом месте была утрамбована гранитной крошкой, и он надеялся, что даже тяжелые ноги Луммокса не оставят на ней следов. Вернувшись, он обнаружил, что Луммокс меланхолично доедает какую-то афишу. Поругав его, он отнял афишу, но затем, решив, что лучше не оставлять следов, вернул ее Луммоксу. И когда тот перестал чавкать, они тронулись в путь.

Джонни расслабился только на старой дороге. Первые несколько миль покрытие ее было в хорошем состоянии. Сквозного движения по ней не было, поскольку дорога кончалась тупиком. Пару раз над ними пролетали аэрокары, доставляя домой припозднившихся посетителей театров, но если они и заметили огромное животное, трусившее по дороге внизу, то не подали виду.

Дорога, извивавшаяся по краю каньона, вынырнула на равнину, где их встретил барьер с надписью поперек трассы: «ДОРОГА ЗАКРЫТА. ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Джонни слез со спины Луммокса и осмотрелся. Шлагбаум представлял собой обыкновенный брус, поддерживаемый противовесом.

— Лумми, ты можешь перешагнуть через это бревно, не притрагиваясь к нему?

— Конечно, Джонни.

— Отлично. Давай, только не задень его.

— Не буду, Джонни.

Вместо того чтобы переступить через барьер, подобно лошади, перешагивающей через небольшое препятствие, Луммокс подобрал все свои ноги и перелетел через бревно. Джонни ожидал его, присев за барьером.

— Я и не знал, что ты так можешь.

— Я тоже.

Дорога круто пошла вверх. Джонни остановился, чтобы покрепче

примотать груз. Веревку он пропустил под брюхом Луммокса, а конец намотал на руку.

— Все в порядке, Лумми. Ну-ка, прибавь скорости. Но только не прыгай; я не хочу свалиться.

— Держись, Джонни!

Луммокс ускорил шаг. Он перешел на быструю рысь. Теперь, когда Джонни понял, что здесь, вдали от домов и оживленных дорог, они в безопасности, им овладела усталость. Он прилег на спину, почувствовав, как Луммокс устраивает для него удобное ложе, и равномерное движение усыпило его.

Луммокс продолжал уверенно прокладывать себе путь по каменному крошеву. Сейчас он пользовался ночным зрением и шел, не опасаясь, что споткнется. Он знал, что Джонни спит, и старался двигаться как можно более плавно. Наконец и он притомился и решил подремать. Он вытаращил свой сторожевой глаз, прикрыл остальные и переключился на сторожевой мозг, располагавшийся около крестца. Луммокс продолжал двигаться в глубоком сне, оставив на страже лишь небольшую часть мозга, которая вела его по правильному пути, предупреждала о препятствиях на дороге и обеспечивала ровную неустомимую работу восьми огромных ног.

Джон Томас проснулся, когда звезды уже начали меркнуть в утреннем небе. Передернувшись от холода, он потянулся. В тумане вырисовывались горы, и дорога вилась вокруг одной из них, а затем ныряла к реке, текущей далеко внизу. Он приподнялся.

— Эй, Лумми!

Ответа не последовало. Он снова окликнул его. Луммокс ответил сонным голосом:

— В чем дело, Джонни?

— Да ты спал!

— А ты не говорил, что спать нельзя, Джонни.

— Ну ладно... Мы на той самой дороге?

Луммокс проконсультировался со своим вторым мозгом.

— Конечно. А ты хотел на другую дорогу?

— Нет. Но нам надо сойти с нее. Становится светло.

— Почему?

Джон Томас не знал, что ответить; попытка объяснить Луммоксу, что над ним висит смертный приговор и поэтому они вынуждены скрываться, не увенчалась бы успехом.

— Надо, вот почему,— сказал он.

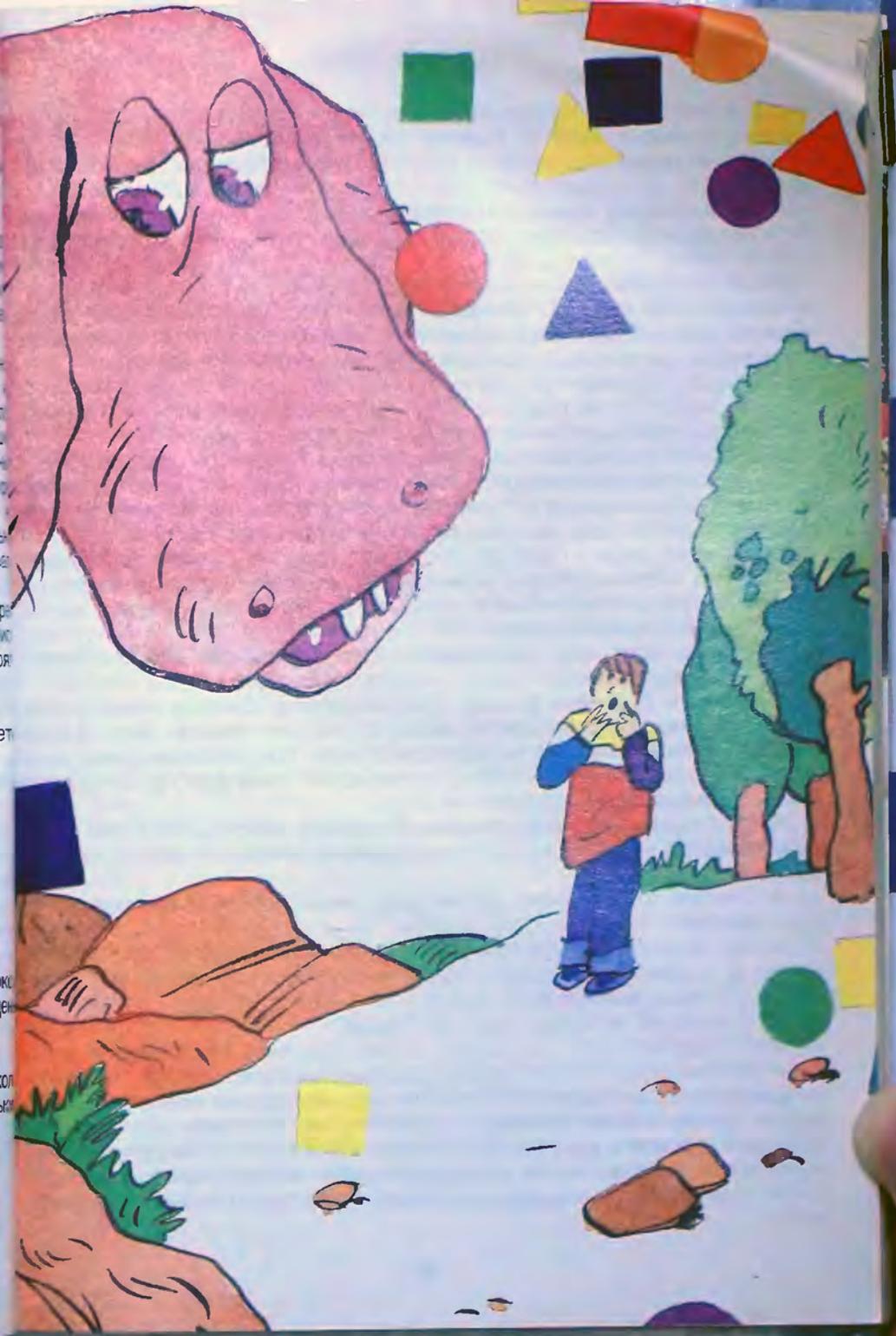
Русло реки поднималось им навстречу; пройдя милю или около того, они обнаружили, что дорога лежит всего лишь в нескольких футах над стремниной.

— Здесь остановимся! — крикнул Джонни.

— Будем завтракать? — осведомился Луммокс.

— Еще нет. Видишь эти скалы внизу?

— Да.

— Я хочу, чтобы ты прошел между ними. Только не ступай своими лапами по песку. Иди по камням. Понял меня?

— И не оставлять никаких следов? — недоверчиво спросил Луммокс.

— Совершенно верно. Если кто-нибудь спустится и увидит следы, тебе придется отправиться обратно в город, потому что по следам нас смогут найти. Понимаешь?

— Я не буду оставлять следов, Джонни.

Луммокс сполз вниз в сухое русло, извиваясь, как гигантский червяк. Джон Томас одной рукой невольно схватился за веревку, а другой — за мешок с припасами, боясь свалиться вниз.

Луммокс остановился.

— С тобой все в порядке, Джонни? — спросил он.

— Да. Спустись пониже и ступай по камням.

Затем они подошли к реке, нашли брод и перебрались на другую сторону. Скоро они оказались в нескольких сотнях ярдов от дороги. День был солнечный, и Джонни беспокоился, как бы их не заметили с воздуха, хотя вряд ли тревога могла подняться так быстро.

Впереди и вверху сосны спускались к берегу. Сосняк был достаточно густ, чтобы скрыть Луммокса, хотя в любом другом месте он выглядел бы, как огромный горный валун. Но искать лучшего места у них уже не было времени.

— Теперь иди под те деревья, Лум. Только не обвали берег. Ступай аккуратнее.

Они вошли под сень ветвей и остановились; Джонни спрыгнул на землю. Луммокс нарвал охапку веток и стал их жевать. Джон Томас вспомнил, что они давно уже не ели, но он сам слишком устал и не ощущал голода. Хотелось спать, только спать; всю дорогу, придерживаясь за веревку, он дремал на ходу.

Но он боялся, что если отпустит Луммокса пастись, пока сам спит, этот большой увалень может выбраться на открытое место, где его легко могут засечь.

— Знаешь что, Лумми? Давай вздремнем перед завтраком.

— Зачем?

— Ну, видишь ли, Джонни смертельно устал. Ты просто приляг здесь, а я пристрою рядом с тобой мой спальный мешок. А потом, когда встанем, мы поедем.

— И пока не встанем, есть не будем?

— Не будем.

— Что ж... ладно.— печально сказал Луммокс.

Джон Томас вытащил спальный мешок. Раздернув легкую мембрану, он сунул внутрь силовую установку и, включив нагреватель, принялся надувать матрац. От разреженного горного воздуха кружилась голова; надув матрац лишь наполовину и подрагивая от холода, он скользнул внутрь и задернул мембрану, оставив лишь дырочку для носа.

- Спок-ночи, Лумми.
- Спок-ночи, Джонни.

...Мистер Кику спал плохо и поэтому рано поднялся. Появившись в огромном здании Межзвездного Департамента, в котором было еще совершенно тихо и пусто, он уселся за свой стол и погрузился в размышления.

Всю ночь какая-то мысль не давала ему покоя, заставляя вспоминать, что же такое важное он упустил из виду. Мистер Кику относился к своему подсознанию с большим уважением, придерживаясь теории, что подлинный процесс мышления происходит отнюдь не в коре больших полушарий, их можно сравнить лишь с окошками дисплея, на которых высвечивается ответ.

Итак, раргиллианин говорит, что верит в серьезную опасность, которую несет для Земли единственный корабль хрошиа. Мистер Кику оценил это утверждение как неуклюжую попытку запугать Департамент... Но раргиллиане не любят преувеличивать, стало быть, и в самом деле этот корабль представляет для Земли большую опасность. Надо будет действовать с удвоенной осторожностью.

Он наклонился к панели видеодисплея и вызвал ночного дежурного.

— Говорит Кику. Дайте мне отель «Универсал». Найдите в нем доктора Фтаемла, раргиллианина. Как только он закажет завтрак, свяжите меня с ним. Нет, сейчас не будите его, пусть отдыхает.

Сделав это, он вернулся к рутинной работе по расчистке накопившихся бумаг.

В первый раз за несколько дней его корзина входящих полностью опустела; здание начало оживать, когда на панели вспыхнул красноватый огонек срочного вызова.

— Кику.

— Сэр,— на экране появилось встревоженное лицо,— я относительно звонка в отель «Универсал». Доктор Фтаемл не заказывал завтрака.

— Наверно, поздно лег.

— Нет, сэр. Я думаю, он вообще отказался от завтрака. Он направляется в космопорт.

— Как давно он выехал?

— Пять — десять минут тому назад. Мне только что это стало известно.

— Отлично. Вызови космопорт, скажи им, чтобы они не торопились с его кораблем. Дай им понять, что речь идет о дипломатических тонкостях и что они должны пошевелить мозгами, а не просто нацарапать разрешение на старт и снова завалиться спать. Затем найди доктора Фтаемла и передай ему, что я приветствую его и осведомляюсь, не окажет ли он мне любезность и не подождет ли меня несколько минут. Я отправляюсь в космопорт.

— Да, сэр!

Мистер Кику отключился и вызвал транспортный отдел.

— Говорит Кику. Я вылетаю в космопорт. Обеспечьте мне аппарат и полицейский эскорт.

— Есть, сэр!

Мистер Кику сказал своему секретарю, куда он отправляется, и поднялся на крышу, где его ждал вертолет.

В космопорте доктор Фтаемл ждал его у прохода для пассажиров, наблюдая за взлетным полем и пытаясь раскурить сигару. Мистер Кику подошел и поклонился.

— Доброе утро, доктор. Очень любезно с вашей стороны, что вы дождались меня.

Раргиллианин широким жестом отвел сигару в сторону.

— Это честь для меня, сэр. Отправляться в путь, будучи провожаемым особой вашего ранга, столь занятой... — он закончил пожатием плеч, выразившим и изумление, и удовольствие.

— Долго я вас не задержу. Я не хотел лишать себя удовольствия увидеть вас сегодня и не знал, что вы собираетесь нас покинуть.

— Я отлучусь ненадолго, господин Секретарь. Постараюсь обернуться туда и обратно за сутки.

— Ясно. Ну что же, возможно, уже завтра я смогу представить вам на рассмотрение решение нашей проблемы.

Фтаемл был несколько удивлен.

— Неужели?

— Надеюсь. Данные, которые вы вчера нам представили, дают ключ к ее решению.

— Могу ли я надеяться, что вы нашли пропавшую хрошиа?

— Возможно. Знаете ли вы сказку о гадком утенке?

— О гадком утенке? — у раргиллианина был такой вид, словно он спешно перелистывает все свои досье. — Да, мне знакома эта идиома.

— Используя данный вами ключ, мистер Гринберг напал на след гадкого утенка. И если он окажется тем лебедем, которого мы ищем, все завершится удачно.

Казалось, раргиллианин с трудом верил в сказанное.

— М-м-м... могу ли я сообщить это своим клиентам?

— Я бы предпочел подождать, пока мистер Гринберг не выяснит все окончательно. Он покинул столицу, чтобы провести расследование. Могу я проводить вас до шлюпки?

— Конечно, сэр.

— Доктор... Давайте будем совершенно откровенны. Вы дали нам понять, что этот корабль хрошиа представляет серьезную опасность для нашей планеты.

— Да, сэр. В том случае, если хрошиа придут к выводу, что в результате действий обитателей вашей планеты их соплеменница погибла, Земля будет просто уничтожена.

— Этим одним кораблем?

— Одним-единственным.

Мистер Кику покачал головой.

— Доктор, я не сомневаюсь, что вы верите в правоту своих слов. Но защитная мощь основной планеты Федерации вряд ли известна вам в полной мере. Пожалуйста, постарайтесь довести до сведения ваших доверителей, что у нас есть зубы.

У доктора Фтаемла был печальный вид.

— Даже используя все языки цивилизованных народов, я вряд ли смогу найти слова, чтобы убедить вас. Но поверьте мне: все, что вы можете им противопоставить, будет так же безрезультатно, как камешки против ракет.

— Увидим. Мне не нравится оружие, доктор; это последний довод, который пускает в ход примитивная дипломатия. Говорили ли вы им, что Федерация была бы не против принять их в Сообщество Цивилизаций?

— Мне было очень нелегко объяснить им сущность вашего предложения.

— Неужели они настолько воинственны?

— Они совершенно не воинственны. Они настолько неуязвимы для обычных опасностей, что чувствуют себя олимпийцами... смотрящими на нас с вершин. Они не видят никакого смысла в общении с низшей расой; поэтому ваше предложение не было воспринято ими всерьез, хотя, поверьте мне, я приложил все усилия...

— Они сущие идиоты, — мрачно сказал Кику.

— Отнюдь, сэр. Они совершенно точно оценивают и вашу расу, и мою. Они понимают, что любая культура, овладевшая межзвездными путешествиями, обладает определенным уровнем способностей. К тому же они знают, что вы считаете себя довольно могущественными. Именно поэтому они сейчас рассматривают возможность применения силы, чтобы убедить вас.

— Х-м-м... И вам известно, как они собираются это сделать?

— Известно. Хрошиа собираются легко коснуться поверхности вашего спутника, чтобы оставить на нем выжженную полосу длиной примерно в тысячу миль и убедить вас, что они не собираются шутить.

— На меня это не произвело бы впечатления. Мы можем отдать нашему флоту соответствующий приказ и оставить на их планете такой же знак. Но мы этого не собираемся делать.

— Но вы не можете осуществить это силами одного корабля за несколько секунд и с дистанции в четверть миллиона миль?

— А вы считаете, они могут?

— Я уверен в этом. Господин Секретарь, в этой части небосклона появилась новая звезда, у которой нет аналогов в природе.

Мистер Кику помедлил.

— Вы говорили им, что наша Луна обитаема?

— Их хрошиа там не обитает, поэтому Луна их не интересует.

— Мда... я понимаю. Доктор, могли бы вы сообщить им, что мы обнаружили их хрошиа и что она находится на одном из спутников?

Раргиллианин изобразил широкую человеческую улыбку.

— Сэр, я восхищаюсь вами. Я буду счастлив доставить подобное известие. Я уверен, что демонстрации силы не будет.

— Доброго вам здоровья, доктор. Я буду на связи с вами.

— И вам доброго здоровья, сэр.

...Его корзина для бумаг, как обычно, была полна до краев. Он выкинул всех этих хрюшиа из головы и с наслаждением погрузился в работу. После полудня отдел связи оповестил его, что к нему направляется мистер Гринберг.

Вид у Гринберга был унылый.

— Шеф, я ломаю себе голову над тем, как бы мне наняться рядовым во Внешний Легион.

— Кончай петлять вокруг да около. Что случилось?

— Птичка улетела.

— Улетела? Куда?

— Хотел бы я знать. Скорее всего, в леса к западу отсюда. Вы знаете, что это создание приговорили к уничтожению. Его хозяин, мальчик, узнал об этом и скрылся со зверем сегодня ночью в неизвестном направлении.

СЛИШКОМ ПОЗДНО

Проснувшись и вспомнив, где он находится, Джон Томас ощутил беспокойство. В спальном мешке было тепло, чувствовал он себя хорошо отдохнувшим. Потянувшись, Джонни высунул нос из спальника. Солнце стояло уже высоко, и вокруг разливалось приятное тепло. Луммокс бродил поблизости.

— Эй, Лумми!

— Хэй, Джонни! Ты долго спал. И храпел.

— Неужто? — Выбравшись наружу, он собрал одежду, скатал спальный мешок. Сделав это, он повернулся в сторону Луммокса — и застыл.

— Что это?

Рядом с Луммоксом лежал мертвый медведь гризли — расплющенный в лепешку. Изо рта и носа его тянулись струйки засохшей крови.

— Это завтрак, — повернувшись, объяснил Луммокс.

Джонни с отвращением посмотрел на тушу.

— Только не для меня. Где ты его раздобыл?

— Я поборол его, — сказал Луммокс и смущенно улыбнулся.

— Не поборол, а поймал.

— Но я в самом деле поборол его. Он хотел добраться до тебя, а я его остановил.

— Ну ладно. Спасибо тебе. — Джон Томас снова посмотрел на медведя, отвернулся и открыл мешок с припасами.

Вынув банку, где была яичница с ветчиной, он отвинтил крышку и стал ждать, пока содержимое банки согреется.

Луммокс воспринял его действия как сигнал к завтраку. Первым делом он запихнул себе в пасть медведя, затем пару сосенок, кучу гравия и пустую консервную банку. Потом они спустились к воде. Луммокс запил свой завтрак чистой горной водой. Встав на колени, Джонни тоже напился и, вымыв лицо и руки, вытер их подолом рубашки.

— Что мы теперь будем делать, Джонни? — спросил Луммокс. — Пойдем гулять? Может быть, еще кого-нибудь поборем?

— Нет, — отрезал Джонни. — Мы вернемся под эти деревья и будем лежать там до темноты. Ты должен вести себя, как камень. — Он поднялся на берег в сопровождении Луммокса. — Садись, — приказал Джон Томас. — Я хочу посмотреть на твои опухоли.

Луммокс повиновался, и его хозяин начал осмотр, стараясь не причинять ему беспокойства. Ощупывая опухоли, Джонни чувствовал растущую тревогу. Они заметно увеличились, и Джонни пытался сообразить, к чему это может привести. Кожа на них воспалилась и натянулась, заметно утончавшись, и теперь ничем уже не напоминала могучую броню, покрывавшую тело Луммокса. На ощупь опухоли были сухими и горячими. Джонни осторожно ощупал одну из них; Луммокс дернулся.

— Беспокоит? — с тревогой спросил Джонни.

— Я так больше не могу, — запротестовал Луммокс. Он поднялся и, подойдя к сосне, стал тереться об нее.

— Эй! — крикнул Джонни. — Не делай этого! Ты повредишь себе...

— Но оно зудит, — сказал Луммокс, продолжая чесаться.

Джон Томас подошел к нему. И в тот же момент опухоль лопнула. Он в ужасе отпрянул.

Что-то непонятное, мокрое и темное, облепленное клочьями разорванной кожи, вывалилось из опухоли, повисло, а затем развернулось, как змея, повисшая на лианах в джунглях. В эти мгновенья Джонни показалось, что он видит нечто вроде гигантского червя. С запоздалым раскаянием он вспомнил, как заставлял Лумми карабкаться в гору, в то время как эта штука грызла его.

Луммокс облегченно вздохнул и потянулся.

— Ух! — сказал он с удовлетворением. — Теперь мне куда лучше.

— Луммокс! Ты в порядке?

— А что со мной может быть, Джонни?

— Но... но что это такое?

— Что? — Луммокс огляделся! Странное образование свисало до земли, и Луммокс посмотрел на него. — Ах, это... — небрежно сказал он.

Отросток снова развернулся, как распускающийся цветок, и Джонни увидел, что это было.

Луммокс вырастил руку.

Скоро она высохла и начала твердеть. Луммокс не обращал на нее особого внимания, но Джон Томас следил за тем, как она принимает законченную форму. У нее были два сустава типа локтевых и кисть с пальцами. Пальцев было пять, каждый состоял из семи фаланг, средний палец длинный и гибкий, как слоновий хобот; от человеческой рука эта, конечно, отличалась, но не было никаких сомнений в ее предназначении. Сначала фаланги пальцев двигались довольно беспомощно, но их движения становились все увереннее.

Луммокс не имел ничего против того, чтобы Джон Томас изучал его руку, но не проявлял особого интереса к ее развитию; он вел себя так, словно с ним после завтрака всегда случалось нечто подобное.

— Дай я посмотрю вторую опухоль,— сказал Джонни. Нарост с правой стороны набух еще больше. Как только Джон Томас притронулся к нему, Луммокс отпрянул и направился к соседнему дереву.— Подожди! — окликнул его Джон Томас.— Постой!

— Но мне надо почесаться.

— Подожди. Стой тихонько. Я попробую кое-что сделать.

Луммокс неохотно повиновался. Из ножен на поясе Джонни вынул клинок и сделал осторожный надрез в центре опухоли.

Разрез стремительно расширился, и вылетевшая правая рука Луммокса едва не шлепнула Джонни по лицу. Он отпрыгнул.

— Спасибо, Джонни!

— Пожалуйста.— Он спрятал нож и задумчиво посмотрел на новорожденную руку.

Он не мог себе представить, что Луммокс будет делать с этими так неожиданно появившимися новыми конечностями. Но понимал, что они меняют дело. Каким образом, он еще не знал. Может быть, теперь ему не придется заботиться о Лумми так, как прежде. С другой стороны, за ним надо присматривать, потому что он обязательно делает что-то, чего делать не должен.

Сквозь ветви он оглядел небо, прикидывая, могут ли их заметить сверху.

— Лумми...

— Да, Джонни?

— Подогни ноги. Стань похожим на скалу.

— Ой, давай лучше погуляем, Джонни.

— Мы пойдем гулять вечером. А сейчас я хочу, чтобы ты оставался на месте и не шевелился.

— Ой, Джонни!

— Слушай, ты же не хочешь снова отправиться в город, не так ли? Так что перестань болтать.

— Ну что ж, если ты так считаешь...— Луммокс опустился на землю. Джон Томас сел рядом, прислонился к нему и задумался.

Возможно, они с Лумми смогут зарабатывать себе на жизнь... Например, будут участвовать в карнавалах. Ни один карнавал не обходится без внеземных существ — даже если половина из них

всего лишь чучела, а Луммокс самый что ни на есть настоящий взеземной. Возможно, он научит его делать что-то своими руками, играть на флейте, например. Может быть, им в цирк пойти?..

Нет, это не годится для Лумми; в толпе людей он начинает нервничать. Черт, как бы им заработать?.. Должна же улечься когда-то вся эта шумиха! Заняться фермерством? Луммокс сильнее любого трактора, а с руками он теперь сможет делать любые работы на ферме. Может, это и выход, но, честно говоря, он никогда серьезно не думал о работе на земле.

Он представил себя и Луммокса, обрабатывающими землю... Колосятся ржи... Грядки с овощами... И не заметил, как провалился в сон.

Пробудил его странный звук. Открыв глаза, он увидел, что лежит рядом с Луммоксом. Тот вовсю размахивал руками. Одну из них с зажатым в кисти камнем он занес над головой... Раздался тот же звук, и небольшая осинка неподалеку внезапно рухнула. Несколько деревьев в отдалении уже лежали на земле.

Джон Томас вскочил на ноги.

— Эй, прекрати!

Луммокс остановился.

— В чем дело, Джонни? — обиженно спросил он. Перед ним лежала куча булыжников.

— Перестань бросать камни в деревья.

— Но ты это сам частенько делаешь, Джонни.

— Да, но я не ломаю их. Можешь есть их на здоровье, но не надо их ломать.

— Тогда я пойду их есть.

— Отлично. — Джонни огляделся. Уже смеркалось, через несколько минут солнце должно было закатиться. — Иди и подкрепись. Хотя подожди минутку... — Он осмотрел руки Луммокса. Они уже были одного цвета с телом и начали заметно твердеть. Но самое удивительное, что руки стали примерно вдвое толще, чем при появлении, и теперь достигали объема бедра Джонни. Кожа с них почти вся слезла, а оставшаяся шелушилась. Джонни ободрал ее. — Ладно, давай.

Пока Джонни готовил себе еду, Луммокс расправился с обломанными осинками и закусил консервной банкой. Когда стемнело, они выбрались на дорогу. Они шли всю ночь.

Когда первые лучи солнца коснулись далеких вершин, Джон Томас стал оглядываться в поисках укрытия. На этот раз счастье от них отвернулось: они оказались на открытом плато, которое кончалось глубоким мрачным провалом. По мере того как становилось все светлее, Джонни охватывала паника.

Далеко над ними прошел корабль. Он услышал лишь рев его моторов, но самого корабля не увидел. Вскоре он заметил, что над ними висит на крыльях одинокая человеческая фигурка.

— Стоп, Луммокс! Замри, как камень!

— Как камень, Джонни?

— Заткнись и делай, что тебе говорят!

Луммокс замолчал и повиновался. Джон Томас скользнул вниз и скорчился под головой Луммокса, сжавшись в комок. Он надеялся, что флаер пролетит мимо.

Но флаер сделал залихвастую петлю и пошел на посадку. Джонни с облегчением вздохнул, увидев, что это садится Бетти Соренсен.

— Привет, Лумми! — крикнула она, подходя к ним, затем уперла руки в бока и сказала: — Ну! Хорош! Удрал, не сказав мне ни слова!

— Да я хотел, Бетти, честное слово. Но у меня не получилось, извини меня, — ответил Джон Томас.

Она улыбнулась.

— Ну ладно. Раньше я думала о тебе куда хуже. Наконец-то ты на что-то решился, Джонни. Я уж боялась, что ты останешься таким же увальнем, как Луммокс, который только и ждет, чтобы его кто-то растолкал.

Джон Томас был слишком обрадован ее появлением, чтобы обижаться на нее.

— Слушай, а как ты нас нашла?

— Очень просто. Вторую ночь ты уходишь от города, а находишься на расстоянии одного короткого перелета...

— Но как ты догадалась, где нас надо искать?

Она пожала плечами.

— Я представила себя упрямым ослом и поняла, что ты обязательно пойдешь по этой дрянной дороге. Поэтому и крутилась над ней. И если ты не хочешь, чтобы тебя заметили, тебе надо побыстрее убираться отсюда. Так что давай! Лумми, старина, позволь мне взобраться на тебя.

Она протянула руку, Джонни втащил ее на спину Луммокса, и они двинулись в путь.

— Я хотел сойти с дороги, — волнуясь, объяснил Джонни, — но мы так и не нашли подходящей тропы.

— За этим поворотом — водопад, и мы можем сойти с дороги на площадке перед ним.

— Вот мы где оказались!

— Да... — Бетти наклонилась вперед и в это время впервые увидела руки Луммокса. — Джонни! — вскрикнула она, схватив его за плечо. — На Луммокса напал боаконстриктор!

Джон Томас рассмеялся.

— Это всего лишь его руки.

— Что? Джонни, ты с ума сошел!

— Успокойся и перестань хвататься за меня. Помнишь те опухоли? Так вот, из них выросли руки... Кстати, а вот и водопад.

Они подошли к ручью поближе. Здесь была единственная возможность сойти с дороги и разбить бивак. Джон Томас почувствовал себя гораздо спокойнее, когда Луммокс укрылся под густой сенью

деревьев. Пока он готовил завтрак, Бетти изучала новые конечности Луммокса.

— Бетти,— окликнул ее Джон Томас.— Каковы последние новости?

— Шериф Дрейзер объявил общую тревогу и назначил награду за Луммокса, живого или мертвого. Они серьезно взялись за дело, Джонни, очень серьезно. Поэтому мы должны хорошенько подумать, что нам делать.

— Мы будем идти ночами,— побледнев, медленно ответил Джонни,— пока не найдем надежного укрытия.

Она покачала головой.

— Не годится. Если идти этим путем, они без труда догадаются, где может укрыться Луммокс.

— Мы уйдем с дороги!

— Конечно. И они будут прочесывать этот лес, дерево за деревом. Они и в самом деле собираются это сделать, парень.

— Подожди. Знаешь старую урановую шахту? Вот там мы и спрячемся. Большой туннель вполне годится для того, чтобы скрыть Луммокса.

— Проблеск здравого смысла в этом есть. Нам надо потянуть время, пока ситуация не изменится.

— А что может измениться?

— Посмотрим. Может, кто-нибудь придет к нам на помощь... Вот что, Джонни, я прямо умираю от жажды: думать — очень утомительная работа, а я эти два дня только и делала, что размышляла. Ты захватил воды из ручья?

— Нет.

— Ведро не было?

Джонни порывлся в мешке, нашел складное ведро и стал его надувать.

— Дай-ка ведро мне,— сказала Бетти.— Я хочу размять ноги.

Взяв ведро, Бетти, держась в тени деревьев, побежала по склону, пока не достигла берега. Джонни смотрел, как ее стройная фигура мелькает в лучах солнца, пробивающихся меж сосен, и думал: какая она симпатичная... И не будь у нее этого дурацкого стремления командовать, которым вообще отличаются женщины, Бетти была бы хоть куда...

Осторожно неся пластиковое ведро, она поднялась наверх.

— Пей!

— Ты первая.

— Я уже напилась из ручья.

— Ну ладно.— Джонни жадно припал к ведру.— Знаешь, Бетти, не будь у тебя коленки вывернуты, ты была бы ничего.

— У кого коленки вывернуты?

— А мордашка симпатичная,— невозмутимо продолжал Джонни.— Не будь этого небольшого недостатка, ты бы...

Он не успел закончить — Бетти сшибла его на землю. Вода облила его с головы до ног. Они продолжали возиться, пока Джонни не перехватил ее руки.

— Говори: прошу пощады! — посоветовал он.

— Черт бы тебя побрал, Джон Стюарт! Ну ладно, прошу пощады. А теперь дай мне встать.

— Идет.

Он поднялся. Она осталась сидеть, поджав ноги, и, взглянув на него снизу вверх, рассмеялась. Оба они были в грязи и царапинах, но чувствовали себя как нельзя лучше. Луммокс наблюдал за их шуточной борьбой не без интереса, но спокойно, поскольку Джонни и Бетти никогда не дрались по-настоящему.

— Джонни весь мокрый, — прокомментировал он исход поединка.

— Конечно, Лумми, он самый мокрый из нас. — Она оглядела приятеля. — Будь у меня две прищепки, я бы подвесила тебя на дереве. За уши.

— Сегодня такой день, что мы высохнем за пять минут.

— Я не промокла, ведь я в комбинезоне. А ты выглядишь, как драный кот.

— Ну и пусть. — Он прилег, нашел сосновую иголку и задумчиво прикусил ее. — Какие здесь прекрасные места, Бет.

— Знаешь что?.. После того как вся эта неразбериха кончится, мы вернемся сюда и на несколько дней разобьем здесь лагерь. И Луммокса возьмем... Пойдешь с нами, Лумми?

— Конечно, — согласился Луммокс.

— И чтобы о нас говорил весь город? — засомневался Джонни.

— Но сейчас-то мы здесь — и это главное.

— Это исключительный случай.

— Беспокоишься о своей высоконравственной репутации?

— Ну, кто-то же должен думать и о таких вещах. Мать говорит, что мальчишкам не должно нравиться, если девочки проявляют уж очень большую активность. Она говорит, что все должно быть наоборот.

— Конечно, так было — и будет. — Бетти задумалась. — Но, Джонни, ты уделяешь слишком много внимания словам матери.

— Наверно, так оно и есть, — признал он.

— Старайся жить своим умом. А то ни одной девочке не захочется выйти за тебя.

— Ну и слава Богу, Бетти, — с улыбкой произнес Джон Томас.

Бетти моргнула и покраснела:

— Нечего ухмыляться! Мне-то ты и даром не нужен! Тем более когда так слушаешься маму...

— Бетти, ты оказываешь на меня плохое влияние.

— Конечно, Джонни, — беспрекословно согласилась она. — Я рассказывала тебе, почему я развелась с моими родителями?

— Нет, никогда.

— Именно поэтому я живу в общежитии. Родители слишком сильно давили на меня. Я пришла в суд и развелась, и мне дали профессионального опекуна. Но, понимаешь, Джонни, я не для того все это говорю, чтобы ты хлопал глазами. Ты сам должен быть личностью. Нельзя жить исключительно по указке родителей. — Она выпрямилась. — Так что будь самим собой и имей смелость принимать собственные решения. И никому не подражай.

— Бетти, ты в самом деле думаешь, что... — он оборвал себя и насторожился. — Ты что-нибудь слышишь?

Она прислушалась и серьезно кивнула.

— Они прощупывают окрестности. Луммокс! Замри!

— Замру, Джонни. А почему я должен замереть?

— Молчи.

— Не сходи с ума, — сказала Бетти. — Они не смогут засечь нас под деревьями. — Но теперь и она выглядела встревоженной. — Как бы я хотела, чтобы Луммокс уже был в туннеле...

Джон Томас не слушал ее. Он наклонился вперед, приставив ладони к ушам.

— Т-с-с! — прошептал он. — Бетти! Они возвращаются.

— Не паникуй.

Вибрирующий звук прошел над ними и оборвался. Они подняли головы, но за кронами сосен ничего не увидели.

Внезапно в глаза им ударила вспышка света такой яркости, что, когда она погасла, свет солнца, казалось, померк. Бетти сглотнула комок в горле:

— Что это?

— Сверхчувствительная аппаратура. Ультрафлеш, — мрачно ответил Джонни. — Теперь они приглядываются к тому, что разглядели в телескоп.

Гудение у них над головами возобновилось; снова сверкнула ослепляющая вспышка.

— Стереоснимок сделали, — с такой же мрачностью объяснил Джонни. — И если раньше они только подозревали, что мы где-то поблизости, то теперь точно нас увидят.

— Джонни, мы должны уводить отсюда Луммокса!

— Как? Как уводить, куда? Нет, девочка, наша единственная надежда в том, что они примут его за большой валун — слава Богу, что я заставил его стоять, не шевелясь. И мы не должны двигаться, — добавил он. — Может, они уйдут.

Но и эта последняя надежда исчезла. Они слышали, как один за другим подошли еще четыре корабля. Джонни обреченно пробормотал:

— Один занял позицию с юга. Второй — с севера. Два других,

похоже, подошли с запада и востока. Сукины дети. Они нас взяли в клещи.

Бетти посмотрела на Джонни. Лицо у нее было мертвенно-бледным.

— Что нам делать, Джонни?

— Что делать? Скорее всего, ничего... А ты беги между деревьями вниз, к ручью. Возьми с собой крылья. Затем отойди подальше вниз по течению — и в воздух. Ты вырвешься из-под их зонтика. Тебя они выпустят — ты им не нужна.

— А ты что будешь делать?

— Я? Я остаюсь здесь.

— И я тоже.

Джонни вышел из себя:

— У меня и так хватает забот. Ты бы уже была в пути.

— Как ты думаешь, что они могут сделать? У тебя нет даже оружия.

— Есть, — ответил Джон Томас, притрагиваясь к ножу, висевшему на поясе. — А Луммокс может кидать камни.

Она посмотрела на него, а затем истерически расхохоталась:

— Что? В самом деле — камни! Ох, Джонни...

— Во всяком случае, голыми руками они нас не возьмут. — Лицо его исказилось гримасой, как у человека, который пытается сдержать слезы.

Луммокс переступил с ноги на ногу:

— В чем дело, Джонни?

— А? — хрипло переспросил Джонни. — Ничего. — Он встал и потрепал его по спине. — Ничего, старина. Джонни с тобой. Все в порядке.

— В порядке, Джонни?

— Да, — еле слышно подтвердила Бетти. — Все в порядке. Это будет быстро, Джонни? — прерывающимся шепотом спросила она. — Мы ничего не почувствуем?

— Я надеюсь! Эх, всего полсекунды мне не хватило, чтобы дать тебе по загривку и спихнуть вниз... и все бы у тебя было в порядке!

Бетти спокойно покачала головой, и на лице ее теперь не было страха.

— Слишком поздно, Джонни. И ты это знаешь. Не ругай меня... держи меня за руку.

— Но... — он остановился. — Слышишь?

— Их становится все больше.

— Точно. Скорее всего, они строят вокруг нас восьмиугольник... Чтобы мы не ушли.

Внезапный громовой раскат избавил ее от необходимости отвечать. Это снижался один из кораблей; они уже могли разглядеть его на высоте в тысячу футов. Затем оттуда раздался металлический голос чудовищной силы.

— Стюарт! Джон Стюарт! Выходи на открытое место!
Джонни вырвал нож из ножен, закинул голову и крикнул:

— Приходи и возьми меня!

Бетти смотрела на него с сияющим лицом; она вцепилась ему в рукав.

— Правильно, Джонни! — шепнула она. — Мой Джонни!

По всей видимости, человек с металлическим голосом имел микрофон направленного действия.

— Будь спокоен, — ответил он, — мы никому не хотим причинять вреда. Выходи!

Джонни пробормотал ругательство и крикнул:

— Мы не выйдем!

Громовой голос продолжал:

— Последнее предупреждение, Джон Стюарт. Выходи с пустыми руками. Мы высылаем за тобой шлюпку.

— Высылайте! — крикнул в ответ Джонни. — Мы взорвем ее! Собери побольше камней, Лумми! — хрипло приказал он Луммоксу.

Второй корабль приблизился и завис в ста футах над вершинами сосен. Медленно, с черепашьей скоростью, он начал описывать круг.

Раздался режущий грохот, и огромное дерево рухнуло как подкошенное. За ним последовало другое. Словно гигантская невидимая рука, протянувшаяся с зависшего корабля, проламывала просеку в лесу, и скоро круговая просека обложила их со всех сторон.

— Зачем они делают это? — прошептала Бетти.

— Это судно лесной службы. Они окружают нас.

— Но зачем? Почему бы им разом не покончить с нами? — Бетти начала бить дрожь, и он обхватил ее за плечи.

— Не знаю, Бет, здесь командуют они.

Судно завершило круг и зависло прямо перед ними, похоже, собираясь совершить посадку. С осторожностью зубного врача, выдирающего зуб, оператор, опускаясь, нацелился на одно дерево, выдернул его из земли и отбросил в сторону. Затем другое, третье... Постепенно сквозь мачтовый сосняк пролегла широкая тропа, которая вела к их биваку.

Им оставалось только ждать. Корабль отбросил последнее дерево, которое еще как-то скрывало их, приземлился и пополз к ним, заставив Луммокса взвизгнуть от страха. Джон Томас шлепнул его по боку:

— Спокойнее, мальчик. Джонни с тобой.

Теперь на атаковую позицию вышло другое судно. Оно резко спикировало в конце просеки. Джонни сглотнул слюну и сказал:

— Давай, Лумми! В любого, кто только высунется из этого корабля, бей камнем без промаха.

— Хорошо, Джонни! — Луммокс набрал в обе руки по пригоршне боеприпасов.

Но ему не пришлось пустить их в ход. Джон Томас почувствовал,

будто он погружается в жидкий бетон, который поднялся ему до груди; рядом хрипло дышала Бетти. Луммокс пискнул:

— Джонни! Вязну...

— Все в порядке, мальчик, — попытался выдавить из себя Джон Томас, — не сопротивляйся. Спокойней. Бетти, как ты?

— Не могу дышать, — прохрипела она.

— Не сопротивляйся. Они нас взяли.

Из открытой двери люка показались восемь фигур с головы до ног в тяжелой металлической чешуе, на каждой — шлем, напоминающий маску фехтовальщика, а за спиной — горб полевого антигравитатора. Четверо осторожно выдвинулись на открытое пространство между деревьями и замедлили шаг; что-то заискрило, и фигуры окружил фиолетовый ореол, после чего они двинулись дальше.

Вторая четверка тащила большой цилиндр из металлической сетки, соответствующий размерам человека.

Мужчина, идущий во главе группы, приказал:

— Растягивайтесь, но подальше от зверя. Сначала вытащим ребят, а потом займемся им. — Он командовал четко и весело.

Стараясь держаться подальше от Луммокса, команда приблизилась к странной троице.

— Полегче! Давай этих двух! — приказал командир. Продолговатая клетка нависла над Бетти и Джоном, медленно опускаясь им на головы; командир щелкнул каким-то тумблером — сетка заискрила и, упав, накрыла обоих.

— Неплохая шумовка, чтобы вытащить вас из патоки, а?

У Джонни дрожал подбородок, но он посмотрел прямо на командира и, напрягая все мускулы, чтобы высвободить ноги, выкрикнул ругательство.

— Ну, ну, — мягко ответил офицер. — Не стоит так себя вести. Вы нас сами к этому вынудили. — Он посмотрел на возвышавшегося над ним Луммокса. — Ну и создание! В самом деле громадина! Вот уж с кем не хотел бы я встретиться на лесной тропинке и без оружия.

Джонни почувствовал, что слезы хлынули потоком и он не может сдержать их.

— Ну, давай! — крикнул он прерывающимся голосом. — Кончайте наконец!

— Что?

— Он никому не приносил вреда! Поэтому убейте его побыстрее... — Он опустился на колени и зарыдал, закрыв лицо руками. Бетти обхватила его за плечи.

Офицер растерянно огляделся.

— О чем ты говоришь, сынок? Мы здесь не для того, чтобы причинить ему вред. У нас есть приказ доставить его без царапинки — пусть даже я потеряю своих людей. Самый идиотский приказ, который я когда-либо получал.

УЛЬТИМАТУМ

Мистер Кику чувствовал себя прекрасно. Его радовало, что эта глупая, несообразная история с хрошиа, наконец, подошла к концу... Старый добрый доктор Фтаемл намекнул, что имеются неплохие шансы на установление дипломатических отношений, ибо хрошиа были счастливы, обнаружив свою пропавшую соотечественницу.

Да, дипломатические отношения с такой могучей расой, как хрошиа, были бы весьма полезны. Они должны стать нашими союзниками, хотя это не так просто, скорее всего, придется подождать какое-то время, пока они не перестанут сходить с ума от Луммокса, которого, вернее, которую они прямо-таки обожествляют. Но кто мог предположить, что существо величиной с полдома и возрастом в сто пятьдесят лет все еще ребенок? Или что у представителей этой расы руки появляются лишь тогда, когда ребенок хрошиа перестает быть младенцем?..

Но главное — опасности больше нет. Неужели они и в самом деле могли испепелить Землю? Хорошо, что теперь все страхи позади. Все хорошо, что хорошо кончается.

В эту минуту тревожно замерцал сигнал «срочный вызов».

— Видите ли, босс... — прозвучал голос Гринберга, — тут маленькая заминка. Со мной доктор Фтаемл. Можем ли мы с вами встретиться?

— Конечно, — настороженно сказал мистер Кику. Отключившись, он открыл ящик стола и потянулся за таблетками.

Гринберг и медузоид явились тотчас же; Гринберг, демонстрируя крайнее изнеможение, сразу же шлепнулся в кресло, вытащил из кармана сигареты, но отбросил их. Вежливо поприветствовав доктора Фтаемла, мистер Кику обратился к Гринбергу:

— Ну?

— Луммокс не хочет трогаться с места.

— Что?

— Отказывается. Хрошиа буквально выходят из себя. Пришлось поставить заграждения, и теперь та часть космопорта, где они сели, блокирована. Надо что-то делать.

— А почему Луммокс отказывается покинуть Землю?

— Ну... — Гринберг беспомощно посмотрел на Фтаемла.

— Разрешите мне объяснить ситуацию, — вежливо сказал раргиллианин. — Видите ли, сэр, хрошиа отказывается идти на борт судна без своего хозяина.

— Хозяина?

— Без мальчика, босс. Без Джона Томаса Стюарта.

— Совершенно верно, — согласился Фтаемл. — Хрошиа утверждает, что она воспитывала Джонов Томасов долгое время и не собирается возвращаться домой без мальчика. И тут она непоколебима.

— Понятно, — отозвался мистер Кику. — Мальчик и хрошиа привя-

заны друг к другу. Но Луммоксу придется примириться с тем, что они должны расстаться, — и Джону Томасу тоже. Насколько я помню, он доставил нам немало хлопот; еле удалось отправить его домой. Вот что должны сделать хрошиа: запихнуть Луммокса в корабль и отправиться восвояси. В конце концов, ради этого они и явились.

— Разрешите сказать вам, сэр, — ответил раргиплианин. — Я говорил с ней на ее родном языке.

— Что? Неужели она успела так быстро выучить его?

— Она его давно уже знает. Хрошиа, господин Секретарь, знают собственный язык с колыбели. Это врожденное знание языка служит объяснением тому, почему им так трудно осваивать другие языки. Хрошиа говорит на вашем языке примерно на уровне четырехлетнего ребенка, хотя, насколько я понимаю, она познакомилась с ним довольно давно. Но на своем родном языке она говорит довольно бегло... и достаточно категорично, что с сожалением я вынужден признать.

— Ах вот так? Что ж она вам сообщила?

— Она сказала, что отдала командиру экспедиции приказ немедленно найти ее любимца. Немедленно. В противном случае она останется здесь и будет растить Джонов Томасов дальше.

— И, — добавил Гринберг, — командир предъявил нам ультиматум: немедленно предоставить Джона Томаса в их распоряжение, или...

— И это «или» означает то, о чем вы уже говорили? — удрученно сказал Кику.

— То самое, — кивнул Гринберг. — А после того как я увидел их корабль, я не сомневаюсь в их возможностях.

— Вы должны понять, сэр, — серьезно добавил Фтаемл, — что командир расстроен так же, как и вы. Но он должен приложить все усилия, чтобы удовлетворить желания хрошиа. Он не может позволить ей остаться и не может заставить ее силой отправиться в путь. Он очень встревожен.

— Так же, как и мы, не так ли? — Мистер Кику взял еще две пилюли. — Доктор Фтаемл, у меня есть послание вашим доверителям. Прошу вас передать его без искажений, слово в слово.

— Будет исполнено, сэр.

— Передайте им, пожалуйста, что мы с возмущением отвергаем их ультиматум. Я прошу вас...

— Сэр! Я вас умоляю!

— Я прошу вас точно следовать моим указаниям. Не пытайтесь смягчить то, что я скажу. Скажите им, что мы не терпим, когда на нашу любезность нам отвечают угрозами. Скажите им, что их поведение недопустимо и что мы отзываем назад свое предложение относительно вступления хрошиа в Сообщество Цивилизаций. Скажите им, что свободный человек может умереть, но никогда не подчинится силе.

Широко ухмыляясь, Гринберг похлопал ладонями, изображая апло-

дисменты. Казалось, хитиновая оболочка доктора Фтаемла покрылась смертельной бледностью.

— Сэр,— сказал он,— я выражаю огромное сожаление в связи с тем, что вынужден доставить ваше послание.

Мистер Кику холодно усмехнулся:

— Передайте все, как я сказал. Но прежде чем вы это сделаете, найдите возможность поговорить с этой хрошиа... с Луммоксом. Можете вы это сделать?

— Могу вас заверить в этом, сэр.

— Скажите ей, что командир экспедиции, одержимый непомерным рвением, собирается уничтожить Землю, а вместе с нею и Джона Стюарта. Проследите, чтобы она точно поняла, в чем смысл угрозы.

Раргиллианин растянул ротовое отверстие в широкой улыбке.

— Простите меня, сэр, я вас недооценивал. Оба послания будут доставлены. Желаю вам доброго здоровья, сэр.— Раргиллианин, повернувшись к Гринбергу, обнял его за плечи свободной рукой.— Брат мой, Сол, в каком бы лабиринте мы с вами ни оказывались, мы всегда найдем тот или иной выход — не так ли?

— Совершенно правильно, док.

Фтаемл покинул их.

Кику повернулся к Гринбергу и сказал:

— Доставь мне сюда этого мальчишку, Стюарта. Сам, лично — и поскорее. М-м-м... захвати и его мать. Ведь он еще несовершеннолетний?

— Да. Босс, что вы планируете? Вы хотите передать его этим хрошиа? После того как они получили от вас хорошую зуботычину?

— Конечно, хочу. Но на моих собственных условиях. Ни в коем случае я не дам этому зверинцу оснований думать, будто они могут диктовать нам условия. Мы используем ситуацию, чтобы добиться своих собственных целей. А теперь отправляйся!

КОРОЛЕВСКАЯ ПЕРСОНА

Гринберг выбился из сил, убеждая миссис Стюарт отбыть в столицу вместе с сыном. Он не имел права посвящать ее во все подробности дела. В конце концов Гринберг добился своего, и миссис Стюарт согласилась отправиться на следующее утро.

Но когда утром он заехал за ними, миссис Стюарт была вне себя от ярости и сунула ему в лицо газеты.

«Быстро же газетчики все разноухали», — подумал Гринберг.

— Ну, мистер Гринберг? Что вы теперь скажете?

Гринберг бегло просмотрел газеты и заискивающе улыбнулся разгневанной женщине. Он не мог подобрать нужных слов.

— Миссис Стюарт, вы, конечно, знаете, что газетные сообщения бывают преувеличены, их нельзя принимать на веру. Случается, что они не имеют ничего общего с действительностью. Я прошу вас

прибыть в столицу для спокойного разговора с господином Секретарем.

— Нечего и думать об этом! Если господин Секретарь хочет видеть меня, пусть приезжает сюда.

— Мадам, мистер Кику — джентльмен, и он никогда бы не просил леди ехать к нему, если бы у него была хоть малейшая возможность самому отправиться в Вествилл. Но мы надеемся, что вы пойдете ему навстречу.

— Мистер Гринберг, вчера я дала свое согласие с большой неохотой. Теперь я выяснила, что вы обманывали меня. Почему я должна верить, что вы не готовите заговор, чтобы отдать моего сына этим чудовищам?

— Мадам, клянусь честью офицера Федерации...

— Избавьте меня от ваших клятв, мистер Гринберг...

— Миссис Стюарт, я прошу вас.

— Мистер Гринберг, не заставляйте меня проявлять невежливость по отношению к гостю. Мне нечего больше сказать.

Гринберг вернулся в отель. Он не собирался возвращаться в столицу, не завершив свою миссию, но понимал, что сейчас, пока миссис Стюарт не остыла, говорить с ней бесполезно.

Чтобы избежать встречи с репортерами, он попросил водителя аэротакси опуститься на крышу отеля.

Спустившись вниз, Гринберг запер двери и направился к телефону, твердо решив дозвониться до Межзвездного Департамента, но в эту минуту экран ожил. Прямо на него смотрел шериф Дрейзер.

— Мистер Гринберг!

— Как поживаете, шериф?

— Неплохо, благодарю вас. Но мистер Гринберг... мне только что позвонила миссис Стюарт.

— Да?

— Сын миссис Стюарт исчез. Она считает, что он находится у вас. Миссис Стюарт не хочет, чтобы ее сын покидал город. И полиция дала ей стопроцентную гарантию в этом.

— И правильно сделала.

— Не перебивайте меня, господин Посланник. Вы, конечно, очень важное официальное лицо — но когда человек даже вашего ранга выходит за рамки закона, он становится обыкновенным гражданином. Я читал это сообщение в газете, и оно мне не нравится.

— Шериф, если вы считаете, что я делаю что-то недозволенное, прошу вас выполнять свои обязанности.

— Я буду действовать именно так, сэр.

Отключившись, Гринберг придвинул к себе телефон, но потом задумался. Будь у босса новые инструкции, он бы обязательно выславил их... Кику терпеть не мог тех агентов, которые, едва их просквозит неожиданным ветерком, начинают кричать «мама!». Он должен переубедить миссис Стюарт — или сидеть ему здесь до зимы.

Пока он размышлял, аппарат снова ожил; с экрана на него смотрела Бетти Соренсен. Она улыбнулась и сказала:

— Это мисс Смит.

— М-м-м... как поживаете, мисс Смит?

— Хорошо, спасибо. Но к делу. У меня есть клиент, мистер Браун. Он спешно хочет отправиться в путешествие, чтобы увидеть своего друга, который находится в другом городе. Он хочет знать: будет ли у него такая возможность?

Гринберг быстро обдумал ситуацию. Хрошиа кишат вокруг Луммокса как мухи, отпустить к ним мальчика было бы опасно, и мистер Кику никогда бы не стал настаивать на этом. Но ведь, если необходимо, полиция может окружить космопорт непроходимой «липучкой»! А хрошиа отнюдь не сверхсущества.

— Сообщите мистеру Брауну, что он увидит своего друга.

— Благодарю вас. Скажите, может ли ваш пилот взять нас на борт?

Гринберг помедлил с ответом.

— Для мистера Брауна будет лучше всего отправиться в путешествие на коммерческой линии. Минутку...— он нашел расписание полетов, которое висело в каждой комнате отеля.— Корабль отправляется примерно через час. Он успеет?

— О да. Но... видите ли, вопрос упирается в деньги.

— Не позволите ли предложить вам небольшой заем? Вам, а не мистеру Брауну.

Она расплылась в улыбке:

— Это было бы прекрасно!

— Не подскажите ли, как я могу его вам передать?

Бетти назначила встречу в закусочной «Шоколадный бар», напротив Центральной школы. Через несколько минут Гринберг ждал ее там, потягивая кофе с молоком. Бетти влетела в кафе, он передал ей конверт с деньгами, и она исчезла. Он еще немного посидел в кафе, а затем вернулся в отель.

Выждав пару часов, он позвонил миссис Стюарт.

— Я только что получил сообщение, что ваш сын самостоятельно отправился в столицу...— И после паузы добавил: — Миссис Стюарт, я пока еще в Вествилле, но собираюсь лететь в столицу. Не хотите ли отправиться вместе со мной? Мой корабль быстрее, чем коммерческие линии...

Через полчаса они приземлились в столице.

Джона Томаса с нетерпением ожидал мистер Кику. По возрасту он годился ему в дедушки, но принял Джона Томаса как равного и, поблагодарив за приезд, предложил закусить и освежиться. Затем он сжато рассказал ему, в чем дело: Луммокс отказывается возвращаться домой без своего друга.

— А для хрошиа исключительно важно, чтобы Луммокс оказался дома. Важно это и для нас — но по другим причинам.

— Вы хотите сказать, — спросил Джон Томас, — что если я не соглашусь, они пойдут на нас войной?

Какое-то мгновение мистер Кику помедлил:

— Они могут пойти на это. Но я хотел посоветоваться с вами не только об этом. Я сомневаюсь, что они решатся на что-то, если ваш друг Луммокс будет против. А я не думаю, что Луммокс смирится с вашей гибелью.

— В этом-то я уверен. Но чего ради они будут слушать его? Он что — королевская персона?

— Возможно. Во всяком случае, хрощиа обращаются с Луммоксом с подчеркнутым почтением.

Джон Томас в изумлении покачал головой:

— Смешно. А я его еще учил все время, как себя вести.

— Мы хотим установить с ними дружественные отношения, — продолжал мистер Кику, — и я пригласил вас сюда, чтобы услышать ваше мнение. Если бы я счел возможным, чтобы вы на какое-то время отправились с Луммоксом на эту планету — они называют ее Хрощид, — что бы вы сказали? Хорошенько подумайте, не торопитесь с ответом.

Джон Томас выпалил:

— Мне не надо обдумывать. Я поеду.

— Не торопитесь.

— Я не тороплюсь. Я необходим Лумми. С чужими он никогда не будет счастлив. Кроме того, он мне тоже нужен. Вы же не думаете, что я его брошу?

— Нет, не думаю. Но это серьезное решение. Вам придется отправиться в путь примерно за тысячу световых лет от дома.

Джон Томас пожал плечами:

— Там был мой прапрадедущка. Почему я не могу?

— М-м-м... да. Я запомнювал, чей вы потомок. Не хотите ли поинтересоваться, кто еще из людей отправится вместе с вами? Или вам все равно?

— Такие детали — не мое дело.

— Мы тщательно проработаем их, — ответил мистер Кику. Он встал. — Спасибо. Теперь мне надо встретиться с вашей матушкой.

— Желаю удачи, сэр. И... когда я смогу увидеть Луммокса?

Мистер Кику задумчиво закусил губу.

— Не сразу; первым делом кое-что еще надо отрегулировать. Пока у вас есть время, повеселитесь. Я выделил специального человека, который будет сопровождать вас и оплачивать ваши расходы. Кроме того, он будет вашим телохранителем.

— Телохранителем? Чего ради? Я уже вырос.

— Без сомнения. Но кроме всего прочего, мне бы не хотелось, чтобы вас донимали репортеры. Понимаете? Конечно, я могу вас только просить об этом.

— О да, мистер Кику... если это нужно.

— Нужно.

Джона Томаса мистер Кику принимал в своем кабинете; миссис Стюарт — в роскошно убранном помещении рядом с конференц-залом, обстановка которого была тщательно продумана психологом.

— Очень любезно с вашей стороны, мадам, что вы откликнулись на приглашение. Сахару? Лимона?

— Благодарю вас, не надо. Мистер Кику, первым делом я хочу внести ясность...

— Попробуйте эти маленькие пирожные. Удобно ли устроил вас мистер Гринберг?

— Что? Ах, да, прекрасный номер, с великолепным видом на Небесный Сад. Но, мистер Кику...

— Прошу прощения, что вынудил вас явиться ко мне. Но я узник своих обязанностей. Понимаете, в каком я положении? — Он беспомощно вскинул руки. — Я никак не могу покинуть столицу.

— Да, я это понимаю. Но...

— Я ценю вашу отзывчивость. Вы можете оставаться здесь в качестве нашей гостьи сколько вам заблагорассудится. В столице есть что посмотреть, даже если вы бывали в ней не один раз... в чем я не сомневаюсь. Уверен, что магазины доставили вам много радости... Но ближе к делу. Итак, я беседовал с вашим сыном.

— Мистер Кику...

— Прошу прощения. Я буду краток. Мы готовим на планету хрощиа обширную миссию с культурными и научными целями. Я хочу включить в ее состав вашего сына. Он согласен. — Мистер Кику помедлил, ожидая взрыва.

— Это немыслимо! Это даже не подлежит обсуждению.

— Почему, миссис Стюарт?

— Мистер Кику, неужели вы настолько бесчеловечное существо? Я знаю, что вы имеете в виду... вы намереваетесь отдать моего сына, моего единственного сына заложником этим чудовищам. Невероятно!

Он покачал головой:

— Мадам, вас, скорее всего, ввели в заблуждение дикие газетные статьи. Ваш сын будет участником мирной миссии, направляющейся к дружественной расе. Он поможет строить мост культуры между двумя цивилизованными, но очень разными расами.

— Хм-м-м! В газетах сказано, что эти хрощиа потребовали от вас, чтобы вы немедленно доставили им моего сына. Объясните мне это, если сможете!

— Да, Луммокс глубоко привязан к вашему сыну. Эта дружба между двумя существами, столь разными, — одна из самых величайших удач, которые выпадали на долю нашей расы с тех пор, как выяснилось, что мы не единственные избранные Всевышнего. Это стечение обстоятельств позволит нам одним махом перекинуть мост через пропасть взаимного непонимания, преодоление которой обычно связано с годами заблуждений и трагических ошибок. — Он помол-

чал. — Я не могу не думать о вашем сыне как о подарке судьбы. Заверяю вас, что ваш сын получит там блестящее образование. Вместе с посольством мы высылаем миссию по вопросам культуры, экономики и торговли, научную миссию и много других специалистов самого высшего класса. Ни один колледж не может собрать у себя такое созвездие талантов. Ваш сын получит образование, не имеющее себе равных.

Миссис Стюарт поджала губы:

— Вам не удастся меня уговорить.

— Понимаю. В таком случае самое простое, что мы можем сделать, — это вернуть Луммокса домой.

— Что? О, нет!

— Мадам?

— Вы не имеете права возвращать это животное! Я не позволю!

Мистер Кику потер подбородок:

— Я не понимаю вас, мадам. У Луммокса есть дом; это был ее дом задолго до того, как он стал вашим. Луммокс, как я прикидываю, прожила в нем в пять раз дольше вас. И если мне не изменяет память, она принадлежит не вам, а вашему сыну. Не так ли?

— Я не хочу иметь с этим ничего общего! Вы не имеете права навязывать мне это животное!

— Но за него отвечает ваш сын. К чему все так усложнять? Я все время пытаюсь понять, почему вы столь явно противитесь благополучию вашего сына?

Она сидела молча, с трудом переводя дыхание, и мистер Кику не прерывал ее молчание.

Наконец, она сказала:

— Мистер Кику, я потеряла в космосе мужа, я не могу позволить сыну идти по тому же пути. Я настаиваю на том, чтобы он оставался и жил на Земле.

Он печально покачал головой:

— Миссис Стюарт, сыновей мы теряем, едва они появляются на свет.

Вынув платок, она приложила его к глазам:

— Я не могу позволить ему уйти в космос... он всего лишь маленький мальчик!

— Он мужчина, миссис Стюарт. Я зову моих помощников «мальчиками», — продолжал он, — потому что я стар. Вы считаете своего сына мальчиком, потому что вы относительно немолоды. Простите меня. Но считать, что мальчик становится мужчиной после того, как он достиг совершеннолетия, — это заблуждение. Ваш сын, судя по его поступкам, мужчина, и у вас нет морального права относиться к нему, как к ребенку.

— Вы говорите ужасные вещи! Это неправда: я всего лишь стараюсь уберечь его от неверных шагов.

Мистер Кику печально усмехнулся:

— Мадам, самое распространенное заблуждение, свойственное нашей расе,— это способность рационально объяснять своекорыстные интересы. Я повторяю, у вас нет права ломать его характер.

— У меня больше прав, чем у вас! Я его мать.

— Неужели родитель означает то же, что и владелец? В таком случае мы стоим на разных полюсах: вы стараетесь подавить его, я же стараюсь помочь ему делать то, что он хочет делать.

— Я не пущу его! Он еще маленький... у меня есть право!

— Ограниченное право, мадам. Он может разойтись с вами.

— Он не посмеет! Со своей родной матерью!

— Возможно. Наш суд по вопросам детства давно пришел к выводу о необходимости арбитражного рассмотрения в тех случаях, когда авторитет родителей превращается в давящее препятствие, мешающее человеку выбрать свой собственный путь; и обычно эти дела решаются однозначно. Миссис Стюарт, я думаю, что лучше всего принять случившееся с искренней благодарностью. Не препятствуйте ему, иначе вы потеряете его окончательно. Он улетит.

НЕДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Помещение, расположенное в нижнем этаже Межзвездного Департамента, было отведено под конференцию потому, что в нем были самые большие двери, а перекрытия пола — достаточно прочны. Возможно, было бы безопаснее провести конференцию в космопорте, как предлагал доктор Фтаемл, но мистер Кику, исходя из требований протокола, настоял на конференц-зале.

Гринберг присоединился к мистеру Кику в комнате для отдыха. Он был встревожен:

— Не нравится мне все это, босс.

Кику посмотрел на него снизу вверх:

— Почему? Эти черти что-то замышляют?

— Надеюсь, что нет. Я все осмотрел с воздуха. Выглядит неплохо. На бульваре Солнца отсюда и до порта стоят баррикады, а по обе их стороны наших сил столько, что хватит для небольшой войны. Их колонна только что двинулась из космопорта, и я пролетел над ее головой. Через каждую четверть мили стоят их группы, и в каждом узловом пункте они оставляют какие-то устройства. Возможно, это всего лишь устройства связи, но я что-то сомневаюсь. Я думаю, это оружие.

— Я тоже,— согласился Кику,— но рассматриваю сложившуюся ситуацию как наиболее благоприятную для нас из всех, что были раньше. Если они тащат за собой оружие, это значит, что они относятся к нам достаточно серьезно. Никто не будет стрелять из пушек по воробьям.— Он огляделся.— Не пора ли нам идти? Думаю, что мы достаточно их потормили.

Из всей длинной процессии хрошна, которая покинула космопорт,

в зал вошла только дюжина, но тотчас зал оказался заполненным. Мистер Кику с интересом посмотрел на них: ведь он в первый раз оказался лицом к лицу с хрошиа. Он удостоверился, что этим существам отнюдь не свойственно выражение дурашливого кукольного добродушия, которое было у Луммокса, хотя парламентары были мельче Луммокса. Прямо перед платформой стоял один из них, в упор разглядывая мистера Кику. Взгляд его был холоден. Мистер Кику ощутил определенное неудобство; ему захотелось опустить глаза. Вместо этого он выпрямился и припомнил, что, по мнению его гипнотерапевта, взгляд он умеет выдерживать не хуже хрошиа.

Гринберг тронул его за локоть.

— Они и сюда притащили оружие, — шепнул он. — Вон там, видите? Сзади?

— Мы не должны показывать, что нам это известно, — ответил Кику. — Будем считать, что это их аппаратура для трансляции конференции.

Доктор Фтаемл стоял рядом с передним хрошиа. Он начал говорить. Раргиллианин заговорил на высоких тонах, которые напомнили Кику писк игрушечной куклы. Хрошиа кратко ответил ему в том же тоне, и внезапно Кику перестал чувствовать напряжение, которое охватило его при виде этих существ. Невозможно испытывать почтение к существу, которое пищит, как кукла. Но он заставил себя вспомнить, что смертельно опасный приказ может быть отдан на любом языке и любым голосом.

Фтаемл обратился к нему.

— Рядом со мной... — он издал короткий визг на странном языке, — командир корабля и глава экспедиции, потомственный маршал и... — раргиллианин остановился и обеспокоенно дернулся. — В вашем языке нет обозначения соответствующего ранга...

Гринберг внезапно вмешался:

— А как насчет слова «босс», док?

— Прекрасное предложение! Да, он — босс. Его положение в обществе, может быть, и не столь высоко, но его авторитет практически не имеет пределов.

— Достаточен ли он для того, чтобы вести переговоры? — спросил Кику.

— О, вне всякого сомнения!

— Тогда приступим.

Мистер Кику начал свою речь. Она была немногословной, но преисполненной большого достоинства. Говорил он так, чтобы Фтаемл успевал переводить. Господин Секретарь приветствовал прибытие хрошиа на Землю. Все люди Земли, продолжал он, испытывают большую радость оттого, что хрошиа нашли свою соотечественницу, и надеются, что этот счастливый случай поможет им занять подобающее место в Сообществе Цивилизаций...

Столь же краток был и Гринберг. Он поприветствовал гостей

и сообщил, что теперь Федерация готова обсудить все деловые вопросы взаимоотношений между нею и благородными хрошиа.

— Доктор Фтаемл, — дружелюбно сказал Кику, — собирается ли командир судна и экспедиции выступить с ответным словом?

— Думаю, что нет. — Он переговорил с главой хрошиа и снова повернулся к мистеру Кику. — Его слова представляют собой не столько формальный ответ, сколько достаточно весомый комментарий к двум прослушанным речам. Он говорит, что хрошиа не нуждаются в... м-м-м... низших расах, и говорит, что не собирается заниматься ничем другим, кроме того, что уже было обговорено. Он хотел бы поговорить о выдаче им Джона Томаса Стюарта.

— Скажите им, пожалуйста, что в данный момент этот вопрос не подлежит обсуждению. Повестка дня предполагает, что первым делом мы должны обсудить установление дипломатических отношений.

— Простите, сэр. Понятие «дипломатические отношения» довольно трудно для перевода.

— Тогда скажите ему, что в настоящий момент он видит перед собой образец дипломатических отношений. Свободные существа беседуют как равные, с мирными намерениями, для общей выгоды.

Раргиллианин сокрушенно вздохнул.

— Каждое из этих понятий достаточно сложно для перевода. Но я попытаюсь.

Наконец он перевел:

— Потомственный маршал говорит, что если все, что мы делаем, является дипломатическими отношениями, то они у вас есть. Где мальчишка Стюарт?

— Не так быстро. Повестка дня должна быть исчерпана пункт за пунктом. Они обязаны допустить к себе наше посольство и миссию, ставящую перед собой цели культурного и научного обмена, а также торговли. Аналогичные посольство и миссия должны остаться у нас. Следует обсудить возможность регулярного сообщения между двумя нашими суверенными образованиями. И прежде чем все эти вопросы мы неотрегулируем, не будет никакого разговора о Стюарте.

— Я еще раз попытаюсь...

Фтаемл долго втолковывал что-то «боссу» хрошиа; ответ последнего был краток.

— Он сказал, чтобы я передал вам следующее: все эти предложения отвергаются как несущественные для главной цели встречи. Где мальчишка Стюарт?

— В таком случае, — тихо сказал мистер Кику, — скажите им, что с варварами мы дела не имеем. Скажите им: пусть немедленно уходят на свое судно и немедленно покидают Землю. Они могут забрать с собой свою драгоценную хрошиа, иначе они ее не увидят, потому что им никогда больше не будет разрешена посадка на Земле.

Фтаемл выглядел так, словно с трудом сдерживал слезы.

— Прошу вас! Я умоляю вас не настраивать их против себя. Я буду

изгнан из корпорации... я нарушаю свои профессиональные обязанности... но должен сообщить вам, что они в состоянии разрушить город, даже не прибегая к ресурсам своего судна.

— Передайте то, что я сказал. Конференция окончена.— Мистер Кику встал, непреклонным взглядом поднял с места всех остальных и во главе свиты направился в комнату за конференц-залом. Гринберг вышел следом.

— Прекрасно, босс,— сказал он Кику,— но что мы будем делать?

— Ждать.

— О'кей...— Гринберг, нервничая, подошел к стенной панели и, пощелкав тумблерами, включил изображение покинутой аудитории. Хрошиа все еще находились на месте. Он с трудом различил Фтаемла, окруженного существами, значительно превосходящими его по размерам.

Они сидели и ждали. Внезапно Гринберг сказал:

— Идет Фтаемл...— Рванувшись к дверям, он впустил раргиллианина.

Доктор Фтаемл выглядел предельно уставшим.

— Мой дорогой мистер Кику, командир хрошиа сообщил мне, что они согласятся с вашими пожеланиями ради решения конечной цели. Он настаивает, чтобы сюда доставили мальчика Стюарта.

— Будьте любезны, сообщите ему, что он заблуждается, пытаюсь так представить себе сущность дружеских отношений между цивилизованными народами. Мы не жертвуем свободой любого нашего гражданина против его желания. И сообщите, что я приказываю им немедленно убираться.

— Я сделаю это скрепя сердце,— серьезно сказал Фтаемл.

Вернулся он почти сразу же.

— Они согласны на ваши условия.

— Отлично. Идем, Сол...— Он вышел в холл, сопровождаемый Гринбергом и Фтаемлом.

Кику показалось, что окраска «босса» хрошиа стала бледнее, чем обычно. Но необходимость уточнения массы вопросов тут же отвлекла его. Надо было отобрать равное количество людей и хрошиа в состав миссий, обеспечить доставку всего необходимого на корабль хрошиа, определить, кто будет послом от хрошиа в Федерации и так далее. Фтаемл заверил их, что ранг того, кому предназначено быть послом, лишь на одну ступень ниже ранга командира экспедиции.

— А теперь,— сказал «босс»,— настало время поговорить о Джоне Томасе Стюарте.

И мистер Кику с облегчением ответил Фтаемлу:

— Я не вижу трудностей. Теперь, когда между нами установлены подобающие отношения, Стюарт не будет иметь ничего против поездки. И со всей убедительностью дайте им понять, что он отправляется как свободный гражданин, а не как раб или чья-то игрушка.

Хрошиа обязаны гарантировать его статус и возможность свободного возвращения на их корабле, когда бы он ни выразил это желание.

Фтаемл перевел.

— Их все устраивает, — сообщил он в ответ, — кроме того, что лично я считаю несущественной деталью. Мальчик Стюарт будет относиться к имуществу хрошиа Луммокс. И, естественно — я стараюсь переводить как можно точнее, — вопрос о его возвращении будет личной прерогативой его владельца — хрошиа Луммокса. Если она устанет от мальчика и захочет расстаться с ним, корабль будет к его услугам.

— Нет.

— Что нет, сэр?

— Простое отрицание. Обсуждение вопроса о мальчике Стюарте завершено.

Фтаемл повернулся к своим клиентам.

— Они говорят, — сообщил он, — что в таком случае не будет и договора.

— Я знаю. Договоры не могут быть подписаны... Есть у них слово, означающее «слуги»?

— У них есть слуги нескольких рангов, есть высшие, есть и низшие.

— Используйте слово, обозначающее самых низших слуг. Скажите им, что никакого договора не будет, потому что слуги не имеют права подписывать договор. Наконец, скажите им, чтобы они убивались — и побыстрее.

Фтаемл с грустью посмотрел на Кику.

— Я восхищаюсь вами, мой друг, но не одобряю вас. — Он повернулся к командиру экспедиции и пропищал несколько фраз.

Тот широко открыл рот и, уставившись на Кику, заверещал, как кукла, которой наступили на живот. Фтаемл дернулся и отступил на несколько шагов назад, продолжая переводить:

— Ужасное богохульство... непереводаемо... — Чудовище продолжало издавать звуки, Фтаемл, содрогаясь, пытался успеть за ним. — Полное презрение... низкие животные... съесть вас с потрохами... и все ваше потомство до седьмого колена... вашу презренную расу надо учить хорошим манерам... похитители детей... умыкатели младенцев...

Огромный хрошиа двинулся к краю платформы и остановился, подойдя вплотную к Кику. Гринберг сунул руку под стол и нащупал контрольную кнопку, которая опускала платформу на нижний этаж...

Но мистер Кику сидел с каменной неподвижностью. Они не мигая смотрели друг на друга — массивное существо и маленький пожилой человек. В зале стояла мертвая тишина, никто не шевелился.

Наконец командир хрошиа резко повернулся, заставив содрогнуться перекрытия, и визгливо рявкнул на верещавшую за его спиной свиту. Он пропищал несколько коротких команд. Все двенадцать хрошиа кинулись к дверям, двигаясь неуклюже, но очень быстро.

ПРЫГАЮЩИЙ ТАНК

Джон Томас Стюарт XI ждал, когда его пригласят на конференцию; сам он из своих апартаментов выбраться не мог. Он обитал в отеле «Универсал» в номере, предназначенном для него и его матери. Он играл в шашки со своим телохранителем Эдом Коузном, когда вприорхнула Бетти Соренсен.

— Привет, Джонни,— сказала Бетти.— А я уж думала...

— Они меня не пускают.

— Меня тоже.

— Что ты сделала со своим лицом?

Бетти повернулась к зеркалу.

— Ах, это? Называется «Контурсы Космоса». Последний крик моды.

— Ты выглядишь как размалеванная зебра.

— А ты неотесанный чурбан. Эд, а вам нравится?

Эд Коуэн глянул из-за доски и торопливо ответил:

— Не могу понять. Но моя жена говорит, что у меня нет вкуса.

— Как и у большинства мужчин. Джонни, не прогуляться ли нам по городу? Как вы насчет этого?

— Я бы не советовал,— сказал Коуэн.

— Но почему? — спросил Джон Томас.— Меня уже тошнит от этих шашек.

— Ну что ж... думаю, надо связаться с конторой. Ты можешь понадобиться в любой момент.

— Фу! — вмешалась Бетти.— У вас же есть микрораация.

Коуэн покачал головой:

— Давайте не будем рисковать.

— Неужели я арестована? — настаивала Бетти.— А Джонни?

— М-м-м... нет. Можно считать, что вы находитесь под охраной.

— Значит, вы можете охранять его в любом месте. Или оставайтесь здесь и играйте в шашки сами с собой. Идем, Джонни.

Коуэн пожал плечами и встал. Джон Томас сказал Бетти:

— Пока у тебя такая физиономия, я не покажусь с тобой на людях.

Иди умойся.

— Но, Джонни!

— Иди умойся. Или мы никуда не пойдём. Как вы считаете, Эд?

— Эх вы, компания пуритан! — горько сказала Бетти, показала язык Джонни и побрела в ванную. Она вышла оттуда с розовым и сияющим лицом.— Я чувствую себя прямо голой. Идем!

У лифта произошла очередная стычка, которую выиграл Эд Коуэн. Вместо того чтобы спуститься на улицу, он вынудил их подняться на крышу, чтобы взять аэротакси и полюбоваться городом с высоты.

— Куда прикажете, шеф? — спросил пилот.

— Значит, так,— сказал Коуэн,— сделайте большой круг и покажите нам город сверху. Рассчитывайте на час.

— Как прикажете. Я не могу только пересекать бульвар Солнца. Там парад или что-то в этом роде.

— Знаю.

— Слушайте,— вмешался Джонни,— а что, если нам слетать в космопорт?

— Нет,— возразил Коуэн.— Только не туда.

— А почему, Эд? Я так и не видел Луммокса. Я хочу на него посмотреть. Может быть, ему плохо без меня.

— Это как раз то, что ты не должен делать,— сказал ему Коуэн.— Мы не должны приближаться к кораблю хрошиа.

— Но ведь с воздуха я могу на него посмотреть, не так ли?

— Нет!

— Но...

— Оставь его в покое,— посоветовала Бетти.— Мы просто возьмем другое такси. Деньги у меня есть. Пошли, Джонни! Пока, Эд.

— Давай в космопорт,— сдался Эд.

Обширное пространство, где расположились хрошиа, было окружено сплошным кольцом заграждений. Лишь в том месте, через которое двинулась делегация, был проем. Весь бульвар Солнца наглухо перекрывали баррикады. Внутри огороженного пространства стоял огромный и неуклюжий корабль хрошиа, не уступающий по размерам земным кораблям межзвездных рейсов. Джонни посмотрел на него и подумал о том, что на нем, возможно, он улетит на Хрошид. Он испытал неприятное ощущение при мысли, что еще ничего не сказал Бетти о предстоящей разлуке с нею, и подумал о том, что ему будет не хватать его подружки.

Хрошиа, как муравьи, копошились у своего корабля.

Джонни попытался подсчитать их число, но сбился. Несколько дюжин, это точно...

Аэротакси заложило вираж неподалеку от висящего полицейского вертолета. И вдруг Джонни заорал:

— Эй! Вон Лумми!

Бетти чуть не вывернула шею:

— Где, Джонни?

— Вон он, вон! — Он повернулся к пилоту.— Скажите, мистер, не могли бы вы подлететь к тому концу судна и опуститься пониже?

Пилот посмотрел на Коуэна. Тот кивнул. Они обогнули полицейских и подлетели к кораблю хрошиа с другой стороны. Выбрав удобный момент, водитель аэротакси снизился. Теперь Луммокс был хорошо виден. Его сопровождала группа хрошиа, над которыми он высился подобно башне.

— Жаль, что нет бинокля,— пожаловался Джонни.— Я не могу его толком разглядеть.

— Поищи слева от себя,— посоветовал пилот.

Бинокль оказался самым обыкновенным, оптическим, без системы электронного увеличения, но Луммокс стал виден куда яснее.

— Как он выглядит, Джонни?

— Вроде неплохо. Хотя немного отоцал. Они его, наверно, не кормят как следует.

— Мистер Гринберг сказал мне, что они вообще его не кормят. Я думала, что ты знаешь.

— Что? Они не имеют права так относиться к Лумми!

— Но я не представляю, что мы тут можем сделать!

— Ну ладно... — Джонни опустил иллюминатор и высунулся из него, пытаясь получше рассмотреть то, что происходит внизу. — Слушайте, а нельзя ли поближе? Я хочу дать им хорошую взбучку.

Коуэн отрицательно покачал головой. Пилот проворчал:

— Я не хочу связываться с полицией. — Все же он еще ниже опустил аппарат, пока не оказался на одном уровне с полицейскими.

В ту же секунду рывкнул громкоговоритель на полицейском вертолете:

— Эй, вы! Номер четыре-восемьдесят четыре! Куда вы претесь на своей жестянке? Убирайтесь отсюда!

Пробормотав что-то, пилот начал разворачивать машину.

— Эй! — крикнул Джонни, не отрывая бинокля от глаз. — Услышит ли он меня? Лумми! — изо всех сил крикнул он, перекрывая свист ветра. — Луммокс!

Хрошиа поднял голову и с волнением стал оглядываться вокруг.

Коуэн отбросил Джонни от иллюминатора и потянулся закрыть его. Но Джонни высвободился из его рук.

— Хватит водить меня за нос, — в гнев закричал он. — Луммокс! Это я, Джонни-бой! Я над тобой! Иди ко мне!..

Луммокс рванулся напрямик на барьер, и пчелиный рой такси, сновавших вокруг него, рассыпался во все стороны. Заграждения не остановили его ни на секунду, Луммокс просто разметал их.

— Прыгающий танк! — с уважением сказал Коуэн. — Но «липучка» его остановит.

Он ошибся. Луммокс только слегка замедлил свое неудержимое движение вперед, его могучие ноги стали двигаться с некоторым усилием, словно воздух вокруг него превратился в трясины. Но он продвигался дальше, пробиваясь к тому месту, где висело аэротакси.

Остальные хрошиа тоже хлынули через проем. Имобилизационное поле притормаживало их, но они продолжали двигаться вперед. Коуэн увидел, что Луммокс первым освободился из пут поля и пустился в галоп; люди рассыпались перед ним во все стороны.

— Мистер Коуэн, вы должны меня послушать! — крикнула Бетти. — Луммокс не будет слушать никого, кроме Джонни, а они не будут слушать никого, кроме Луммокса. И вы это знаете. Поэтому опуститесь пониже, чтобы Джонни мог поговорить с Луммоксом, а то пострадает масса людей, и вы будете в этом виноваты.

Оперативный работник Службы Безопасности Первого Класса почти немедленно принял решение.

— Вниз! — рявкнул он. — Выпусти нас!

Пилот застонал:

— И зачем я только связался с вами!

Но потом бросил машину вниз столь стремительно, что внутри все задрезжало. Коуэн распахнул дверь и вместе с Джоном Томасом и Бетти выскочил наружу.

— Джонни! — вне себя запищал Луммокс и простер могучие руки вперед в едином для всего космоса знаке приветствия.

Джон Томас рванулся к звездному зверю:

— Лумми! Как ты себя чувствуешь? С тобой все в порядке?

— Конечно, — отозвался Луммокс. — Почему бы и нет? Привет, Бетти.

— Привет, Лумми.

— Правда, есть хочется, — сообщил Луммокс.

— Мы тут все наладим.

— Тогда хорошо. Я еще ничего не ел.

Джон Томас, продолжая обниматься с Луммоксом, заметил, что хрошиа подошли к ним совсем близко.

— Сделай нам седло, — сказал он, — мы будем долго разговаривать.

— О, конечно, Джонни.

Вскарабкавшись на загривок Луммоксу, Джонни за руку поднял Бетти, и они двинулись сквозь пролом в барьере. Дойдя до границы «липучки», все остановилось. Но она уже исчезла, и дальнейшее движение не представляло трудностей.

«ДА» — ЭТО «ДА» НА ЛЮБОМ ЯЗЫКЕ

Когда мистер Кику, Гринберг и доктор Фтаемл прибыли в космопорт, они обнаружили вереницу боевых бронированных машин, занявших позиции. Все хрошиа находились внутри проломанного ограждения, но полицейские патрули уже были сменены военными формированиями, а где-то далеко вне поля зрения тяжелые бомбардировщики готовились к последнему удару, который должен был превратить окружающее пространство в радиоактивную пустыню.

Они достигли огромной массы хрошиа, закрывавших Луммокса. Две человеческие фигурки на спине Луммокса были от них в ста ярдах. Кику остановился.

— Скажите им, чтобы они освободили мне путь. Я хочу увидеть хрошиа Луммокс.

Фтаемл перевел. Ничего не произошло, хотя хрошиа и зашевелились.

— Босс,— сказал Гринберг,— как насчет того, чтобы попросить Луммокса и ребят подойти сюда? От этой толпы пахнет неприятно-стями.

— Я не могу перекричать этот ветер. Мне это не нравится. Позови сам парнишку Стюарта и попроси его проложить нам дорогу.

— О'кей, босс. Вот посмеются мои внучата... если вообще они у меня будут.— Он приложил руки ко рту и закричал: — Джонни! Джон Стюарт! Скажи Луммоксу, пусть они нас пропустят!

— Обязательно!

Перед ними мгновенно, словно выметенное метлой, открылось пространство, достаточное, чтобы по нему проехала колонна грузовиков. Маленькая процессия двинулась мимо хрошиа вперед. Гринберг почувствовал, что по спине у него ползут мурашки.

Казалось, что мистера Кику беспокоила только борьба с ветром, который стремился сорвать с него шляпу. Они остановились перед Луммоксом.

— Как поживаете, мистер Кику? — крикнул Джон Томас.— Нам спускаться?

— Наверно, это будет лучше всего.

Соскосьнув, Джонни поймал Бетти.

— Простите, что мы вам тут все перепутали.

— Это я должен извиняться. Будьте любезны, не могли бы вы представить меня своему другу?

— О, конечно. Луммокс, это мистер Кику. Он прекрасный человек и мой друг.

— Как поживаете, мистер Кику?

— Здравствуйте, Луммокс.— Мистер Кику задумался.— Доктор, нет ли здесь того командира, который так свирепо смотрел на меня?

Раргиллианин огляделся:

— Да, он здесь.

— Ясно. Спросите его — сообщил ли он всем хрошиа о результатах конференции?

— Хорошо.— Медузоид поговорил с командиром хрошиа.— Он говорит, что нет.

— Ага. Джон Томас, мы были готовы заключить договор с хрошиа, но внезапно они разорвали соглашение, когда выяснили, что мы решительно отказываемся выдавать вас просто заложником без всяких гарантий. Помогите мне узнать, было ли это желанием вашего друга?

— Вы имеете в виду Луммокса? — спросил Джон Томас.

— Да. Подождите минутку. Доктор Фтаемл, будьте любезны, сообщите суть нашего соглашения Луммоксу.

Почтительно взвизгнув, раргиллианин обратился к Луммоксу. Несколько раз Луммокс прерывал его вопросами. Когда доктор Фтаемл

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

закончил, Луммокс обратился к командиру экспедиции. Фтаемл перевел:

— Она спрашивает: «Неужели это правда?»

Командир оттеснил всех остальных настолько далеко, насколько мог, и теперь стоял перед Луммоксом рядом с маленькой группкой людей. Переминаясь с ноги на ногу, он напоминал включенный трактор. Уткнувшись физиономией в землю, он что-то пропищал в ответ.

— Он признает, что все было именно так, но просит принять во внимание...

— Поскорее бы они разобрались, — поежился Кику. — А то я начинаю мерзнуть. — Его колени в самом деле подрагивали.

— Объяснение не принято, — провозгласил доктор Фтаемл, — я могу перевести смысл слов, но выразительность их непередаваема!

Внезапно Луммокс издал пронзительный визг и попятился назад, освободив перед собой пространство. Подняв голову, огромное существо размахнулось и вlepило несчастному командиру сокрушительную затрецину. Оторвавшись от земли, он пролетел несколько метров и рухнул на толпу хрошиа. Медленно и неуверенно поднявшись на ноги, подполз к Луммоксу.

Луммокс заговорил.

— Она говорит... о, я хотел бы, чтобы вы услышали, как она говорит!. Сколько будет существовать Галактика, столько друзья Джонни будут ее друзьями. Она говорит, что те, кто не являются друзьями ее друзей, для нее ничто, меньше, чем ничто, она их просто не замечает. И она призывает в подтверждение сказанного имена... ну, тут идет перечисление всех ее предков со всех сторон, что довольно утомительно. Переводить дальше?

— Не трудитесь, — сказал мистер Кику. — «Да» — это «да» на любом языке.

— Но с какой изысканностью она излагает, — сказал Фтаемл. — Какие ужасные и удивительные события она вспоминает, простираясь памятью в далекое прошлое.

— Меня интересует только ее оценка будущего... и как нам спрятаться от этого проклятого ветра, — поежился мистер Кику.

Доктор Фтаемл снял свой плащ и набросил его на узкие плечи мистера Кику:

— Мой друг... брат мой... простите, что я было усомнился в правильности ваших действий.

— Нет, нет, вам будет холодно, — запротестовал мистер Кику.

— Ни в коем случае.

— Тогда давайте поделим его.

— Для меня это большая честь, — растроганно ответил медузоид,

и его ноздри задрожали от наплыва чувств. Он нырнул под плащ, и они тесно прижались друг к другу.

Хрошиа почтительно слушали Луммокса. Наконец Луммокс бросил короткое резкое замечание, и хрошиа задвигались.

— Она говорит, — перевел Фтаемл, — что хочет побыть со своими друзьями.

— Спросите ее, — сказал Кику, — может ли она заверить своего друга Джона Томаса, что все, сказанное ею, свято и нерушимо?

— Секунду, — и пока все остальные хрошиа торопливо покидали их, Фтаемл сказал Луммоксу несколько слов.

Послушав их, Луммокс повернулся к Джону Томасу. Из огромной пасти раздался голос маленькой девочки:

— Это так, Джонни. Лопни мое сердце.

Серьезно и торжественно Джон Томас кивнул Луммоксу в ответ.

— Не беспокойтесь, мистер Кику. На Луммокса вы можете положиться.

ДЕВЯНОСТО СЕМЬ БЛЮД

— Запускайте ее.

Мистер Кику нервничал. Окинув взглядом сервировку чайного столика, он убедился, что уютная небольшая комнатка для совещаний выглядит так, как он хотел. В это время дверь распахнулась, и в помещение впорхнула улыбающаяся Бетти Соренсен.

— Здравствуйте, мистер Кику, — сказала она и непринужденно устроилась в кресле.

— Как поживаете, мисс Соренсен?

— Зовите меня Бетти. Все мои друзья так обращаются ко мне.

— Благодарю вас. Хотел бы я быть одним из них. — Посмотрев на нее, мистер Кику невольно вздрогнул. Бетти только что кончила экспериментировать с новой раскраской, и сейчас лицо ее напоминало нечто вроде шахматной доски.

— Видите ли... моя дорогая юная леди, мне довольно затруднительно объяснить вам цель нашей встречи.

— А вы не торопитесь. Мне лично спешить некуда.

— Разрешите предложить вам чаю?

— Давайте я вам налью. Будет совсем по-домашнему. — Он не спорил и, взяв чашку чая, растянулся в кресле с чувством облегчения, которого давно не испытывал.

— Думаю, вам нравится ваше сегодняшнее положение?

— Еще бы! Мне никогда еще не доводилось ходить по магазинам, не тратя ни пенни. Только счета подписываю.

— Для этого есть специальный фонд. Вы же сирота, не так ли?

— Я — Дитя Свободы. Мой опекун — Вествилльский Дом для Детей Свободы. А в чем дело?

— Значит, вы еще несовершеннолетняя?

— Это зависит от точки зрения. Я лично считаю, что уже совершеннолетняя, а суд придерживается другого мнения. Но, слава Богу, долго он не будет упорствовать.

— Мда. Наверно, мне надо было сказать, что все это я знаю.

— Я так и думала. А в чем дело?

— М-м-м... Разрешите начать несколько издали. Видите ли... если бы нам удалось поставить Луммокса в определенное положение, он... она бы еще теплее относилась к нам, и наши будущие отношения стали бы еще лучше...

— Я думаю, мы можем говорить совершенно откровенно. В чем суть дела, мистер Кику?

— Мда... Мы с вами знаем, что хрoшиа Луммокс в течение долгих лет был воспитанником Джона Томаса Стюарта. А до этого Луммокса воспитывал отец Джона Томаса, а до этого... словом, с ним имели дело четыре поколения.

— Да, совершенно точно. И лучшего воспитанника нельзя было и пожелать.

— Так оно и есть с точки зрения Джона Томаса и его предков. Но всегда есть как минимум две точки зрения. Как считает Луммокс, он... она... отнюдь не воспитанница. Наоборот. Это Джон Томас-её воспитанник. Цель жизни Луммокса — воспитывать Джонов Томасов.

Глаза Бетти расширились, а затем она покатила с хохоту:

— Мистер Кику! Не может быть!

— Я говорю совершенно серьезно. Все дело в точке зрения. Луммокс вырастил несколько поколений Джонов Томасов. Это его единственное хобби, единственный, повторяю, смысл жизни. Пусть это звучит по-детски, но ведь Луммокс, в сущности, еще ребенок.

С трудом подавив приступ смеха, Бетти наконец взяла себя в руки:

— Воспитывать Джонов Томасов! А сам Джонни знает об этом?

— В общем-то да, но я объяснил ему все это несколько по-иному.

— А миссис Стюарт знает?

— Э-э-э... я не счел необходимым сообщать ей об этом.

— Можно, я расскажу ей? Хотела бы я видеть ее лицо! О, господи!

— Я думаю, это будет для нее слишком жестоко, — твердо сказал мистер Кику.

— Да, наверно. Ладно, я не буду этого делать. Но помечтать-то можно?

— Все мы можем мечтать. Но я продолжаю: это невинное занятие доставляет Луммоксу огромное удовольствие. И он намерен продол-

жать его до бесконечности... Мы столкнулись с любопытной ситуацией, когда хрощиа, обнаружив своего исчезнувшего младенца, оказались не в состоянии покинуть Землю. Луммокс хочет продолжать... воспитывать Джонов Томасов.— Он помедлил.

Наконец Бетти сказала:

— Ну же, мистер Кикю! Продолжайте!

— Э-э-э... каковы ваши собственные планы, Бетти... мисс Соренсен?

— Мои? Я их еще ни с кем не обсуждала.

— Мда. Простите, если я слишком назойлив. Видите ли... возникла необходимость в продолжении... и Луммокс очень обеспокоен этим. Если бы мы имели дело с кошками... или с кроликами...— он остановился в изнеможении, не в силах дальше продолжать.

Бетти внимательно изучала его измученное лицо.

— Мистер Кикю, вы, очевидно, хотите сказать, что необходимо как минимум два кролика, чтобы появился третий?

— В общем-то да...

— Ах, вот в чем дело! Стоило из-за этого огород городить? Всем это известно. Я хочу сказать, что и Луммоксу известно это правило. Не так ли?

Он только кивнул.

— Ах вы, бедняга... Вам стоило черкнуть мне пару слов — и все. И не пришлось бы так мучиться. И я бы сообразила, что должна вам помочь. Вы именно это имели в виду, когда спрашивали о моих планах?

— Я не имею намерений вмешиваться в вашу жизнь... просто я хотел осведомиться о ваших планах.

— Собираюсь ли я выходить замуж за Джона Томаса? Естественно.

Мистер Кикю вздохнул.

— Благодарю вас.

— Я это делаю отнюдь не для того, чтобы порадовать вас.

— Ни в коем случае! Я благодарю вас за помощь и содействие.

— Благодарите Луммокса. Добрый старый Луммокс! Вы не имеете права обманывать его.

— Значит, я могу считать, что вы обо всем договорились?

— Что? Я ему еще не делала предложения. Но я его сделаю... хотя подождет немного. Вы же знаете, каковы эти мужчины — нервничают, суетятся. Я не хочу, чтобы у него была сейчас причина для волнений. А как было у вас? Жена сама сделала вам предложение? Или она ждала, пока вы созреете и перезреете?

— Видите ли, обычаи моего народа несколько разнятся от ваших. Ее отец договорился с моим отцом.

Бетти ужаснулась.

— Просто какое-то рабство, — уверенно сказала она.

— Без сомнения. Тем не менее, я бы не сказал, что был несчастлив. — Он встал. — Я очень рад, что наш разговор закончился на столь приятной дружественной ноте.

— Минутку, мистер Кики. Кое-что еще надо урегулировать. Например, что получит Джон Томас?

— Э?

— Контракт.

— Ах, это! С финансовой точки зрения ему не на что будет жаловаться. В основном он будет заниматься образованием, но я подумываю о том, чтобы присвоить ему какой-нибудь номинальный ранг в посольстве — специальный атташе, помощник секретаря или что-то еще.

Бетти молча слушала.

— Конечно, поскольку вы отправляетесь вдвоем, было бы неплохо и вам дать какой-нибудь полуофициальный статус. Скажем, вас устроит специальный помощник на полставки? Это вам обоим даст прекрасную возможность свить уютное гнездышко, когда вы вернетесь.

Она покачала головой:

— Джонни нечестолюбив. Честолюбива я.

— Да?

— Джонни должен быть послом у хроща.

Мистер Кики с трудом нашелся, что ответить. Наконец он выговорил:

— Моя дорогая юная леди! Это совершенно невозможно.

— Джонни отнюдь не пустое место. Кто больше всех знает о хроща? Джонни.

— Моя дорогая, я охотно признаю богатство его знаний и искренне благодарен судьбе, что мы имеем возможность использовать их. Но послом? Нет.

— Да.

— Посол? Это исключительно высокое звание, но я хотел бы вот на что обратить внимание. В сущности, послом будет мистер Гринберг. Нам нужны дипломаты.

— А что трудного в том, чтобы быть дипломатом? Или, говоря другими словами, что не мог бы мой Джонни сделать лучше Гринберга?

Он глубоко вздохнул:

— Все, что я могу сказать в данном случае: будь вы моей дочерью, я бы отшлепал вас. Словом — нет.

Она мило улыбнулась.

— Держу пари, вы бы со мной не справились: мы в разных весовых

категориях. Но дело не в этом. Мне кажется, что вы не понимаете ситуацию.

— Не понимаю?

— Не понимаете. В этой сделке для вас важны Джонни и я. Особенно Джонни.

— Да. Особенно Джонни. Ваше присутствие не столь существенно... даже для... э-э... появления новых Джонов Томасов.

— Хотите пари? Неужели вы думаете, что могли бы оторвать Джона Томаса Стюарта хоть на дюйм от поверхности этой планеты, если я буду против?

— Мда... тут есть над чем подумать.

— Вот и я о том же. Я могу все поставить на карту. И если не я, что бы с вами было? Один в пустынном поле под ветром, вы старались бы снова и снова пробиться сквозь ту толпу... но рядом не было бы Джонни, который пришел к вам на помощь.

Мистер Кику подошел к окну и выглянул из него. Внезапно он повернулся.

— Хотите еще чаю? — вежливо спросила Бетти.

— Спасибо, нет. Мисс, имеете ли вы хоть какое-то представление, что такое чрезвычайный посол?

— Весьма смутное.

— Это звание того же ранга и так же оплачивается, как и полномочный посол, не считая особых случаев... Мистер Гринберг будет послом, а особый ранг будет присвоен Джону Томасу Стюарту.

— И ранг, и зарплата, — уточнила она.

— И зарплата, — согласился он. — У вас, молодая леди, несмотря на очаровательную внешность, хватка аллигатора. Ладно, можете считать, что мы договорились... если вы уговорите молодого человека согласиться с вами.

Она хмыкнула:

— Вот это-то меня не беспокоит.

— Как бы его врожденная скромность не возмутилась вашей бесцеремонностью. Я считал, что его устроит пост помощника секретаря посольства. Впрочем, увидим.

— Увидим. Кстати, где он?

— Он должен быть здесь.

— Тогда все в порядке. — Встав, она погладила его по щеке. — Вы нравитесь мне, мистер Кику. А теперь тащите Джонни сюда и оставьте нас одних. Минут на двадцать. И вам не о чем беспокоиться.

— Мисс Соренсен, — сказал мистер Кику, — как случилось, что вы не потребовали должности посла для себя?

Луммокс был единственным негуманоидом, который присутство-

вал на бракосочетании. Мистер Кику стоял рядом с невестой. Он отметил, что на этот раз она обошлась без макияжа.

Молодые получили, как полагается, девяносто семь блюд с подношениями, большинство из которых они не могли ни взять с собой, ни использовать, включая полностью оплаченное путешествие на Гавайские острова. Миссис Стюарт плакала, хотя картина происходящего доставляла ей удовольствие: как бы там ни было, свадьба прошла как нельзя лучше. Мистер Кику пролил несколько слез во время церемонии, но надо учесть, что он был очень чувствительный человек.

На следующее утро он сидел за своим рабочим столом, разложив перед собой проспекты ферм в Кении, но он не смотрел в них. После свадебной церемонии они с доктором Фтаемлом покинули молодых и пустились в долгое путешествие по городу — обоим необходима была такая разрядка. И теперь он чувствовал себя превосходно.

Он сделал над собой усилие и попытался припомнить все, что произошло. Слава Богу, все эти тревоги и беспокойства, начало которым было положено неким недалёководным космонавтом полтора столетия тому назад, теперь отошли в прошлое, и можно было унести мыслью к сельским просторам, поскольку все бумаги и протоколы были подписаны.

Ну что же, если все завершилось без серьезных катаклизмов, он может только радоваться.

До него дошел голос секретарши:

— Мистер Кику, вас ждет рандавианская делегация.

— Скажите им, что у меня линька!

— Сэр?

— Впрочем, скажите, что я сейчас буду. В восточном конференц-зале.

Он вздохнул, кинул в рот очередную пилюлю, поднялся и направился к дверям, снова чувствуя себя мальчиком, которому предстоит затыкать пальцем дыру в плотине. Китайские церемонии, подумал он, но коль скоро ты включился в них, они будут вечно с тобой.

Но благодушное настроение по-прежнему не покидало его, и он замурлыкал единственную известную ему песенку: «...У этой сказки нет конца, у этой сказки нет морали. И я вам только покажу, что люди вечно в мире врали...»

А в это время далеко в пространствах космоса новый чрезвычайный посол беседовал с благородными хрошиа. Ее Императорское Высочество, Инфанта своего народа, 213-я по прямой восходящей линии, наследница матриархата Семи Солнц, будущая правительница восьми миллиардов своих соплеменников, некогда известная под именем Луммокс, с наслаждением принимала двух своих друзей на борту императорской яхты.

Любого здорового человека не могут не волновать темы любви и секса.

Давай, читатель, и мы поговорим об этом. Я, врач-сексолог, попытаюсь внести ясность в некоторые вопросы столь тонкой, интимной проблемы.

Уже сама рубрика предполагает откровенный разговор без скидок на возраст, но с уважением к возрастным особенностям личности.

ДУША И ТЕЛО

Начнем с секса. Он древней, чем любовь. Сексуальный инстинкт достался нам в наследство от наших четвероногих предков, вместе с пищевым инстинктом и инстинктом самосохранения. Так утверждал великий русский ученый, профессор медицины В. М. Бехтерев. «Секс» в переводе с латинского означает «пол». Сексуальность — его проявления. Проявления эти весьма разнообразны, но мы разберем пока только одно — влечение к лицам противоположного пола. Ты несколько удивлен, читатель? Ты считал, возможно, что этим, собственно, все понятие и исчерпывается? Вообрази себе — нет. И если ты будешь следить за нашим разговором из номера в номер, то многое узнаешь о сексуальности — феномене, без которого жизнь на Земле просто не существовала бы. Но это уже проблемы глобальные, а пока что давай поближе к проблемам твоим.

В подростковом и раннем юношеском возрасте человек начинает утверждать себя как сексуальную личность. Это нормальное, здоровое явление, как правило, сопровождается смятением чувств, желанием ответить самому себе на вопрос: «Что со мною происходит?» То жарко, то холодно, то хочется бегать кругами, то забиться в угол дивана... И чтоб никто не подходил. А главное, не трогал. Кожа становится столь чувствительной, что каждую ниточку на майке ощущаешь, как

острые кнопки. Что за напасть? Ничего особенного: проснулись для активной работы яичники у девочек и семенники у мальчиков. Проснулись и выбрасывают в кровь огромное количество гормонов. Спросонok, что мучивается, не глядя.

Особенно тяжело мальчикам. Чувство тяжести в нижней части туловища, мышечная скованность заставляют искать выход из физиологического дискомфорта. Чаще всего в тринадцать-пятнадцать лет помогают спорт или онанизм. Пожалуй-ста, не пугайся: это слово — не ругательство. Онанизм — не постыдное занятие, а просто интимная жизнь, она посторонних не касается и не должна служить поводом для обсуждений, а тем более — насмешек. Вам какое дело? Вот то-то! Правда, андрологи, врачи, изучающие мужской организм и считающие онанизм нормой, все же просят подростков и юношей быть осторожней, не злоупотреблять, чтобы эта привычка не стала единственным способом удовлетворения сексуальной потребности. Редко, но так бывает, — тогда уже надо лечиться. В том же возрасте, в тринадцать-пятнадцать, некоторые подростки пытаются вступить в интимные межполовые отношения. И зря. Рановато. Объясню почему.

Сначала о девочках. Девочки в это время, как правило, бывают влюблены. Им хочется внимания, ласки, признания их привлекательности и исключительности. Каждая, если она не

дура, конечно, мечтает, чтобы ей целовали руки и дарили цветы. А что иногда получает? Грязный матрац в вонючем подвале, неумелого, простите, грязноватого, а то и вовсе сопливого партнера, страх забеременеть, страх подхватить какую-либо «веселую» болезнь. И все это, заметьте, без любви. Результат? Зачастую фригидность, половое бесчувствие. Фригидность отравит потом всю жизнь. Ведь она лишает женщину естественного желания вступать в интимные отношения, получать от этого удовольствие, иметь мужа, детей. Так что же толкнуло девочку на злополучный грязный матрац? Какая из девяти существующих сексуальных мотиваций?

Кстати, кто не знает: мотивация — это побудительная причина любого поступка. Например: я съел пирожное потому, что оно аппетитное. Одна мотивация. Я его съел, чтобы Вовке не досталось, — другая. А у девочки-то что за мотивация была? Ведь секс — не пирожное! Могло быть любопытство: об «этом» так много говорят, интересно все же, как «это» бывает. Могло — самоутверждение: я «это» смогу, ничего не боюсь! Возможно, ее подтолкнули и вовсе внесексуальные причины: если я откажусь — меня выгонят из компании. Иногда мотивацией служит замещение. Вот уж истинная трагедия! Любит Сережу, сильно, страстно, мучается от неразделенного чувства и делает отчаянный

шаг, вступая в интимную связь с каким-нибудь Устином. Устин знаменит тем, что с любой готов пойти куда угодно. Господи, милая моя! Ну, что ты творишь! Себя уважать надо! Ведь любовь, помимо всего прочего, увлекательная игра, а ты, как маленькая, вместо того чтобы своего добиться, слезы и слюни распустила и в грязную лужу — плюх! Ну, не ленись, подумай! Счастливее будешь! С твоим-то обаянием — да Сережку не пленить? себя с Устином уродовать?!

К мальчишкам все перечисленное тоже относится. Но есть у них и еще одна могучая мотивация — желание избавиться от напряжения. Допустим, онализм кто-то презирает, спортом и физкультурой заняться лень, а семенные пузырьки раздулись от спермы, и это мучает. Вот и ищет такой парень стоворчивую, обычно девочку общего пользования. Из грязного стакана не каждый станет пить. Да и чужие трусы, простите, вряд ли кто натянет. Противно! А с этой, которая одна на всех, как? И еще: какво потом любимой в глаза смотреть? Да и не получишь ли от ворот поворот за предательство? А ведь любовь чувство сильное, приказом из головы не выкинешь, намаешься, коли отвергнут.

Где же найти точку примирения души и тела? Как избавить семенные пузырьки от нескольких капель жидкости, которые делают из психически нормаль-

ных парней диких животных? Ведь не хочется в них превращаться!

Мальчишкам труднее, чем девочкам. Тут одним сознанием не обойтись. Попробуйте по вечерам давать себе высокие физические нагрузки: отжимы, турник... Угол хорошо делать. Основной упор — на мышцы нижней половины туловища. Помогают бег, лыжи, велосипед. После занятий встаньте минут на пять-семь под теплый душ или медленно окатите себя с головы до пят теплой водой из ведра. Медленно и теплой! Холодная вода потенцию повышает. Потом — в постель. Ночью, даю гарантию, будут прекрасные сны эротического содержания. Кто станет их героиней — никого не касается.

Последствия таких снов — нормальные, здоровые поллюции. Кое-что лишнее из тела уйдет. В случае необходимости бельишко сменить — и в школу. Настроение хорошее? Значит, нет проблем.

Ты уж прости меня, читатель, что наш разговор я начала с материального, с тела твоего человеческого, а души только слегка коснулась. Просто любовь, как было уже сказано, моложе секса. Секс и у питекантропов был, а до любви только цивилизованный человек поднялся. Мы о ней в следующий раз поговорим. И о многом другом — тоже.

Пиши, если что.

Твой доктор

Ирина Ильинична СОКОВНЯ

ПОРОЧНАЯ ПРИМАДОННА

На фоне мужественных, полугрубоватых и маложенственных певцов начала — середины 1980-х годов — Тины Тернер, Крисси Хайнд, Синди Лопер, Кэйт Буш, Нины Хаген — сексуальная Мадонна выглядела самым таким женственно. Но за внешним видом этакого секскотеночка у этой певицы явно ощущался твердый, волевой характер целеустремленного человека, который знает, что делает. Этот характер время от времени давал о себе знать, сбивая с толку многих людей. Отсюда очевидная поляризация мнений среди публики: некоторые совершенно (вплоть до угроз физической расправой) не приемлют образ певицы, считая ее вульгарной и опасной для национального уровня нравственности, другие, наоборот, видят в ней идеал и стремятся подражать своему кумиру. Споры о том, кто же она — талантливая артистка, секс-символ сегодняшней Америки или просто прежде всего женщина, а потом уже все остальное (как говорит она сама), — не утихают до сих пор.

Мадонна Луиза Вероника Чикконэ родилась 16 августа 1958 г. в Бэй Сити, штат Мичиган. Она была третьим ребенком в семье Сильвио Чикконэ, который работал дизайнером на корпорацию «Крайслер». Родом он происходил из Италии. Мать, имя которой в анналах истории почему-то не сохранилось, была франко-канадкой. Впрочем, она рано умерла от рака груди — маленькой Нонни (так звали Мадонну в семье) тогда было всего 5 лет. Чикконэ переехали, хозяйство держалось на домоправительницах, с которыми отец последовательно сожительствовал, пока на одной из них не женился. С этого момента жизнь потекла по известному сценарию: Нонни наотрез отказалась звать мачеху мамой и постепенно все больше отдалялась от отца. По отношению к братьям и сестрам Мадонна ощущала себя главной женщиной и стремилась во всем подчеркнуть свое соперничество с мачехой. Это постепенно вылилось у Нонни в нечто подобное стихийному, плохо осознанному протесту Мадонна вспоминает, что в то время сильно хотела бежать из дому. И она бежала — не в буквальном, но в переносном

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

смысле — бежала в танцы, которыми принялась заниматься в свободное от школы время. Этим она также стремилась выделиться из общей массы школьных подружек, поскольку внутренние противоречия, невосполнимые жизненные утраты требовали любой компенсации за принесенное в душу ощущение собственной ущербности. Чувство обделенности все же в значительной степени присутствовало в Нонни, и она делала что угодно, чтобы ее заметили и выделили из массы — носила странные пестрые гольфы, засушивала у себя на новенькой майке расплывшееся куриное яйцо и надевала «потрясающее, цветное, необычайно сексуальное нижнее белье», которое бесстыже выглядывало из-под задравшейся юбки во время упражнений в гимнастическом зале. Больше всего Нонни любила в этом зале висеть на перекладине вниз головой...

Танцами она занялась в 14 лет. Кристофер Флинн — учитель балльных танцев — был на 20 лет ее старше. Он оказался первой юношеской любовью Мадонны, на которую ответить до конца взаимностью не мог, поскольку

не женский пол составлял плод его вожделенных мечтаний. Но именно он сделал для Мадонны больше других — Флинн познанил Нонни с атмосферой дискотек, диско-клубов. И девчушка, уже практически девушка, твердо определила для себя цель в жизни — быть там, на сцене, а в каком качестве — не так важно. Главное, что светящаяся огнями рампа — это ее призвание. Но пока, пока приходилось большую часть свободного времени проводить дома, помогая вести хозяйство большого (6 детей) семейства. Несмотря на все сложности, Мадонна училась прекрасно во всех классах.

В 1976 году Мадонна окончила школу и поступила в Мичиганский университет. Но ее манил своими огнями блистательный нью-йоркский Бродвей, где она в итоге и очутилась одним прекрасным днем с 37 долларами в кармане и «незаконченным высшим образованием». Она приехала туда за славой — в этом не было никакого сомнения. Но слава в Америке добывается потом и кровью, и ведет к ней тернистый путь сквозь «огонь, воду и медные трубы». Его пройти от начала до конца решила 20-летняя Нонни Чикконэ.

Поначалу будущая звезда эстрады работала в третьих и четвертых составах различных театральных трупп, в свободное время подавала в ресторанах. Начало ее карьеры обнадеживающим назвать никак нельзя: чтобы хоть как-то свести концы с концами, Мадонна даже снима-

лась в подпольном полупорнографическом кино. И тут неожиданно появился спасительный рок-н-ролл.

Он появился в лице обаятельного музыканта Дэна Гилроя, в которого Мадонна влюбилась с первого взгляда. Гилрой научил ее играть на гитаре и ударных, привил любовь к рок-музыке. Это подтолкнуло Мадонну к неожиданному поступку, объяснимому, впрочем, с позиций ищущей и неудовлетворенной души: она, решив, что ей теперь в музыке все доступно, поддалась на уговоры певца Патрика Эрнандеса «сделать из нее звезду» и сбежала с ним в Париж. Эрнандес прекрасно содержал Нонни, пожаловаться она не могла, спасибо, но вот дальше участия в хоре подпевающих ему на концерте девушек не пускал. Через несколько месяцев Мадонне это надоело, она сбежала теперь уже от Эрнандеса и вернулась к Гилрою.

Рок-музыкант в это время был занят сколачиванием новой группы, которую назвал Breakfast Club. К возвращению Мадонны в США в ансамбле вакантным оставалось лишь место ударника. Его и заняла Мадонна, благо никогда не боялась ничего — и мужской работы в том числе. Поселились они с Гилроем в заброшенной синагоге в нью-йоркском районе Куинс.

Где-то около 1982 года она крупно поссорилась с Дэном, который не позволил ей стать певицей в его группе. Нонни съехала от него, поселившись в Манхэттене. К этому времени она уже

окончательно освоилась в рок-музыке и решила сама создать ансамбль. Состав группы менялся с калейдоскопической скоростью — точно так же, как и ее названия: то это были «The Millionaires», то «Modern Dance», то «Emmemon», то «Emmy». Мадонна писала для группы собственные опусы.

Понемногу Нонни стала зарабатывать на жизнь. Для пущей рекламы собственного имени она распрощалась с группой «Emmy» и набрала новый состав, окрестив его попроче — «Madonna». А дальше все случилось, как в сказке.

Однажды Мадонна дала кассету с записью своей песни «Everybody» знакомому диск-жокею клуба «Дансетерия». Он поставил ее вечером в разгар танцулек — и, о чудо! — аудитория была в восторге. Немедленно предприимчивый диск-жокей взял Мадонну в оборот и бросился в контору фирмы грамзаписи «Сайр», с которой певица через его посредничество и заключила свой первый в жизни профессиональный контракт. Уже в июле 1983 года на полках музыкальных магазинов появился первый диск Мадонны. Медленно, но верно песни с него вползали в американские хит-парады, пока весной следующего года «Borderline» не достигла № 1.

Положа руку на сердце, первый диск Мадонны не был чем-то особенным. Затянутые диско-поп-танцевальные номера без какой-либо изюминки вкупе не могли представлять никакого инте-

реса. По отдельности еще что-то можно было вытянуть... Отсутствие у Мадонны четкого, легко узнаваемого стиливого почерка, трое (!) продюсеров, каждый из которых переиначивал песни на свой лад, — это не шло на пользу пластинке. Единственная примечательная вещь — голос певицы, который притягивал к себе внимание и в конечном итоге «вытащил» пластинку...

Но относительно скромный успех первого диска Мадонны несколько не повлиял на ее карьеру в отрицательном плане. Напротив, она получила доступ в шоу-бизнес, взоры продюсеров обратились на Мадонну, и впервые у нее появилась возможность выбирать не из двух зол меньшее, а откладывать в сторону заманчивые предложения ради еще более заманчивых. Были приглашения и из Голливуда. За них-то Мадонна и ухватилась поначалу, решив попробовать удержаться на плаву сразу в двух амплуа — певицы и актрисы, благо актерский опыт-то у нее кое-какой имелся (помните, участие в подпольной порнухе?). Начала Мадонна с фильма, в котором она сыграла саму себя: исполнила две песни в роли певички ночного клуба. Эта роль сослужила ей добрую службу: натолкнула на мысль о более важном значении видео в деле саморекламы и самопропаганды. Под песни первого диска создаются три видеоклипа, и тут же делаются еще два новых на песни, которые лишь готовятся к свежему диску Мадонны.

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

МАДОННА

Год его выхода — 1985-й — превратился в триумфальный для Нонни. Восемь песен с диска попадают в верхние строчки хит-парадов по всему миру. Этот диск действительно был сильнее предыдущего, и не последнюю роль в этом сыграл известный продюсер Найл Роджерс, который разобрался в ошибках своих предшественников на диске «Madonna» и сумел придать песням певицы недостающие детали: где выделил запоминающиеся мелодические фразы, где ужесточил ритм, где утончил аккомпанемент, да и вообще отполировал каждый номер «до блеска». По выходе пластинки следует необычайно успешное турне по США, а в апреле того же года выходит кинофильм с Мадонной в главной роли.

Такого мощного натиска — лонгплей, хит-синглы, клипы, турне да еще фильм — американская публика выдержать не смогла. Мадонна стала известна всей Америке, а ее эротичная походка, сексуальные губы, вольные движения, кадры клипов «на грани дозволенного» создали вокруг певицы ореол «секс-бомбовитости» при отсутствии у нее сколько-нибудь достаточных физических данных для этого. Мадонна словно заявила во всеуслышание: каждая женщина способна быть привлекательной и сексуальной, ей надо только захотеть быть такой и поверить в собственные силы. Сама певица негодует: «Меня корят за гиперсексуальность. Но когда кто-нибудь из этих — Принц, Элвис Пресли

или Мик Джеггер — делает то же, их называют «чувствительные личности». А мне бросают в лицо: «Э, Мадонна, ты отбрасываешь своей бестактностью феминистское движение на миллион лет назад».

Уже на гастролях по США 1985 года треть женской аудитории приходила в облике а-ля Мадонна: густо накрашенные губы, подведенные глаза, пряди слипшихся «мокрых» волос, одежда, более напоминающая женскую комбинацию, чем выходное платье. Это означало одно: Мадонна взшла в США на трон славы и вокруг нее начинается истерия, обычно сопутствующая крупному успеху звезд.

16 августа того же знаменательного 1985 года, в день своего рождения, Мадонна выходит замуж за популярного в Америке молодого актера Шона Пенна. Кажется, он привлек ее своим необузданным характером (Мадонна говорила про своего мужа: «Он умрет молодым»), и вместе они составили, пожалуй, одну из самых необычных пар. И хотя их брак продлился немного времени, Мадонна и Пенн успели оставить истории результаты своего творческого, а не только жизненного дуэта, совместно снявшись в кино.

Все, что делалось Мадонной после этого, принималось «на ура» ее поклонниками, круг которых рос с каждой пластинкой, с каждым фильмом. Да и не могло быть иначе — пробившись на поп-музыкальный Олимп, Мадонна получила доступ к лучшим

профессионалам Америки: перво-классные менеджеры, продюсеры, аранжировщики, агенты, режиссеры помогали ей доводить до кондиции творческие замыслы. Но, к чести Мадонны будет сказано, последнее слово на всех стадиях кино-музыкального процесса было за ней. Куклой в чужих руках Мадонна никогда не была.

Начало 1990-х годов застало певицу столь же активной и подтянутой, как и прежде. Восемь километров с утра пораньше бегом по живописным местам Голливуда, что под Лос-Анджелесом, потом час аэробики — и в бассейн. Это — ежедневная рутина. В прошлом уже новые вершины музыкального успеха, который принесли диски «True Blue» (1986) «Like A Prayer» (1988) и «I'm Breathless» (1988). Песня «Cherish» стала 16-м хитом Мадонны, который попал в США в Top-5 — на самый верх хит-парадов. Мадонна обогнала по этому показателю даже легендарных «Битлз», у которых было всего пятнадцать таких хитов. После того, как Мадонна утвердилась в качестве кинозвезды, сыграв в картине ««Dick Tracey», целый ворох предложений от популярных художников экрана обрушился на Нонни, которая сумела-таки выдержать тяжелейшую гонку сама с собой: талантливая актриса стала в один ряд с плодотворной певицей. Она снимается в новой картине Вуди Аллена, а между тем ее съемочный план уже расписан до конца следую-

щего года: в числе других она собирается играть в полицейском боевике, в лирическом фильме, в комедии и в триллере.

Пошли слухи, что Мадонна готова бросить петь ради продолжения карьеры в кино. Это неправда. Этого не может быть, ведь у Нонни еще одно амплуа — сексуальной королевы США. Похоже, она от него отказываться не собирается, продолжая эпатировать добропорядочную Америку своей женственной раскованностью. Только что нам сообщили из-за океана: новый видеоклип Мадонны вызвал в Штатах скандал. Канал MTV запретил уже готовую пленку к показу по своей частоте. Как записано в решении руководства MTV, этот клип — набор эротических сцен, главное место в которых уделено самой Мадонне и ее близкому приятелю в жизни (читай: любовнику) Тони Уорду, которые изображают любовную страсть. Постепенно происходящее на экране перерастает в подобие оргии, а поведение актеров, число которых все увеличивается, можно охарактеризовать как гомосексуальное, бисексуальное, с элементами садомазохизма и т. д. Говорят, что там даже есть кусочек обнаженной женской груди, но это еще надо проверить. Клип все же показали в Англии, а в США он продается, записанный на кассету.

Ну, что ж, Мадонна по-прежнему в своем репертуаре — на радость одним, на зависть другим...

Андрей КОКАРЕВ

Николай НЕПОМНЯЩИЙ

КОШКИ ПРЕДСКАЗЫВАЮТ БУДУЩЕЕ

Во время второй мировой войны радарные установки вдоль южного побережья Англии контролировали воздушное пространство для предупреждения налетов нацистских бомбардировщиков. Однако многие жители быстро обнаружили, что более надежные системы раннего предупреждения опасности лежат, свернувшись клубком, у их каминов. Кошки, как выяснилось, обладают сверхъестественной способностью предчувствовать беду, готовую обрушиться с неба. Многие из них начинали проявлять беспокойство еще задолго до воя сирен и, казалось, знали, какая конкретно семья в опасности. Шерсть у них вставала дыбом, они шипели, издавали сердитые, раздраженные вопли, а некоторые прямоком неслись в ближайшее бомбоубежище.

Эта способность угадывать приближение опасности в дни войны была настолько жизненно важной, что учредили специальную медаль с выгравированными словами «Мы тоже служим родине». Награда вручалась кошкам, которые помогли спасти чью-то жизнь.

...Черно-белая кошка по кличке Сэлли, жившая поблизости от лондонских доков, разработала сложную систему оповещения хозяев об опасности. Чувствуя, что налет близок, она бежала к стойке в холле, где висел противопогаз, и начинала настойчиво колотить по нему передними лапами, после чего бросалась к хозяйке и принималась ее царапать. Затем мчалась во двор к двери бомбоубежища. Однажды, когда хозяйка была уже

В седьмом номере прошлого года мы опубликовали рассказ «Четвероногие терапевты» Николая Непомнящего, автора недавно вышедшей книги о кошках. Немало интересного узнаете вы о своих четвероногих питомцах, перелистав ее страницы. Например, о том, что существует Международная федерация любителей кошек, которой зарегистрировано 36 пород, составляющих кошачье семейство, и о том, что на планете проживают 40 миллионов кошек, и о том, как и за что человек уважает это замечательное животное. В Японии, например, у ворот домов стоят фигурки кошки — символ домашнего очага и уюта, а в России по традиции порог нового дома переступала именно кошка... Кошки обладают многими удивительными способностями. О них-то и пойдет речь.

в убежище, Сэлли перемахнула через изгородь к соседям и начала громко мяукать, привлекая их внимание. И только когда все спустились в бомбоубежище, свернулась клубочком и мирно заснула.

Однако необходимо признать, что не все кошки использовали свои способности столь благородным образом.

Одна семья в Суссексе была чрезвычайно удивлена, когда кот Тимоти отказался последовать со всеми в убежище после того, как сирены предупредили о массированном воздушном налете. Однако, когда прозвучал сигнал отбоя, все стало понятно: на столе оставался нетронутый обед, и Тимоти, обычно сидевший на дешевой рыбе, предался чревоугодию! Но, возможно, он наперед знал, что ни ему, ни дому ничто не угрожает...

Иногда кошки предвидят природные катаклизмы или какие-то надвигающиеся серьезные события. Чаще их предвидения касаются смены погоды или прибытия неожиданного гостя. Если научиться распознавать те изменения в поведении кошки, которые можно рассматривать как провидческие, то можно предотвратить некоторые неприятности.

Попробуем разобраться в некоторых характерных случаях, иллюстрирующих способности кошек заглядывать в будущее, и посмотрим, как пытается их объяснить наука.

КАК КОШКИ ПРЕДСКАЗЫВАЮТ ПОГОДУ

Во Франции многие рыбаки и члены их семей считают:

— если кошка проводит лапой за ухом во время умывания, дело идет к дождю;

— если она чистит нос, будет ветрено;

— если зрачки кошки сильно сужаются, будет низкий прилив;

— если расширяются, прилив будет высоким;

— если кошки ложатся на землю и начинают вертеться и крутиться, значит, плохая погода заканчивается.

В книге «Психические способности животных» Билл Шул рассказывает о поведении кота миссис Робинсон из Оклахомы. Когда предполагался ясный, хороший денек, кот Феликс укладывался на подоконник, но если дело шло к ненастному, дождливому дню, он забирался на громадный старин-

ный шкаф. По словам хозяйки, он никогда не ошибался, подобно «этим парням в ящике» — высокооплачиваемым телевизионным метеорологам.

Канзасский фермер вспоминает, как его кошка не только предсказывала торнадо, но точно знала, какие здания окажутся на его пути. Мать четырех котят, она втаскивала их в амбар, расположенный рядом с домом. Однажды в полдень фермер заметил, что один из котят исчез, на следующий день пропал второй, потом третий — и так сгинула вся семейка. В ночь, когда исчез последний котенок, на участок обрушился торнадо, полностью разрушивший амбар. Кошку с котятami обнаружили на соседней ферме. Совершенно ясно, она унесла их на несколько миль, чтобы они не погибли под обломками здания, которое — она каким-то непостижимым образом это знала — будет разрушено.

КАК КОШКИ ПРЕДСКАЗЫВАЮТ СОБЫТИЯ В ДОМЕ

Многие владельцы наделяют своих кошек способностью предсказывать возвращение самого любимого ими члена семьи: непосредственно перед его приходом кошки начинают играть с необычной энергией. Одна дама говорила, что всегда заранее знает о визите друзей, поскольку перед этим ее кошка уходит в столовую и принимается умыться.

В Вашингтоне довольно известная и не склонная к мистике женщина-адвокат рассказала, как ее кот Генерал Джексон всегда знал, какие новости — дурные или хорошие — несет телефонный звонок. Когда звонил телефон, он тут же либо клал свой нос на телефонную трубку, что означало хорошую новость, либо, задрав хвост, мчался прочь из комнаты, и тогда жди неприятностей. Хозяйка Джексона уверяла, что он никогда не ошибался.

На севере Англии живет Барни, который любит дремать на теплой поверхности телевизора. Обычно он забирался на свою излюбленную лежанку, как только семья устраивалась перед экраном, и мирно дрых до тех пор, пока агрегат не выключали. Однако как-то вечером он вдруг неожиданно очнулся от традиционной спячки и прыгнул на пол. Постояв несколько мгновений и разглядывая мерцающий экран, Барни решительно направился к двери и стал требовать, чтобы его выпустили. Прошло не очень много времени, и кинескоп взорвался, засыпав комнату осколками стекла.

КОШКИ СПАСАЮТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖИЗНИ

Довольно часто повторяются истории о предвидениях кошек, которые помогают людям в несчастье. Лола Дель-Коста и ее муж Эрнесто, опытный пилот, решили полететь на своем самолете в медовый месяц из Италии в Испанию. Когда до посадки оставалось

всего тридцать минут и под ними было Средиземное море, произошла катастрофа.

«Нас бросило на лобовое стекло, и Эрнесто порезал себе горло, — вспоминает Лола, — но он оставался спокойным, сказал, чтобы я прыгала в море, и затем последовал за мной».

Они плыли несколько часов, Эрнесто слабел на глазах, наконец, понимая, что тонет, он крикнул Лоле: «Мужайся! Спасайся сама!» И пока она отчаянно пыталась подплыть к нему, скрылся в волнах.

Их последний перед посадкой на воду SOS зафиксировало множество судов, находившихся в том районе, — все они немедленно отправились на поиски пострадавших. Среди них находилась и «Латтуга», итальянское торговое судно. По мере того как вечер превращался в черную средиземноморскую ночь, экипаж начинал терять надежду, что удастся обнаружить молодую супружескую чету. Команда уже подумывала о возобновлении прерванного маршрута, когда Рики, корабельный кот, неожиданно взлетел на нос и начал громко мяукать, бегая при этом возбужденно взад-вперед.

Капитан Суни приказал направить прожектора на воду перед носом судна. Спустя несколько мгновений они увидели бледное пятно на поверхности моря. Спустя десять минут обессилевшую Лолу осторожно подняли на борт. Своей жизнью она обязана удивительным способностям Рики.

КОШКА, КОТОРАЯ СПАСЛА РЕБЕНКА

Однажды промозглой зимней ночью Верджил Макмиллан подобрал замерзающего кота, оказавшегося на пороге его дома. Слоули Кэт («Неторопливый Кот»), как называли его новые хозяева, быстро восстановил свои силы и остался в доме, оказавшись преданным и смысленным. Каждый вечер ему позволяли выходить на улицу, и он всегда возвращался домой через несколько минут. Но в одну особенно холодную зимнюю ночь, примерно через два года после своего появления, Слоули Кэт не вернулся. Температура упала ниже 12 градусов, обеспокоенные Верджил и его жена безуспешно осматривали окрестности.

Наутро они решили продолжить поиски. Верджил подошел к валявшемуся на земле старому мешку и уже собирался было отбросить его в сторону, как вдруг из мешка вылез кот, посмотрел немигающим взором и нырнул назад.

Осторожно открыв мешок, Верджил застыл от изумления. В мешке был крошечный полуголый мальчик, а Слоули Кэт, обвинившись вокруг него, яростно лизал смертельно бледное личико.

Верджил помчался с ребенком в дом и позвонил в неотложную помощь. В госпитале почти замерзшего мальчика поместили в специальный термостат и использовали особые лампы, чтобы прогреть.

Несомненно, Слоули Кэт спас

от смерти ребенка, брошенного на произвол судьбы. Но никто из тех, кто связан с этой драмой, не могут объяснить, каким образом кот узнал, что в мешке ребенок. Вне всякого сомнения, он не плакал, иначе его услышали бы, когда искали кота. Возможно, дело в запахе. Хотя специалисты полагают, что промерзшая до состояния бетона почва мешает кошке почувствовать хоть какой-то запах. Все, что можно по этому поводу сказать, — Слоули Кэт предвидел, что он найдет в затрепанном мешке, и, обнаружив ребенка, понял, что его надо спасти, согревая теплом своего тела.

КОШКА, КОТОРАЯ ПРЕДТВЕРТИЛА УБИЙСТВО

Однажды поздно вечером австралийская актриса Сэлли возвращалась к себе домой после съемок на телевидении. Хотя она не была трусихой, последние несколько недель ее нервы оставляли желать лучшего, поскольку в городе объявился маньяк-убийца. Все жертвы — а их уже было восемь — примерно возраста и наружности Сэлли.

Когда до двери оставался всего лишь один квартал, Сэлли впервые за весь вечер вздохнула более или менее спокойно. Вдруг она услышала громкий, безошибочно узнаваемый крик своей кошки Карамель. Это удивило. Хотя у кошки и была возможность выходить из дому в любое время, она обычно поджидала

хозяйку, удобно устроившись в кресле.

Крики стали ближе. Сэлли остановилась, вглядываясь в темноту, и вдруг чья-то рука железной хваткой схватила ее за горло. Неспособная крикнуть и быстро теряющая силы, Сэлли почувствовала, как ее тянут к машине. Затем уголком глаза увидела, как ее кошка бросилась к ним, продолжая оглушительно орать.

Испугавшись шума, бандит несколько ослабил хватку — ненадолго, на долю секунды, но этого было достаточно, чтобы Сэлли издала душераздирающий вопль. Убийца тут же бросил ее, прыгнул в машину и умчался. Позже полицейские сказали Сэлли, что ей крупно повезло — оглушительный крик спас ей жизнь. Но Сэлли знала, что истинным спасителем была Карамель. Каким-то образом она предвидела нападение на хозяйку и поспешила ей на помощь.

КОШКИ, КОТОРЫЕ ПРЕДСКАЗЫВАЮТ КАТАСТРОФЫ

Непосредственно перед извержением вулкана кошки и некоторые другие животные начинают вести себя в высшей степени странно, мечутся из угла в угол, громко кричат, просят, чтобы их выпустили из дому и, получив такую возможность, стрелой летят как можно дальше от того места, которому угрожает поток расплавленной лавы. Их владельцы, если они обладают хоть каким-то

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

разумом, редко отстают от них.

История Джанни из городка Сан-Себастьяна и его черного кота Тото — лишь одна из многих историй, которые бытуют в зонах вулканов в Европе и на Ближнем Востоке.

Дом Джанни стоял в ложбине, по которой в случае извержения вулкана лава из кратера стекала в долины. И тем не менее этот факт не беспокоил шестидесятидвухлетнего крестьянина и его жену Ирму; впрочем, весь город лежал в ложбине и никто из жителей не придавал этому никакого значения.

Шел 1944 год. Последнее крупное извержение, которое уничтожило большую часть Сан-Себастьяна и прилегающую к нему деревню Масс, произошло восемьдесят лет назад, и никто не верил, что Везувий повторит подобное.

Джанни и Ирма в ночь на 21 марта спокойно спали, и только их кот Тото не мог найти себе места. С полудня предыдущего дня он не желал есть, отказывался находиться в доме. Вскоре после полудни он разбудил своего хозяина, царапал когтями его щеку. Разгневанный старик с ругательствами сбросил с себя кота, но кот не сдался, вновь напал до тех пор, пока хозяин не спрыгнул с постели и не стал за ним гоняться, угрожая спустить шкуру.

Наконец Ирма, которой все это надоело, сказала мужу, чтобы тот прекратил меряться глупостью с котом. Поведение Тото, обычно очень ласкового, она вос-

приняла как знак небес, которому могло быть только одно объяснение: вулкан вот-вот взорвется.

И Джанни, поначалу сердито протестовавший, в конце концов согласился, что надо одеться, погрузить на ручную тележку самое необходимое и пойти к сестре Ирмы, жившей в том месте, куда обычно лава не затекала.

Через час после их ухода Везувий взорвался, дом был сметен потоком расплавленной лавы.

Кошки также искушены в предсказании землетрясений. В этих случаях их шестое чувство — чувство опасности — может оказаться куда более надежным, чем дорогостоящие сложные электронные приборы.

Например, в августе 1979 года более двухсот таких приборов, установленных в Калаверас Фолт, Калифорния, для регистрации первых признаков землетрясения, мирно показывали «все спокойно». А разразившаяся стихия оказалась настолько мощной, что сотрясало здания в 130 милях от эпицентра.

А вот события, которые имели место тремя годами раньше в провинции Фриули, что на северо-востоке Италии, на берегу Адриатического моря.

Спокойным майским вечером кошки этого района начали вести себя поистине странно. Они носились взад и вперед, яростно царапались в двери и окна и, получив свободу, исчезали в темноте. В 9 часов вечера район подвергся интенсивным толчкам мощного землетрясения.

Подобные случаи наблюдались в районах повышенной сейсмической опасности. Предсказания кошек были настолько точны и так часто отмечались во всевозможных отчетах за последние сто лет, что сейчас ученые всего мира исследуют этот феномен в надежде использовать уникальные способности животных. Задача, стоящая перед исследователями США, СССР, Китая и ФРГ, — выяснить, что же именно у кошек и других животных является истинным чувствительным органом. Это помогло бы сконструировать приборы с аналогичной эффективностью раннего предупреждения катаклизмов. Хотя стоит ли они будут наверняка дороже любой кошки мира.

Одним из исследователей, которого заинтересовало землетрясение во Фриули, был доктор Хольмут Трибуч, биохимик. Он сам родился в районе Фриули и специально исследовал поведение домашних животных перед землетрясением. Доктор Трибуч отмечает, что все кошки в одной деревне покинули свои дома задолго до подземных толчков. Как он утверждает, способность кошек столь эффективно предсказывать грядущие землетрясения обусловлена тем, что они могут фиксировать в окружающей их атмосфере положительно заряженные атомы и ионы.

Доктор Эрнст Килиан из Бальдивиского университета, Чили, который собирал информацию о животных и землетрясениях с 1960 года, предложил иное объ-

яснение. С его точки зрения, кошки могут ощущать — и это оказывает на них угнетающее воздействие — очень слабое дрожание почвы, которое предшествует землетрясению. Он также полагает, что кошки способны чувствовать магнитные явления, к которым люди невосприимчивы. Изменения в окружающем магнитном поле, возможно, становятся одним из сигналов предстоящего землетрясения.

И все же — пусть кошки чувствительны к положительным ионам, тонко воспринимают мелкое дрожание почвы и обладают способностью регистрировать изменения магнитного поля Земли, но каким образом они предчувствуют несчастные случаи и катастрофы других типов?

Правдоподобными кажутся два объяснения. Первое: многие события могут быть связаны со звуками, которые не воспринимает человеческое ухо. Взрыву кинескопа, например, вполне возможно, предшествовало излучение сверхвысокочастотных сигналов. Вероятно, они привели в раздражение или напугали спящего кота.

В других случаях, возможно, кошки воспринимают сигналы, частота которых слишком низка для человека.

Животные обладают более тонким слухом. Мыши, например, могут воспринимать писк своих сородичей на частоте 100000 Гц, и у кошек верхний и нижний пороги не менее впечатляющие. У кошек эта способность сочета-

ется с умением не только слышать очень тихие звуки, но и выделять их из фона других шумов. Рики, корабельный кот, спасший девушку от верной смерти, вероятно, выделил ее слабые крики из грохота корабельного двигателя и шума волн.

Однако крайне тонкие слуховые характеристики — всего лишь одна сторона медали. Кошки обладают как минимум еще одним дополнительным и уникальным органом чувств.

Называемый органом Якобсона, он состоит из хрящевой трубочки примерно в сантиметр длиной, расположенной в основании пасти и непосредственно связанной с окружающим воздухом небольшим отверстием за передними зубами. Рудиментарные следы органа Якобсона, названного так по имени датского анатома XIX века, присутствуют и у людей, но он уже не представляет какой-либо функциональной ценности.

У кошек этот орган — часть системы восприятия запахов, имеющей нервы, которые передают импульсы непосредственно обонятельным зонам головного мозга.

Понаблюдайте за вашей кошкой, взгляните, как она пользуется этим органом. Перед тем как втянуть в него воздух, кошка внезапно останавливается как вкопанная, полуоткрыв пасть и втянув губы, позволяя таким образом попасть в отверстие как можно большему количеству воздуха. Выражение мордочки кошки в этот момент можно сравнить

с ухмылкой или гримасой. Немецкие специалисты так и называют это поведение — «гримаска». Обычно «гримаска» наблюдается во время ленивой прогулки кошки по своей территории и может сопровождаться приподнятой передней лапой с повисшей подушечкой или иными признаками интереса и настороженного внимания.

До сих пор мы точно не знаем, какую информацию получает кошка при помощи органа Якобсона. Возможно, что это шестое чувство (по крайней мере, отчасти) и является ответственным за предсказания. Если готовая разразиться катастрофа вызывает незначительные изменения в химическом составе воздуха, «анализ» всего лишь нескольких молекул может оказаться достаточным, чтобы поднять тревогу.

Итак, перед нами животное, которое с далекого расстояния может определять приближение хозяина, замечать незначительные оттенки в тоне голоса и выражении лица, слышать звуки, которые недоступны восприятию человека, определять запахи, которые мы не чувствуем, и, вероятно, реагировать на изменения магнитного поля или молекулярного состава воздуха, то есть всего того, что проходит для нас незамеченным.

Но этого недостаточно, чтобы убедить многих владельцев кошек и многочисленных специалистов, что кошки не обладают сверхъестественным сверхчувственным восприятием. Судите сами.

ТОМ И СТИКИ

Том и Стики родились на ферме неподалеку от города Сукхемптон. Том был красивым черно-белым котом. Еще котенком он проявлял склонность к исследованиям и при этом не ведал страха. Стики, самая маленькая в помете, получила имя благодаря тоненьким, похожим на палочки лапкам («стик» по-английски «палочка»). Котенком она боялась всех и вся и даже когда выросла и стала смелее, все равно осталась очень застенчивым существом.

Они остались на ферме вдвоем и стали неразлучной парой.

Вскоре фермер умер, и его вдова Алиса переехала в город. Поскольку ее новый дом был маленьким, в него можно было взять только одну кошку, и Алиса выбрала Тома. Стики отправили к сестре Алисы, Джойс, которая жила в Плимуте. Так два друга были вынуждены расстаться.

Однажды утром (спустя примерно восемь месяцев после переезда) Алиса заметила, что Том необычно возбужден. Он бесцельно слонялся по комнате — уши прижаты к голове, хвост торчит прямо, и кончик его ходит из стороны в сторону. Внезапно он с дикой яростью бросился на дверь, когти впились в фанерную обшивку...

Удивленная Алиса так и не сумела его успокоить: она решила позвонить своей сестре и посоветоваться. Но когда ее соединили с Джойс, оказалось, что у той свои проблемы. Рыдая, она рас-

сказала, что пропала Стики — исчезла из дома утром. Сосед утверждал, что видел обезумевшую от страха кошку, за которой гнались какие-то юнцы. Несмотря на все поиски, следов Стики так и не удалось обнаружить.

«Я сейчас приеду и помогу тебе», — сказала Алиса, совершенно забыв о Томе. Она намеревалась оставить кота дома, но, как только открыла дверь, он прошмыгнул между ее ног и забрался в машину.

Когда они достигли Плимута, Том выскочил из машины и понесся по улице, не обращая внимания на истошные крики хозяйки. Однако на углу остановился и повернулся к ней. Его хвост яростно метался из стороны в сторону. Алиса позвала свою сестру, и женщины бросились за котом. Он провел их через лабиринт боковых улиц, не колеблясь, только иногда останавливаясь, чтобы женщины не упустили его из виду. Наконец они добрались до пустыря, который граничил с портом, и Том нырнул в подземное убежище времен войны. Внутри были горы мусора, скопившегося за долгие годы, но Том шел уверенно. Он принялся яростно царапать большой джутовый мешок, туго перевязанный веревкой, который вдруг слегка шевельнулся. Там оказалась Стики!

Никто до сих пор не в состоянии объяснить, каким образом Том узнал о судьбе сестры и как ему удалось найти ее с такой легкостью в совершенно чужом городе.

Роберт К. МЭЙССИ

НИКОЛАЙ И АЛЕКСАНДРА

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Перевод с английского Валентины ЗАХАРОВОЙ

ОТРЕЧЕНИЕ

Николай, оставивший 7 марта дом и направляющийся в Ставку, был подавлен и разбит. По дороге, находясь в поезде, он отправил две очень грустные телеграммы, наполненные чувством одиночества, охватившим его в связи с разлукой с семьей, в которой он провел два месяца в Царском Селе. В Могилеве, в доме, где он жил с царевичем, все живо напоминало ему хоснерадостного ребенка, и страшно не хватало его. «В доме теперь так тихо, — пишет он Александре Федоровне, — нет шума, возбужденных возгласов. Я представляю себе его здесь и все те вещи, которые окружали его, — фотографии, безделушки, весь образцовый порядок в его спальне».

Последние письма Николая как царя, написанные им уже в то время, когда он летел в пропасть, часто приводятся

как свидетельство его неисправимой глупости. Вот самый известный отрывок одного из его писем, неизменно цитируемый как доказательство определенных черт характера Николая: «В эти свободные минуты я опять займусь домино». Взятые сами по себе, изолированно, эти слова производят уничтожающее впечатление. Любопытно, у которого так мало в голове, что он разрешает себе сидеть и играть в домино в то время, как в его стране произошло восстание, представляет собой полное ничтожество и не заслуживает ничего — ни понимания, ни трона.

Однако все это не так, и нельзя рассматривать приведенные выше слова царя вне связи со всей ситуацией в целом. Это была первая ночь по возвращении Николая в армию, и он пишет письмо жене о близких только им обоим вещах. Этому отрывку, так часто цитируемому, предшествуют воспоминания о сыне. Николай

Окончание. Начало в №№ 4—7

говорит, что ему ужасно не хватает всего, что связано с ребенком, в том числе тех игр, которыми они развлекались каждый вечер. И вот вместо них он берет в руки домино, чтобы занять себя в свободные минуты. Еще более существенно, что письмо было написано тогда, когда царь считал, что в столице все спокойно, и еще и речи не было о начале революционных событий. Письмо датировано 8 марта. В этот день в городе произошли первые вспышки недовольства в очередях за хлебом. Первые сообщения об этом пришли в Ставку 9 марта утром. До 11 часов утра Николай не предполагал, что кто-нибудь в столице считает эти события серьезными.

Если мятеж на улицах Петрограда явился полной неожиданностью для тех, кто жил в городе, то тем более неудивительно, что эти события оказались непредсказуемыми и постижимыми для царя, находящегося в пятистах километрах от столицы. Николай понимал, что даже если бы ему каким-то невероятным образом удалось найти нужных людей для борьбы, он тем самым усугубил бы опасность для своей семьи, находящейся в Царском Селе и теперь уже прочно попавшей в руки Временного правительства. Кроме того, вероятно, решающее значение имело его собственное нежелание начинать кровавую грязную бойню на улицах столицы. Годы само-

державного правления, годы кровопролитной войны, личного напряжения и собственных страданий сделали для него внутренне невозможным вернуть свою страну в гражданскую войну. Начать братоубийственную войну, в которой русские будут убивать друг друга, в то время как ненавистные немцы будут спокойно смотреть на это, было для царя полным отрицанием того, во что он так глубоко верил. Поэтому когда генералы заявили, что высшим актом патриотизма с его стороны было бы отречение, царь не мог не последовать этому совету.

Собранным и решительным движением царь отвернулся от окна и заявил спокойным, твердым голосом: «Я решил отказаться от трона в пользу своего сына Алексея». Николай перекрестился, и все остальные сделали то же. «Я благодарю вас, господа, за безупречную и верную службу, — продолжал он. — Я надеюсь, вы будете так же служить моему сыну».

Текст отречения Николай подписал 15 марта в 3 часа дня. Отныне, как это и предусматривал закон о престолонаследии, трон переходил от отца к сыну, его императорскому величеству царю Алексею. Мальчик 12 лет от роду должен был стать самодержцем всея Руси.

Однако именно тогда, когда документ был подписан, возникли новые обстоятельства, вызвавшие замешательство и изменение политической обстановки.

Вечером, накануне отречения, монархисты из Временного комитета Думы решили, что Гучков и Шульгин должны присутствовать в качестве свидетелей при подписании документа об отречении и привезти этот документ в Петроград рано утром. Гучкову и Шульгину был подан поезд, и в течение дня делегаты были в пути в направлении Пскова. Они могли приехать не раньше вечера, поэтому было решено до их прибытия не пускать в ход подписанный Николаем документ.

Этот промежуток — почти шесть часов — позволил Николаю обдумать последствия уже подписанного им отречения. Что касается лично Николая, то отречение означало для него облегчение. Он предполагал, что ему вместе с семьей будет разрешено уехать в Ливадию и по крайней мере до окончания образования Алексей останется с семьей. Управление страной на это время должно было бы перейти к брату Николая — Михаилу, назначенному регентом. Изменить эти планы Николай на ближайшее будущее заставил разговор с доктором Федоровым, которого он впервые попросил откровенно оценить перспективы развития гемофилии у Алексея.

Федоров, полностью отдавая себе отчет относительно политических последствий, связанных с этим вопросом, отвечал крайне осторожно: «Наука учит нас, государь, что гемофилия — неизлечимый недуг. Тем не менее

многие люди, пораженные этой болезнью, достигают зрелого возраста. Вместе с тем судьба Алексея Николаевича всегда будет зависеть от случайных обстоятельств». Доктор объяснил, что молодой царь никогда не сможет ездить верхом и вынужден будет отказаться от какой-либо деятельности, которая требовала бы напряжения суставов. Доктор не ограничился изложением чисто медицинских соображений. Он подчеркнул, что Николай, потеряв трон, почти наверняка будет вместе с императрицей выслан из России. В этом случае новое правительство, на его взгляд, никогда не допустит, чтобы его монарх проходил обучение за границей вместе с низложенными родителями. Но даже в том случае, если всей семье будет разрешено остаться в России, воспитание Алексея будет передано другим людям.

Мнение Федорова поставило Николая перед разрывающей душу дилеммой. Как царь он знал, что его сын — истинный наследник русского трона. Но как отец он не мог заставить себя отдать свое любимое дитя в руки чужих людей, не знающих всех особенностей его болезни. В этот исторический день Николай был вынужден еще раз пройти через тяжелое испытание и вернуться к решению, которое он недавно принял. Драматизм положения заключался в том, что ему суждено было принять решение, которое повлияло не только на его судь-

бу, но и определило будущее России.

В 9 часов вечера Гучков и Милюков прибыли в Псков. Царь прервал Гучкова, излагавшего свои соображения о необходимости отречения, словами: «Нет надобности в этой длинной речи, — и спокойно, почти извиняющимся тоном добавил: — Я уже принял решение отказаться от престола. Еще сегодня до 3 часов дня я думал отречься в пользу моего сына Алексея. Но теперь я изменил решение в пользу своего брата Михаила. Я надеюсь, что вы поймете состояние и чувства отца». Когда Николай говорил эту последнюю фразу, его голос стал внезапно низким и глухим. Затем он взял новый проект документа об отречении и покинул комнату. Через некоторое время вернувшись, он молча передал документ со своей подписью эmissарам из Петрограда. Этот последний вариант, содержащий отречение как отца, так и сына от верховной власти в России, был проникнут высоким, замечательным, трогательным чувством патриотизма:

Ставка

Начальнику Штаба

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем

ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной Думою, признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату НАШЕМУ править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повинованием Царю в тяжелую

минуту всенародных испытаний и помочь ЕМУ, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай

г. Псков

2-го марта 15 час.

1917 г.

Николай испытывал большие трудности в установлении связи со своей семьей, находящейся в Царском Селе. Стремясь возвратиться к своим как можно скорее, Николай обратился за разрешением к Временному правительству, и снова с его стороны не было никаких возражений. Вместе с тем в Петрограде произошли резкие изменения в точке зрения на положение царской семьи. В столице распространились слухи о том, что Николай вернулся в Ставку, чтобы повести армию против революции и «открыть путь немцам».

В связи с этим 20 марта прежде всего с целью обеспечения своей собственной безопасности Временное правительство принимает решение «лишить свободы низложенного императора и его супругу». 21 марта в Царском Селе была арестована императрица. В тот же день должен был быть арестован Николай. В сопровождении четырех эмиссаров, посланных Временным правительством, его решили привезти в Царское Село к семье.

Отречение и заключение в Царском Селе в физическом отношении были благодеянием для смертельно измученного царя. Впервые за 23 года ему не нужно было читать докладов, принимать министров и окончательные решения по вопросам государственной важности. Николай получил возможность распоряжаться временем по своему усмотрению: читать, курить, заниматься с детьми, играть в снежки, гулять по парку. Он принялся читать Библию с самого ее начала. Вечерами, сидя с женой и дочерьми, он читал вслух что-нибудь из русской классики. Вместе с тем деликатно он делал все возможное, чтобы как-то облегчить Александре Федоровне переход от статуса императрицы к положению заключенной. На Пасху, после праздничной ночной службы в церкви, Николай спокойно и невозмутимо пригласил двух офицеров стражи, находящихся в карауле, присоединиться к его семье и прийти в библиотеку на традиционный пасхальный ужин. Во время ужина он похристосовался с ними не как заключенный с тюремщиками, но как русский человек с русскими и христианин с христианами.

В течение долгого заключения, которое предстояло выдержать, одним из любимейших способов развлечения Алексея были киноаппарат и фильмы, подаренные до революции кинематографической компанией «Патэ». Используя

имеющееся в его распоряжении оборудование, он организовал показ фильмов, приглашая всех желающих прийти в его комнату, с удовольствием играя роль степенного хозяина. Граф Бенкендорф, частый гость на этих вечерах, пришел к следующему заключению: «Он очень умен и интеллигентен, у него ярко выраженный характер и прекрасное сердце. Если удастся справиться с его болезнью и если Бог дарует ему жизнь, он сыграет в будущем важную роль в возрождении нашей несчастной страны. Его характер формировался под влиянием страданий родителей и его собственных, пережитых в детстве. Может быть, Богу будет угодно помиловать и спасти его и всю семью от фанатиков, в лапах которых они находятся сейчас».

Как только дети поправились и стали чувствовать себя достаточно хорошо, родители решили возобновить уроки, распределив преподавание предметов среди окружающих семью людей. Сам Николай стал преподавать историю и географию, баронесса Буксгевден — английский и игру на фортепьяно, мадемуазель Шнейдер — арифметику, графиня Гендрикова — историю искусств, императрица — Закон Божий. Жильяр наряду с преподаванием французского языка стал фактическим руководителем всего воспитательного процесса. Встретив Жильяра после своего первого урока, Николай приветствовал

его словами: «Доброе утро, дорогой коллега!»

Временное правительство возложило ответственность за безопасность императорской семьи целиком на плечи Керенского. Впоследствии Керенский признавал, что при близком общении с царем в эти недели он был поражен «скромностью и полным отсутствием какой-либо позы. Эта естественность в поведении, ненаигранная простота создавали особую притягательную силу и обаяние императора, которые еще резче усиливались изумительными глазами, глубокими и трагичными...»

Несмотря на унижительные столкновения с охранниками, семья продолжала ежедневно прогуливаться на свежем воздухе, наслаждаясь природой. В середине мая они начали вскапывать небольшой участок земли в парке под грядки для овощей. Сообща они сняли травяной дерн, вскопали землю, посеяли семена и регулярно носили воду в кадках из кухни. Им помогали слуги и отдельные солдаты, решившие, что лучше поработать рядом с царем, чем насмехаться над ним. В июне, посеяв огород, Николай начал «выпалывать» сухие деревья в парке, складывая их как дрова для камина. Вскоре аккуратно сложенные кучки дров стали появляться по всему парку.

Вечером уставшие от своих занятий члены семьи собирались вместе перед тем как пойти спать. Однажды душным июль-

ским вечером, когда царь читал вслух императрице и дочерям, в комнату ворвались офицер и солдаты, возбужденно кричавшие, что стража в парке заметила передаваемые кем-то из открытого окна сигналы то красного, то зеленого цвета. Они обыскали комнату, однако ничего не нашли. Несмотря на жару, офицер приказал закрыть окно тяжелыми драпировками, и в этот момент тайна была раскрыта. Дело в том, что Анастасия с рукоделием сидела на подоконнике, слушая чтение отца. Когда она наклонялась, чтобы взять какой-либо предмет со стола, то невольно по очереди загоразивала одну из двух ламп, на одной из которых был красный, а на другой — зеленый абажур. Пленники, заключенные в стенах дворца, провожали день за днем в полном неведении относительно того, есть ли у них друзья и где они, не зная, что принесет им следующее утро: освобождение или темницу.

«РЕВОЛЮЦИЯ НЕ ДОЛЖНА ПРИБЕГАТЬ К МЕСТИ»

С первых дней революции постоянной заботой Временного правительства был поиск места, где царь мог бы быть в безопасности. «Бывший император и его семья не являются более политическими врагами, они — просто человеческие существа, находящиеся под нашей защитой. Мы считаем, что любое проявление мстительности недостойно свободной Рос-

сии», — сказал Керенский. Выражением этих настроений было немедленное принятие Временным правительством закона об отмене смертной казни в России.

20 марта Керенский приехал в Москву, пришел в Московский Совет рабочих депутатов и выслушал злобную какофонию криков с требованием казнить царя. В ответ он смело, почти дерзко сказал: «Я не стану Маратом русской революции. Я сам отвезу царя в Мурманск. Революция в России не должна прибегать к мести».

Через Мурманск был открыт путь в Англию. Именно в эту страну министры Временного правительства надеялись отправить царскую семью.

Вопрос о дальнейшей судьбе бывшего монарха стал камнем преткновения между Советами и Временным правительством. У Советов не хватало решимости да и сил, чтобы проникнуть в Александровский дворец и притащить всю семью в Петропавловскую крепость. С другой стороны, правительство не обладало властью в стране, и особенно на железных дорогах, для того чтобы перевезти Николая в Мурманск. Керенский поделился с царем соображениями о том, что семья была бы в большей безопасности в каком-нибудь глухом месте России, подальше от бурлящих революционных страстей столицы. Николай спросил: смогут ли они уехать в Ливадию? Керенский ответил

положительно на этот вопрос, добавив, однако, что он одновременно изучит и другие возможности.

Однако, когда Керенский взвесил все преимущества и затруднения, связанные с переездом в Крым, стало совершенно очевидным, что осуществить эту поездку невозможно.

Случайно, путем исключения одного города за другим, Керенский остановился на Тобольске — богатом купеческом городе Западной Сибири. «Я выбрал Тобольск, — писал впоследствии Керенский, — потому что это была очень далекая, довольно изолированная провинция... Кроме того... эта часть Сибири отличалась превосходным климатом, а в городе находился подходящий дом, построенный как резиденция губернатора, в котором императорская семья могла расположиться с определенным комфортом».

Подготовка к отъезду шла быстро. Царь и императрица назвали людей, которых они выбрали для того, чтобы те сопровождали семью. Это были графиня Гендрикова и князь Долгорукий — в качестве придворных, доктор Воткин, Пьер Жильяр и мадемуазель Шнейдер — воспитатели.

В полночь 17 августа поезд медленно подошел к Тюмени — городу, расположенному на р. Туре. На пристани, прямо напротив железнодорожной станции, пассажиров ожидал пароход «Рус». Тобольск находился

в двухстах милях севернее Тюмени, в двух днях пути по рекам Туре и Тоболу. Когда пароход проплывал мимо Покровского, вся семья собралась на палубе, с интересом разглядывая зажиточную деревню. В окнах домов стояли горшки с цветами, на скотных дворах бродили коровы и свиньи. Дом Распутина нельзя было не заметить и не узнать. Это было двухэтажное строение, возвышающееся над простыми деревенскими избами. Пассажиры «Рус» были очарованы этой далекой, но получившей столь широкую известность деревушкой. Много лет назад Распутин предсказал императрице, что наступит время и она попадет в его деревню. Он не говорил о том, как произойдет этот приезд. И теперь семья, неожиданно оказавшись так близко от Покровского, видела в этом совпадении исполнение пророчества.

Тобольск, в котором семье предстояло прожить восемь месяцев, лежит при впадении р. Тобол в могучий Иртыш.

Предположения Керенского оправдались: жители Тобольска по-прежнему были преданы лично царю и самой идее самодержавия. Проходя мимо дома губернатора, они снимали шапки и крестились. Если императрица появлялась в окне, прохожие кланялись ей. Солдаты должны были постоянно разгонять кучки людей, которые собирались в грязи на улице, чтобы посмотреть, когда великие

княжны выйдут на балкон. Купцы открыто присылали разные припасы. Монахи соседнего монастыря приносили сахар и выпечку, крестьяне регулярно привозили масло и яйца.

Поскольку в Тобольске отряд охраны оказался отрезанным от разлагающей атмосферы Петрограда, начальнику охраны Кобылянскому удалось частично восстановить дисциплину среди своих подчиненных. В то же время солдаты, находясь бок о бок с теми, кого они считали раньше недостижимыми августейшими особами, были приятно удивлены тем, что эти люди живут как простая дружная семья. Несмотря на то что 2-й полк оставался враждебным, настроения в первом и четвертом полках изменились, потеплели, особенно хорошо относились к детям. Девочки часто беседовали с солдатами этих полков, расспрашивая их о жизни в деревне, об их семьях. Мария быстро узнала имена всех солдатских жен и детей. Для многих солдат Алексей так и остался «наследником», и они относились к нему с особым уважением и любовью. Когда на дежурство заступал любимый царем и наследником взвод 4-го полка, отец и сын спокойно пробирались в караульное помещение и играли с охраной в домино.

До конца сентября Кобылянский оставался единственным представителем власти для царской семьи. Затем прибыли два

гражданских комиссара, разделивших с Кобылянским ответственность за заключенных, хотя командование военной охраной по-прежнему оставалось за Кобылянским.

Вначале большевистская революция ничего не изменила в далеком Тобольске. Изолированная в губернаторском доме императорская семья продолжала свою размеренную жизнь, которая, несмотря на различные ограничения, была довольно приятной. В письме к Анне Вырубовой императрица писала: «Уроки начинаются в 9 часов. Я встаю в полдень и занимаюсь Законом Божиим с Татьяной, Марией, Анастасией и Алексеем. Три раза у меня урок немецкого языка с Татьяной и один раз — с Марией... Я вынуждена надевать очки, когда шью, вышиваю, рисую, так как глаза стали хуже видеть. Читаю в основном «хорошие книги». Люблю читать Библию, иногда читаю рассказы. Очень грустно, что они разрешают гулять только совсем около дома за высоким забором. Но дети бывают на свежем воздухе, а мы в конце концов благодарны за все. Он (Николай) просто замечателен. Несмотря на постоянные страдания, которые он испытывает за Россию, он остается таким кротким... И девочки держатся хорошо и мужественно. Не жалуются. Алексей — ангел. Мы обедаем с ним вдвоем и завтракаем чаще всего тоже вдвоем... Случилось так, что посте-

пенно стали исчезать все земные блага, дома и имущество были уничтожены, друзья исчезли. Мы влачили жизнь день за днем. Но Бог присутствует везде, и природа никогда не меняется. Вокруг меня существуют храмы... холмы, чудные леса. Вилков (слуга) перевозит меня в кресле через улицу в церковь... по пути одни — кланяются и благословляют

нас, другие — не смеют... Я чувствую себя такой старой, очень старой. Но я остаюсь Матушкой этой страны. Я страдаю ее болью, как страдала бы болью своего ребенка, и люблю ее, несмотря на все ее грехи и ужасы. Несмотря на то что черная неблагодарность России к ее императору разрывает мое сердце, никто не может различить меня с этой страной, как

нельзя оторвать дитя от сердца матери. Но ведь не все неблагоприятны. Бог милостив, и он спасет Россию».

Несколько дней спустя она опять пишет Анне: «Солнце сияет ослепительно, и все сверкает от инея и мороза. Ночи сейчас залиты лунным светом, и можно себе представить, как чудесно на холмах. Но мои бедные затворники могут ходить

Николай II с сыном.
Тобольск, 1917 г.

С
Анастасией
и
Александром

Возвращая к месту
фотографий.

Николай

лишь взад-вперед по узкому двору... Я вяжу чулки для Алексея. Он попросил, чтобы я связала ему пару чулок, так как старые — в дырах... Я теперь стараюсь все делать сама. У отца рваные, изношенные брюки. Нижнее белье девочек превратилось в тряпки... Я стала почти вся седая».

В течение всей зимы здоровье и состояние духа царевича было прекрасным. Каждое утро, несмотря на сильные морозы, он надевал валенки, шубу, теплую шапку и вместе с отцом выходил на улицу. Обычно с ними гуляли сестры

в серых пальто и в красно-синих вязанных из ангоры шапках. Пока царь своим твердым военным шагом ходил взад-вперед от одного конца двора до другого с девочками, старавшимися не отставать от него, Алексей бродил около сарая рядом с домом и собирал старые гвозди, обрывки проволоки и т. д. «Нельзя знать заранее, когда это может понадобиться», — объяснял мальчик. После завтрака Алексей отдыхал на кушетке, а Жильяр читал ему. Через некоторое время он снова выходил из дому и опять гулял вместе с отцом и сестрами во дворе. Возвратившись в дом, он занимался историей с отцом. В четыре был чай, а затем, как писала Анастасия в письме к Анне: «Мы часто сидели на окне и смотрели на прохожих. Это было развлечением для нас».

Жизнь полных сил и здоровья молодых девушек (Ольге было 22 года, Татьяне — 20, Марии — 18 и Анастасии — 16) в отрезанном от всего мира губернаторском доме была скучна и тосклива. Чтобы как-то скрасить это существование, Жильяр и Гиббс решили поставить отдельные сцены из классических пьес. Вскоре все обитатели дома заинтересовались этими постановками и стремились принять в них участие. Николай и Александра Федоровна составляли программы представлений, а царь даже играл Смирнова — главную роль в пьесе Чехова «Мед-

ведь». Алексей с восторгом присоединился к этой деятельности, соглашаясь выполнять любые обязанности, наклеивал себе бороду, говорил хриплым басом. Лишь доктор Боткин категорически отказался участвовать в сценах, утверждая, что зритель, которым он хотел остаться, так же важен, как актер. Однако Алексей расценил точку зрения доктора как отрицание самой идеи и решил во что бы то ни стало переубедить его. Однажды вечером после обеда он подошел к доктору и с серьезным видом сказал ему: «Я хочу поговорить с вами, Евгений Сергеевич». Взяв Боткина под руку и прохаживаясь с ним по комнате, он объяснял ему, что есть роль старого провинциального доктора, сыграть которую реалистично может только сам Боткин. Доктор растрогался и согласился.

После обеда семья собиралась вокруг камина. Пытаясь согреться, они пили чай, кофе, горячий шоколад. Николай читал вслух, остальные играли в тихие игры, великие княжны занимались рукоделием.

С наступлением Рождества отношения между изгнанниками стали особенно теплыми. «Дети радовались наступающим рождественским праздникам. Мы все теперь чувствовали себя членами одной большой семьи», — вспоминает Жильяр. Императрица и девочки готовили для членов свиты и слуг подарки, над которыми труди-

лись многие недели: вязанные жакеты, раскрашенные ленты, закладки для книг. Утром в день Рождества Христова семья пересекла городской сад и направилась в церковь на раннее богослужение. В конце службы священник провозгласил «многие лета» царю и царской семье. Эту молитву после отречения царя обычно опускали в православной службе. Солдаты, узнав об этом, пришли в ярость и в дальнейшем запретили семье посещать церковь. Такой запрет был ужасным ударом и лишением для всех, особенно для Александры Федоровны. В довершение всего солдаты установили пост внутри дома с тем, чтобы не допустить повторения «многие лета» во время домашнего богослужения.

В это время правительство большевиков издало приказ о демобилизации всех солдат, служивших в императорской армии. «Все прежние солдаты (а именно они относились к нам дружелюбно) должны покинуть нас, — записал 13 февраля в своем дневнике Жильяр. — Царь подавлен этим обстоятельством. Такие изменения могут иметь для нас гибельные последствия». Спустя два дня он добавляет: «Первая группа солдат уже уехала. Они потихоньку приходили к царю и семье попрощаться».

Попытка царя и членов семьи попрощаться с солдатами 4-го полка обошлась дорого. В январе, когда начались силь-

ные снегопады, Николай вместе с семьей устраивал снежную горку. Они трудились в течение десяти дней, сгребая снег и принося ведрами воду из кухни, выливая ее на снег, чтобы получилась небольшая ледяная горка для катания на санях. Помогали все: Долгорукий, Жильяр, слуги и даже солдаты охраны. Часто им приходилось бегом добираться от кухни до горки, чтобы вода не успела замерзнуть по дороге в ведре. Когда горка была готова, дети пришли в восторг. Младшие — Алексей, Анастасия и Мария — придумали буйные игры: спуск кубарем с горы, кувырканье и борьба в снегу. Все это сопровождалось взрывами хохота. Наступил март. Николай и Александра Федоровна решили подняться на горку, чтобы с высоты через забор посмотреть на отъезд солдат из 4-го полка. Солдатский комитет немедленно заявил, что царя и императрицу, поднявшихся на горку, могут убить с улицы, за что отвечать будет охрана. Комитет приказал разрушить горку. На следующий день Жильяр записывал в своем дневнике: «Солдаты, пряча глаза как побитые собаки, начали с помощью пик разрушать снежную горку. Дети были безутешны в своем горе».

Новая охрана, присланная из соединений, находившихся в Царском Селе, состояла из молодых людей, глубоко охваченных революционными настроениями. Наносить мелкие

оскорбления узникам было для них высшим удовольствием. Они нацарапали похабные слова на деревянных качелях, устроенных для великих княжен. Первым их заметил Алексей, но прежде чем он вернулся, чтобы разобрать и понять их, пришел Николай и снял сиденья. Однако солдаты продолжали развлекаться, рисуя непристойные изображения, сопровождая их соответствующими надписями, особенно в тех местах, где девочки не могли не увидеть их.

Временами заключенным казалось, что они живут на какой-то изолированной планете — недостижимо далекой, забытой, оставленной без всякой помощи и поддержки. «Сегодня — последнее воскресенье масленицы, — писал Жильяр 17 марта. — Все веселятся, мимо наших окон мелькают сани, звенят колокольчики, губные гармошки, пение. Дети с грустью глядят на это веселье...»

ЕКАТЕРИНБУРГ

3 марта 1918 года в Брест-Литовске, в Ставке германского Восточного фронта, делегация большевиков подписала договор с немцами.

Раз кончилась война, немцы и русские получили больше времени, чтобы подумать о царе и его семье. Так как солдаты в Тобольске, так же как и их командир Кобылянский, остались от режима Керенского, лидеры большевиков реши-

ли поместить царскую семью под более надежную охрану.

Город Екатеринбург расположен на пологих холмах восточного склона Уральских гор. На одном из самых высоких холмов, рядом с центром города, преуспевающий купец Н. Н. Ипатьев построил себе красивый двухэтажный дом. В конце апреля, когда Николая и Александру увезли из Тобольска, Ипатьеву неожиданно приказали в 24 часа освободить дом. После того как он уехал, пришла бригада рабочих и спешно возвела большой дощатый забор, отгородивший дом и сад от улицы.

Когда все было готово, дому было присвоено зловещее официальное название — «Дом особого назначения».

В Екатеринбурге Николай и его семья стали по-настоящему заключенными. Охрана была разделена на две отдельные группы. За забором и с некоторыми интервалами на улице стояла охрана из обычных красногвардейцев. Внутри дома охрана состояла из ударных частей большевиков, набранных из бывших рабочих Злоказовского и Сысертского заводов. Все были стойкими революционерами, закаленными годами лишений и страданий. Днем и ночью трое из этих людей, вооруженных револьверами, стояли на часах в коридоре у пяти комнат, занятых царской семьей.

Начальником внутренней охраны был высокий тонколицый

человек. обычным обращением которого к царю было «Николай Кровавый»¹. Александр Авдеев, комиссар на Злоказовских заводах, осенью 1917 года лично арестовал хозяина и стал председателем заводского комитета. Авдеев ненавидел царя и вдалбливал в головы своим подчиненным, что Николай втянул Россию в войну, чтобы напиться крови миллионов рабочих. Авдеев сильно пил и подстрекал своих людей составлять ему компанию. Вместе они разворовывали вещи из багажа царской семьи, который хранился в нижних комнатах. Следуя примеру Авдеева, охрана ходила без ремней и в незастегнутых гимнастерках. Они были умышленно грубы. Если кто-нибудь из царской семьи просил, например, открыть окно в душный день, охрана или игнорировала просьбу, или передавала ее Авдееву, ответ которого был обычно одним: «Пошлите их к черту». Потом, довольные собой, они спускались вниз и хвастались другим, что только что отказали в том или в этом «Николашке» или «немке». Семья не могла уединиться. Охрана входила в комнаты когда хотела,

¹ Этот исторический штамп требует пояснений. Николай II царствовал 23 года, и за эти годы на Ходынке, на Ленских приисках, в Иваново-Вознесенске, словом, в общей сложности убиты 15 тысяч человек. Николай II не подписал ни одного смертного приговора. Для сравнения: в СССР за все годы существования умерли от голода и были уничтожены в годы массовых репрессий 66 миллионов 700 тысяч человек, не считая погибших в Великую Отечественную войну. Эти цифры неоднократно приводились историками. — Прим. ред.

ругаясь, отпуская грязные шуточки или горланя песни. Когда девушки шли в туалет, солдаты следовали за ними с громким гоготом, якобы охраняя их. Они разрисовали стены в туалете непристойными картинками, изображавшими царя и Распутина. Прежде чем пропустить в туалет какую-либо из великих княжен, они напоминали ей об этих картинках.

Исключая ежедневные прогулки в саду в полдень, жизнь семьи была ограничена четырьмя стенами их комнат. Николай и Александра читали, девушки вязали и вышивали, Алексей играл в постели с моделью корабля. Императрица с дочерьми часто пели молитвы, чтобы заглушить голоса солдат, певших революционные песни вокруг рояля на первом этаже. Проходили дни рождений, их почти не отмечали. 19 мая Николаю исполнилось 50 лет, 25 мая Александр — 46.

Каждое утро семья вставала в 8 часов и собиралась на утренние молитвы. На завтрак давали черный хлеб и чай. Главный обед прибывал к двум часам: он состоял из супа и котлет, присланных с кухни местного Совета, которые затем разогревал повар Харитонов. Они обедали за голым столом, без скатерти и столового серебра, и, пока они ели, Авдеев и его люди часто приходили понаблюдать. Иногда Авдеев протягивал руку мимо царя, задевая при этом локтем лицо Николая, чтобы достать себе кусок из кастрюли.

«Вам достаточно, вам вредно жирное,— говорил он.— Вам хватит, я возьму немного себе».

4 июля неопределенность сменилась страхом. В этот день Авдеев, пьянство и воровство которого были хорошо известны, был внезапно смещен с поста начальника охраны вместе со своими заводскими товарищами. Их место заняла группа уверенных в себе, деловитых «латышей» из местной ЧК, разместившейся в гостинице «Америка». На самом деле члены новой охраны вовсе не были латышами: так несведущие в языках русские звали любых иностранцев, которые говорили на непривычных иностранных языках. По крайней мере, пятеро из них были мадьярами¹, попавшими в плен из австро-венгерской армии во время войны, и были наняты в ЧК для исполнения такой работы, на которой, как они по-дозревали, сами русские могли бы сплеховать. Их начальник, Яков Михайлович Юровский², работал часовщиком в Томске, а затем фотографом в Екате-

ринбурге. Когда большевики захватили власть, он стал активным членом ЧК. Хотя поведение Юровского в целом было корректным, но от его вежливости веяло таким холодом, что Николай сразу понял, что перед ним зловецкий человек. «Этот тип нам нравился все менее»,— записал он в своем дневнике. Его мрачное предчувствие полностью подтвердилось. С момента появления Юровского судьба царской семьи была решена. Отряд ЧК не был охраной — это были палачи.

Уральский Совет никогда не имел сомнений в отношении того, что следует делать с Николаем. Вскоре после его прибытия в Екатеринбург Совет единодушно решил вопрос о его казни. Уральский Совет решил расстрелять всю семью как можно скорее и уничтожить все следы содеянного.

Юровскому приказ был отдан 13 июля, и сразу же начались приготовления к казни. В следующие три дня Юровский и Голощекин³ совершили поездку в окрестные леса, выбирая место для сокрытия останков. В 14 милях от Екатеринбурга, недалеко от деревни Коптяки,

¹ Среди пятерых мадьяр, принимавших участие в расстреле царской семьи, как утверждают некоторые историки, был и Имре Надь — будущий премьер-министр Венгерской Народной Республики, повешенный в 1956 г.

² Юровский Янкель Хаимович, помещик из г. Каинска Томской губернии, из семьи сосланного за кражу в Сибирь. Дед был раввин. Образование — полтора года школы. После убийства царя Юровский работал в ЧК, на различных руководящих постах и, наконец, стал директором Политехнического музея в Москве. Умер в 1938 г. от рака. Похоронен на Донском кладбище.— Прим. ред.

³ Голощекин Шая Исаакович, помещик из Невеля Витебской губернии. После убийства работал на многих руководящих постах; когда он в 1924 г. был первым секретарем Компартии Казахстана, в результате его деятельности погибли сотни тысяч людей. Расстрелян в 1941 г. Наряду с Голощекиным партийным куратором убийства был Г. Сафаров (Вольдин) — впоследствии руководитель Коминтерна, вожак комсомола, в 1927 г. арестован как член троцкистской оппозиции. Уничтожен в 1941 г.— Прим. ред.

Государыня и великие княжны
Ольга и Татьяна.
Тобольск, 1917 г.

они обнаружили подходящее место — заброшенную шахту, окруженную четырьмя высокими соснами, — известное крестьянам под названием урочища «Четырех братьев». В то же время Войков¹, другой член Уральского Совета, купил несколько бочек с керосином, всего около 600 литров, и 40 килограммов серной кислоты.

Решение тщательно скрывалось от семьи. 16 июля в 22 часа 30 минут они как обычно пошли спать. В полночь Юровский разбудил их, велел им быстро одеться и спуститься вниз. Он объяснил, что чехи и белые приближаются к Екатеринбург и местный Совет решил, что они должны уехать. Все еще ничего не подозревая, члены семьи оделись, а Николай и Алексей надели на головы военные фуражки. Николай спустился по лестнице первым, неся на руках Алексея. Сонный мальчик крепко обнимал руками шею отца. За ними следовали другие, Анастасия держала на руках спаниеля Джемми. По цокольному этажу Юровский привел их в полуподвальную комнату около 20 квадратных метров с тяжелой железной решеткой на окне. Здесь он попросил их подождать, пока не приедут автомобили.

Николай попросил стулья

¹ Войков Пинхус Лазаревич, мещанин г. Керчи. При подготовке убийства отвечал за «хозяйственные вопросы». После убийства снял с одного трупа перстень с крупным рубином и носил сам. Застрелен в Варшаве в 1927 г. эмигрантом Ковердой. — Прим. ред.

для сына и жены. Юровский приказал принести три стула, Александра взяла один, Николай взял другой и, поддерживая Алексея, положил его спиной на третий стул. За матерью стали четыре дочери, доктор Боткин, лакей Трушп, повар Харитонов и комнатная девушка императрицы Демидова. Последняя принесла две подушки, одну из которых она положила под спину императрицы, а другую держала в руках. Внутри нее, спрятанная глубоко в перьях, находилась коробочка с царскими драгоценностями.

Когда все собрались, Юровский снова вошел в комнату, сопровождаемый всем отрядом ЧК с револьверами в руках. Он вышел вперед и быстро сказал: «Ввиду того что ваши родственники продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил расстрелять вас».

Николай, продолжая поддерживать рукой Алексея, стал подниматься со стула, чтобы защитить жену и сына. Он только успел сказать: «Что?», и тут Юровский направил револьвер в голову царя и выстрелил. Николай был убит наповал. По этому сигналу палачи начали стрельбу. Александра успела лишь поднять руку в крестном знамении, как была убита одним выстрелом. Ольга, Татьяна и Мария, стоявшие позади матери, также получили точные выстрелы и умерли быстро. Боткин, Харитонов и Трушп пали под градом пуль.

Моя мама и папа
 Друзья мои
 Когда вы
 Видели отца и мать
 Это было в Москве
 Там же и были
 Поцелуйтесь с мамой
 Сидите на кровати
 И помните о нас
 Мы все ждем вас
 В Москве

и другие вещи
 Дома в Москве
 Мы все ждем вас
 В Москве

Комнатная девушка Демидова перенесла первый залп, и чтобы не перезаряжать револьверы, палачи принесли из соседней комнаты винтовки и стали преследовать ее, чтобы добить штыками. Крича и мечась от стены к стене, она пыталась отбиваться подушкой. Наконец она упала, пронзенная штыками более тридцати раз. Спаниелю Джемми разmozжили голову прикладом.

В комнате, полной дыма и запаха пороха, внезапно воцарилась тишина. Кровь ручьем текла по полу. Затем возникло движение и раздался тяжелый вздох. Алексей, лежа на полу все еще в объятиях отца, слабо шевельнул рукой, сжимая китель отца. Один из палачей

злбно пнул цесаревича тяжелым сапогом в голову. Подошел Юровский и дважды выстрелил в ухо мальчику. Как раз в этот момент Анастасия, которая была только без сознания, очнулась и закричала. Со штыками и прикладами вся банда набросилась на нее. Через мгновение она также затихла.

ЭПИЛОГ

Когда все было кончено, тела завернули в простыни, вынесли из подвала и погрузили в грузовик. Еще не взошла заря, когда автомобиль с печальным грузом остановился у четырех сосен, называемых «четырьмя братьями». Началось расчленение и уничтоже-

ние трупов. Каждое тело было тщательно расчленено с помощью пилы и топоров, а затем сброшено в пылающий костер, пламя которого от частого подливания керосина бушевало с особой яростью. Удары топора разрывали одежды, и из них вываливались наружу зашитые там драгоценности. От ударов осколки этих украшений отлетали в высокую траву и в грязь, окружавшую место расправы с мертвыми. Как и предполагали убийцы, большое количество крупных костей не было уничтожено огнем. Их попытались растворить в серной кислоте. Это была нелегкая, требовавшая времени и терпения работа. Мясники Юровского занимались этой резней и бойней три дня. Наконец пепел и останки были сброшены в воду на дно заброшенной шахты. Убийцы были настолько удовлетворены тем, что им удалось так удачно уничтожить следы преступления, что Войков, член Уральского Совета, приобретавший керосин и кислоту, с гордостью заявил: «Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали». Спустя несколько лет Войков станет советским послом в Польше.

Через восемь дней после этой зверской расправы Екатеринбург был взят белыми. Группа офицеров бросилась в дом Ипатьева. Во дворе они нашли голодного Джоя — спаниеля царевича, бродившего по двору в поисках своего хозяи-

на. Дом был пуст и имел зловещий вид. Подвальное помещение было тщательно вымыто и выскоблено, однако на стенах и на полу виднелись выбоины и царапины от пуль и штыков. Со стены, у которой стояла семья, отвалились и упали крупные куски штукатурки. Все свидетельствовало о том, что здесь было совершено убийство, однако трудно было сказать, сколько при этом оказалось жертв. Немедленные поиски царской семьи ни к чему не привели. Серьезное расследование было начато лишь в январе следующего, 1919 г.

В ходе следствия были собраны, идентифицированы и систематизированы сотни вещественных доказательств. Среди вещественных доказательств были следующие: пряжка от ремня царя и такая же пряжка — царевича; изумрудный крест, подаренный Александре Федоровне вдовствующей императрицей Марией Федоровной; жемчужная серьга из той пары, которую чаще всего носила Александра Федоровна; крест, являющийся юбилейным значком, украшенный сапфирами и бриллиантами, подаренный ее величеству ее личной гвардией уланов; часть кольца, которое стало настолько мало Николаю, что он не смог его снять. Кроме того, следователи нашли металлическую карманную коробочку, в которой Николай всегда носил портрет жены, три маленькие иконы, принадлежав-

шие великим княжнам (лица святых на этих иконах были изуродованы от ударов); футляр для очков, принадлежавший императрице; обрывки военных фуражек Николая и Алексея; пряжки от тупель великих княжен; очки и вставные протезы доктора Боткина. Кроме того, было найдено несколько обуглившихся костей, частично разрушенных кислотой, на которых виднелись следы топоров и пилы, револьверных пуль. Пули под воздействием высокой температуры расплавились и превратились в маленькие шарики. Был найден палец женщины средних лет. Он был тонким, с маникюром, и походил на палец императрицы. Кроме того, следователи нашли множество гвоздей, железок, медных монет, маленьких замочков, о которых не знали что и думать, пока не показали их Жильяру. Он тут же установил, что это были те странные предметы, которые, как многие мальчишки, царевич носил в карманах. Наконец, на дне шахты нашли изуродованное, но не сторевшее маленькое тельце спаниеля Джемми. Казалось странным, что убийцы, приложившие столько усилий для уничтожения следов тел людей, не придали значения легко узнаваемым останкам их любимца.

Покидая в спешке Екатеринбург, большевики оставили ленты телеграмм, посланных в Кремль после убийства. «Скажите Свердлову, — говорилось в одной из них, — что вся семья последовала за своей главой.

Официально семья погибла во время эвакуации». Другая телеграмма запрашивала Москву о том, как сообщить об убийстве. Большевистские лидеры решили, что достаточно сообщить об одном убийстве. 20 июля в официальном документе говорилось только о Николае.

Через год, будучи уже не в состоянии поддерживать свою версию, большевики признали, что вся семья была уничтожена. В то время они еще боялись взять на себя ответственность за убийство. Более того, они арестовали и судили 28 человек, принадлежавших к партии эсеров, которым было предъявлено обвинение в убийстве царя, совершенном якобы с тем, чтобы свалить все на большевиков и дискредитировать их. Пять обвиняемых эсеров были казнены.

Через 6 дней после убийства царя в Перми был расстрелян его младший брат великий князь Михаил. 17 июля были зверски убиты несколько членов императорской семьи, в том числе сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, трое сыновей великого князя Константина и сын великого князя Павла.

В память о том, что Свердлов организовал убийство императорской семьи, город Екатеринбург был переименован в Свердловск. В течение многих лет «дом специального назначения» был музеем, и его посетители спускались вниз, чтобы осмо-

треть подвальное помещение, где была расстреляна царская семья.

Среди членов императорской семьи, ускользнувших от большевиков, была мать царя — императрица Мария Федоровна. В апреле 1919 г., когда Красная Армия подошла к Крыму, 72-летняя императрица покинула Россию на борту британского линкора «Малборо». Она отказалась признать достоверность «слухов» о преступлении в Екатеринбурге и уехала из страны нехотя, уступая просьбам своей сестры королевы Англии Александры и ее сына короля Георга V.

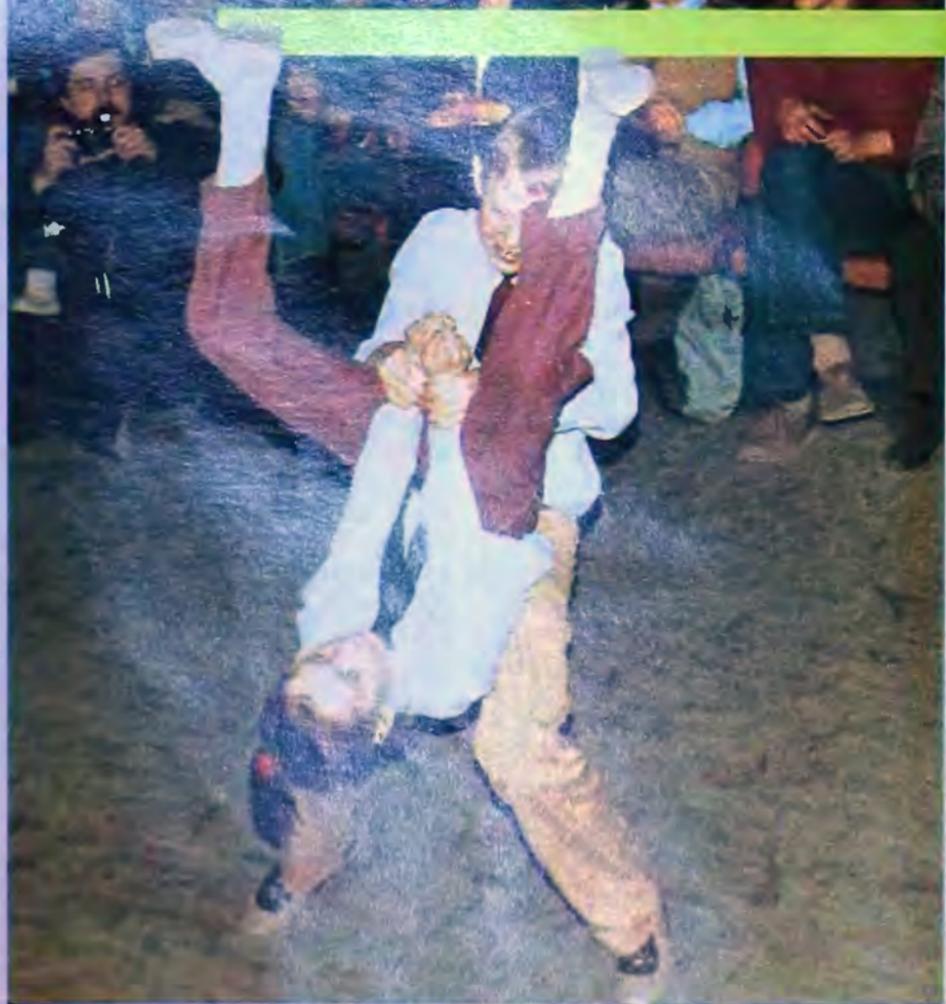
Дочери Марии Федоровны, великие княгини Ксения и Ольга, покинули Россию на английских военных кораблях. Ксения приехала в Лондон, где ее слуги, впервые увидевшие Георга V, обладавшего удивительным внешним сходством с Николаем II, упали на колени и стали целовать край его пальто, считая, что перед ними — чудесным образом воскресший русский царь. Ксения Александровна прожила последние 25 лет своей жизни в почете и уважении на деньги английской королевской семьи в доме, названном, возможно, не без оснований «Пустынным». Она умерла в 1960 г. в возрасте 85 лет. Ольга Александровна, младшая сестра Николая II, вела уединенный образ жизни до 1948 г. в Дании, затем переехала на маленькую ферму около Торонто. Здесь она жила столь замкнуто, что когда в 1959

г. королева Елизавета и принц Филипп пригласили ее на завтрак на борт королевской яхты «Британия», ее сельские соседи были страшно удивлены. Ольга Александровна умерла в ноябре 1960 г., на ферме близ Торонто, в возрасте 78 лет, спустя 7 месяцев после смерти своей сестры Ксении.

Среди русских великих князей, которым удалось уехать из России, был кузен царя Кирилл. По иронии судьбы, несмотря на то что он был первым Романовым, который нарушил присягу царю, возглавив гвардейский экипаж, покинул Царское Село и направился к Думе, Кирилл был старшим сыном старшей линии Романовых и, таким образом, являлся наследником Николая II. В 1924 г. Кирилл провозгласил себя Императором Всероссийским и основал свой «двор» в одной из деревень Бретани. В 1930 г. он приехал в Париж для проведения «военного парада», в котором участвовали 200 бывших офицеров императорской армии. Парад проходил в лесу в окрестностях Парижа. Он умер в возрасте 62 лет в американском госпитале в Париже. В наши дни его сын Владимир Кириллович, живущий в Париже, является главой дома Романовых¹.

¹ Ныне престолонаследником дома Романовых является десятилетний великий князь Георгий Михайлович, который в будущем может претендовать не только на Российский, но и на Германский, и на восстановленный Императором в изгнании Кириллом Грузинский престолы. — Прим. ред.

Одних влечет к себе волшебный мир балета, восхищает «душой исполненный полет», наши бабушки с почтением хранят память о вальсах и танго своей молодости... Их внуки уже освоили брейк и ламбарду, а кое-кто успел попробовать себя и в акробатическом рок-н-ролле. Об этом сравнительно новом для нас танцевальном виде спорта беседует наш корреспондент с руководителем Московского клуба акробатического рок-н-ролла Еленой Ананьевой.

И ПОСТЕПЕННО УХОДЯТ ВСЕ КОМПЛЕКСЫ...

— Лена, что такое акробатический рок?

— Если коротко — это все то, что свойственно и спорту и искусству. Ибо акробатический рок — это отточенность движений и пластика, совершенное владение своим телом и уверенность в себе, уважительное отношение к партнеру и зрителям, хорошая физическая подготовка и умение прекрасно танцевать... И все же главное, все-таки, наверное, не это...

— А что же?

— Что? Становление личности... Да, да, именно становление и именно личности! Ведь для того чтобы добиться хотя бы небольших успехов в акробатическом роке, надо каждый день самоотверженно работать над собой, преодолевая собственные слабости. А такой труд, поверьте, никогда не проходит для человека бесследно. Конечно, вы можете возразить, что многое зависит от таланта и природных способностей. Бесспорно, талант вещь великая

и при его наличии все дается гораздо легче. Но, во-первых, настоящих талантов не так уж много, а во-вторых, я знаю достаточно примеров, когда заложенный природой в человека талант так и оставался «вещью в себе», так как не был помножен на труд. Но оставим пока талант в покое. Как правило, он рано или поздно сам пробивает себе дорогу. Для меня как для тренера куда интереснее видеть, как люди, не очень одаренные от природы, с каждым занятием становятся все более уверенными в себе, более сильными, ловкими и как постепенно уходят все их комплексы. И, поверьте, для тренера становление вот таких «гадких утят» не меньшая, а, возможно, даже и большая радость, нежели самая яркая победа того или иного талантливого танцора. Видеть, как из вчерашнего нескладного молодого человека вырастает настоящий мужчина, джентльмен, если хотите, — это настоящее удовольствие, особенно если знаешь, что и ты причастна к этому...

— А каким образом акробатический рок учит молодых людей джентльменству, которого сейчас так не хватает?

— Самым непосредственным... Практически с самых первых шагов любой молодой человек начинает работать в паре с девушкой, и во многом их успех определяет то, какие между ними складываются отношения, поскольку от партнера часто зависит не только успех в танце, но и здоровье партнерши. Стоит ему дрогнуть или допустить в самый неподходящий момент ошибку — партнерша может получить тяжелую травму. И, поверьте, человек, который привык поддерживать партнершу изо дня в день на тренировках, обязательно «поддержит» ее в жизни. Да что там далеко ходить за примерами. Наверное, вполне достаточно будет сказать, что я сама вышла замуж за своего бывшего ученика и партнера... Ведь гораздо легче сделать свой выбор и остановиться на человеке, которого ты видел не только в радости, но и в самых затруднительных положениях. И, как мне кажется, именно этого сейчас и не хватает многим молодым парам, которые еще вчера уверяли друг друга в вечной любви, а через несколько месяцев бегут разводиться, не выдержав первых трудностей. И дело здесь, наверное, не столько в этих трудностях, а в том, что они как следует и не знали никогда друг друга...

— Как я вижу, у вас не толь-

ко спортивный клуб, но и своеобразное бюро знакомств...

— А почему бы и нет? Ведь к нам приходят не только юноши и девушки, но и взрослые, уже вполне сложившиеся люди, которые мечтают — и я в этом уверена — встретить своего будущего супруга. И спортивная дружба уж в любом случае покрепче какого-нибудь ресторанного знакомства...

— Лена, не могли бы вы сказать несколько слов о развитии нашего отечественного акробатического рок-н-ролла и о том, как вы пришли в него?

— Если говорить об акробатическом роке вообще, то надо сказать, что в мире сейчас существуют две основные школы этого танца: немецкая и итальянская. Первая отличается большей сдержанностью, а вторая — более динамичная и игривая. Как вы сами догадываетесь, в чистом виде этих школ в Союзе нет, поскольку нет и не могло быть в нашей стране профессиональных зарубежных тренеров. Мы до всего доходили сами. И здесь нельзя не сказать самых добрых слов об основоположнике русского акробатического рока Алексее Борисовиче Голеве, хорошо известном сейчас не только в нашей стране, но и за рубежом. Именно он, преодолевая невероятные трудности и пытаясь легализовать это гонимое в начале 80-х годов танцевальное направление, создал русскую школу акробатического рок-н-ролла — акророка. И только

в 1985 году ему удалось провести полуофициальный конкурс исполнителей в кафе «У фонтана» в Олимпийской деревне в Москве. Естественно, возникает вопрос: что же такое русская школа акробатического рока и чем она отличается от немецкой и итальянской? Я думаю, однозначно на этот вопрос ответить нельзя. Как показывает практика и как должно быть на самом деле, каждый человек изначально несет в себе какой-то присущий только ему стиль, который зависит от его физической конституции и психики. И все это, накладываясь на ту или иную школу, создает в свою очередь какую-то своеобразную подшколу. В целом я считаю, что русская школа все же ближе по своей сути к итальянской. Но и это еще не все. В каждой школе существуют три общепринятых деления на классы: А, В и С. «С» — самый низший класс, с обязательной минутной программой на хорошее владение техникой танца («техникой ног») и исполнением простейших полуакробатических трюков. «В» — более сложный класс, с двумя программами по две минуты на «технику ног» и акробатику — 5–7 трюков и бросков. И, наконец, высший уровень мастерства — класс «А», в котором исполняются уже 8 трюков, из которых два — сальто.

Для достижения высшего уровня требуются годы упорного каждодневного труда. Собственно, на этом уровне акророк

становится уже не занятием, а образом жизни, как это происходит при серьезных и профессиональных занятиях йогой или, скажем, так модными сейчас восточными единоборствами... К счастью, я понимала это с самых первых шагов в акророке. Правда, к Голеву я пришла уже с определенным уровнем подготовки, так как до этого довольно усиленно занималась балльными танцами, которые, кстати, безумно люблю и до сих пор...

— **И тем не менее...**

— И тем не менее я все же выбрала акробатический рок-н-ролл. Сначала я очень много выступала, но после рождения ребенка мне довольно трудно поддерживать необходимую для соревнований спортивную форму, а все время догонять уходящих вперед соперников — не в моем характере. И все же я не ушла из акророка, став практически профессиональным тренером. Надо сказать, нисколько не жалею об этом. Ведь я никогда прежде не предполагала, как важно ощущать, что ты необходим другим людям. Мне доверяют свои секреты, делятся планами, просят совета. И, когда мне удастся хоть немного кому-то помочь, я по-настоящему счастлива...

— **А как же физика?**

— Физику я выбирала несколько лет назад, когда поступила на физфак МГУ, и не могу сказать даже сейчас, что охладела к ней. Но... Скажите мне, много ли таких людей, ко-

торые в восемнадцать лет знали, на что они способны и в чем их истинное призвание? То же самое произошло и со мною. Выбрала физику, а нашла свое призвание совсем в другом, и за это я только благодарна судьбе, которой, наверное, все-таки виднее по большому счету, кому и чем заниматься в жизни.

— А какие перспективы у советского акробатического рок-н-ролла?

— Достаточно радужные. В последнее время отношение к этому танцу изменилось в лучшую сторону. Сейчас стало намного легче с арендой помещений, появились постоянные площадки для тренировок и выступлений. У многих клубов есть свои спонсоры, финансирующие не только покупку оборудования, одежды и обуви, но и зарубежные поездки. Много полезного для установления зарубежных контактов делают две московские федерации акробатического рока на базе Госкомспорта СССР и комитета профсоюзов. Помогают с рекламой телевидение, радио, газеты и журналы. Наверное, и мое интервью послужит своего рода рекламой для желающих заняться акробатикой. Более того, я думаю, что наша страна уже давно готова выйти на международную арену. В прошлом году советская пара Павел Гаврилов и Ирина Токарева завоевала две бронзовые медали на чемпионате мира и Кубке Европы среди профессионалов.

А другая пара из нашего клуба, Игорь Бабченко и Татьяна Бакланчикова, блестяще выступила со своей новой программой на отборочном туре последних международных соревнований исполнителей акробатического рок-н-ролла. В этом году мы надеемся увидеть на крупных международных соревнованиях в нашей стране известных танцоров из Польши, Чехословакии, Югославии, Австрии и Германии. Одним словом, все те, кто занимается сейчас акробатикой, могут рассчитывать на участие в самых различных по уровню и географии соревнованиях на кубки, медали и призовые места. Ну а тем, кто собирается заниматься акробатикой на любительском уровне, гарантирована практически постоянная хорошая физическая форма, что само по себе не так уж и мало.

— А если наши читатели заинтересуются акробатическим рок-н-роллом, как им вас найти?

— Я надеюсь, что пробудила у кого-то интерес к новому виду спорта. Но хочу сказать и о том, что у нас есть также секции классического рок-н-ролла, твиста и джаз-балета. Так что в нашем клубе каждому найдется занятие по душе. Желающие могут позвонить нам по телефонам: 422-82-54 и 154-42-66 по рабочим дням. Приходите к нам, дорогие друзья, мы ждем вас!

Беседу записала Вера ХИМИНА

ПРОБА ПЕРА

Марианна ЯСЕМЧИК, 19 лет
г. Люберцы Московской обл.

ПО РВАНЫМ ОТКОСАМ

Всего лишь черный силуэт
В дверном проеме
И дым горчайших сигарет
На черном фоне
Ночных небес. И синева
В глазах рассвета.
И продолжается судьба,
И пахнет летом.

Ни звезд, ни сонетов,
Ни лавра, ни терна,
Колелема ветром,
Склоняюсь покорно...
Весны колыбели,
Осенние весны...
Скорее, скорее —
По рваным откосам
Любви и веселья...

Уходит время
Невозвратно.
Сжимает бремя,
Слагает гимны.
Сжимает руки
Кольцом — вокруг горла,
Кому — теснее,
Кому — просторней.
Могилы роет
Под звуки маршей.
...Никто не вспомнит
Нас, в нем пропавших.

Мне хочется просто взойти на платформу,
Где летний сиреневый снег
Кружится покорно, фигурно, узорно
И тает на веках навек.

Мне хочется сделаться шепчущим лесом,
Чьи желтые листья грустны,
И в землю спуститься по лесенке песен,
Держась за перила Луны.

Печальна знания печать
На смолкнувших устах.
Кому — перо. Кому — свеча.
А мне — осколки, прах...

Кому — словами богатеть,
Божественным стихом,
Кому-то жить, кому-то петь,
Любить, смеяться и стареть
В отсутствии моем...

Мне кажется, что я схожу с ума,
Который мне — и стража, и тюрьма,
Который мне — заступник и палач,
Который не заплачет, как ни плачь.

Мне кажется, что солнце стало льдом,
И различаю я уже с трудом,
Какого цвета у тебя глаза...
И даже глаз закрыть уже нельзя.

ИЩУ ДРУГА

В адрес нашей рубрики приходит много писем от ребят, которые хотят переписываться со своими сверстниками из различных стран. «Хотел бы найти друга в Финляндии... во Франции... в Германии...» — таких писем мы получаем немало, но, к сожалению, такими адресами мы не располагаем. Но сегодня **ДЛЯ РЕБЯТ, ЗНАЮЩИХ АНГЛИЙСКИЙ**, мы публикуем адрес человека, который может помочь им найти друзей по переписке в США. Итак:

DANIEL RAVINSKY
842 Lighthouse Ave. # 5
Pacific Grove. CA 93950.
U. S. A.

По этому адресу надо послать письмо, в котором указать имя, фамилию, адрес, свой возраст, образование, интересы. Если вы уже окончили школу и работаете — укажите профессию.

Как правильно оформить письмо за границу? Вначале пишется адрес по-английски, в том порядке, как он напечатан в журнале; затем по-русски: «Даниилу Равинскому. США». На письмо надо наклеить марок на 50 коп. (впрочем, в наши дни всеобщего роста цен эту цифру стоит, пожалуй, уточнить на почте). И еще раз напоминаем — письмо должно быть написано **ПО-АНГЛИЙСКИ**.

Ну а теперь, как всегда, — адреса музыкальных фанатов. Начнем с поклонников Виктора Цоя и группы «Кино»:

315378, Полтавская обл., Кременчугский р-н, с. Максимовка, ул. Преглебова, 20. Шкурапет Тania (15 лет).

618422, г. Березники Пермской обл., ул. Юбилейная, 62, кв. 35. Файзулин Артем (14 лет).

357200, Ставропольский край, г. Усть-Джегута-3, микрорайон «Московский», 4/42. Гуля Х. (15 лет, хотела бы переписываться с ленинградцами).

252114, Киев-114, ул. Радомышльская, 32, корп. 5, кв. 24. Тania (14 лет).

И еще один адрес. Задумана книга о Викторе Цое, и ребят приглашают принять в ней участие. Пишите: 685000, г. Магадан, Главпочтамт, до востребования. Зуевой Элле.

Есть, как всегда, и поклонники зарубежных исполнителей. Сегодня среди них — фанаты...

...группы «Синдерелла»:

633128, Новосибирская обл., г. Краснообск, 1—111. Наташа (17 лет).

...группы «Бон Джови»:

624150, г. Кировоград Свердловской обл., ул. 40 лет Октября, 4—32. Наташа.

...группы «Депеш Мод»:

113546, Москва, ул. Медынская, 12, корп. 2, кв. 91. Зорина Юлия (17 лет).

183018, г. Мурманск, ул. Гагарина, 25, кв. 54. Золотарев Владислав (14 лет).

Ищут своих единомышленников поклонники...

...группы «Любэ»:

113149, Москва, ул. Сиванская, 6, корп. 1, кв. 11. Скворцова Аня (13 лет).

...группы «Кар-Мэн»:

301042, Тульская обл., Ясногорский р-н, с. В.-Красино. Бутузова Оля (15 лет).

...Александра Серова:

162618, г. Череповец, пр. Победы, 195, кв. 4. Юлия (15 лет).

...Филиппа Киркорова:

305029, Курск-29, ул. Красный Октябрь, 7, кв. 35. Лена П. (16 лет).

...Андрея Макаревича:

700096, Ташкент, ул. Байнал Минал, 57, кв. 48. Биренбаум Евгения (14 лет).

Ищет единомышленников 18-летний поклонник металлической музыки. Ему нравятся трэш метал, спид метал, трэш кор, хард кор, ядерный металл. Наверное, найдутся люди, для которых эти термины — не пустые звуки?

634041, г. Томск, просп. Комсомольский, 39/1, кв. 1. Чернявский Михаил.

Поклонник приключенческой литературы, не любящий группу «Ласковый май», хочет переписываться с девочкой, которой нравятся песни Майкла Джексона.

454128, г. Челябинск, ул. 40 лет Победы, 18, кв. 222. Денис (14 лет).

Любители стендового моделизма — ваш коллега из Новосибирска жаждет контактов. «Я люблю калякать на разные темы, чтобы скучно не было», — написал он нам.

630122, г. Новосибирск, ул. Лисейная, 31/4, кв. 80. Макаров Антон.

Сегодняшний выпуск получился «мужским», поэтому — для контраста — напечатаем адреса любителей индийского кино поголовно прекрасного пола:

232012. Литовская ССР, г. Вильнюс, ул. Жирмуну, 30—6. Клеова Наташа (15 лет).

623530, г. Камышлов Свердловской обл., ул. Наконовская, 71, кв. 1. Захарова Наташа (13 лет).

663200, г. Игарка Красноярского края, ул. Папанина, 4, кв. 8. Алена (15 лет).

Пришли письма и в наш «живой уголок». 15-летняя владелица ирландского сеттера хотела бы переписываться с теми, у кого есть такая же собака.

212004, г. Могилев, Витебский пр., 9, кв. 18. Чернова Ксюха.

Еще любительница собак, особенно — коли:

357532, г. Пятигорск, ул. Панагюриште, 8, кв. 26. Филиппова Светлана (14 лет).

«Мое главное пристрастие — сиамские кошки», — написала нам 14-летняя девочка.

620147, г. Свердловск, ул. Решетникова, 18, кв. 201. Мурзаева Марианна.

«Я ищу своих тезок — однофамильцев, родившихся 23 января 1976 года». Интересно, такие найдутся?

712032, Узбекская ССР, г. Фергана, ул. Азербайджанская, 183, кв. 6. Андреева Оля.

Офицерская доблесть. Офицерская честь. Эти понятия, наверное, и привлекли в профессии военного 18-летнего юношу — курсанта военного училища. А еще он увлекается рукопашным боем и современными танцами, особенно ламбадой.

310165, г. Харьков, ХВВАУ-РЭ-«С». Гришанов Валерий.

Ваших писем ждут:

686135, п. Хасан Магаданской обл., ул. Геологов, 10, кв. 4. Лена П. (15 лет).

423802, г. Набережные Челны, д. 10/24-70. Ушаков Руслан (11 лет, любит фильмы с участием Брюса Ли, Чака Норриса).

394079, г. Воронеж, п. Сомово, ул. Дубовая, 14. Пучкова Кристина (15 лет, любимый писатель — Агата Кристи, ненавидит «Ласковый май»).

290032, г. Львов, ул. Пасечная, 96, кв. 67. Цунивский Володя (15 лет, занимается горнолыжным спортом, пишет о себе: «Я симпатичный мальчик»).

ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!

Рубрику ведет
Нина ТИХОНОВА

ПАУЧЬИ СКАЗКИ

Фото Александра ШИШКИНА

Группа «Коррозия металла» под предводительством Сергея Троицкого по прозвищу Паук родилась в 1985 году. Поначалу, естественно (смотри год образования), обреталась в андеграунде. Первый, конечно же, скандальный концерт дала в московском жэке № 2. Впрочем, нынче, по счастью, проходит мода все ругать милицию и общественность, когда те не радуются разгулявшемуся буйству молодежи. Предельная взвинченность — органичное состояние металлической публики и артистов на кон-

церте. Только и сегодня, когда администрация уже научилась демократично относиться к сатанинскому року и вожделенно поглядывает на одну из самых популярных, собирающую тысячки в период концертного затишья «Коррозию», по-прежнему пугают фэны, способные в азарте разгромить здание на значительно большую сумму, чем дадут сборы с продажи билетов. Для металлопроката по-прежнему не так много удобных мест.

Вопреки этой и другим проблемам (а у кого, скажите, их нет?)

«Коррозия металла» по сю пору сохранилась почти в первоизданном составе музыкантов, собравшихся из разных групп. Троицкий выполняет функции менеджера, бас-гитариста, вокалиста, пишет тексты на русском, английском и немецком языках, а также музыке, хотя в этом ему активно помогают коллеги. Сергей Высоков по прозвищу Боров — лидер-гитара и лидер-вокал. Роман Лебедев (Костыль) — гитара. Позже пришел барабанщик Александр Бондаренко (Ящер). Им примерно по 24 года.

Название «Коррозия металла» символизировало нетрадиционный авангардный путь группы в металлургии. Точнее, менее распространенный у нас. Такие команды, как «Ария» или «Черный кофе», придерживаются более рафинированного тяжелого рока. «Коррозия» заявила о своей усиленной резкости. Стиль — трэш, спид. Элементы панка, перекидывающиеся и в увлечение зрелищностью, возводят замозильную мифологию из обозначения в мощное пиршество.

Так и разделились. В июне 1989 года по инициативе Паука в качестве независимой фирмы открылась корпорация тяжелого рока «Коррозия металла», которая вот уже два года подряд в марте проводит фестивали «Железный марш». А рядом затеялся как бы альтернативный фестиваль, заимствовавший западное название «Монстры рока». Впрочем, вражды между группировками нет, они вполне могут выступать и вместе.

На мой взгляд, достоинство «Железного марша» не только в том, что разово корпорация приурочивала к фестивалю одноименный «боевой листок», который грозит перерасти в журнал получше «Метал Хаммера». Это-то как раз все вилами на воде писано. «Коррозия» выводит на свет менее известные металлические группы, такие, как «Див», «Кронер», «Кантор» (да не обидятся поклонники, кем эти команды любимы, однако, поверьте, с популярностью у них не такой порядок, как хотелось бы).

«Коррозия металла» выпустила три магнитоальбома: «Власть зла» — 1985 г., «Орден сатаны» — 1988 г. и «Русская водка вокруг ада» — 1989 г. Сейчас в работе четвертый альбом «Я — президент». Он готовится на английском языке, но планируется и русскоязычный вариант.

Хит «Коррозии» «Рашн водка» вошел в сборник советского металла, вышедший во Франции под названием «Дестройка». В Нью-Йорке выпущена сорокатычка с записью в исполнении «Коррозии» трэш-версии одной из песен Боба Дилана. На «Мелодии» подготовлен диск — сборник композиций «Коррозии», куда вошли работы из «Ордена сатаны», «Русской водки» и пара новых сочинений.

Из зарубежных гастролей группы — Югославия, Германия, трэш-фестиваль в Польше и концерты в швейцарском городе Базеле вместе с «Блэк саббат».

Это фактология. Но чем же все-таки привлекает металл во-

обще и «Коррозия» в частности?

Если взглянуть хотя бы на названия композиций, то уже замечаешь, что молодежь так или иначе откликается на житейскую дьяволиаду. В своих шоу «Коррозия» к тому же делает это отношение более чем наглядным.

Поначалу, на мой вкус, в «висьельном шоу», когда на сцене линчевали чучела Сталина и Брежнева, получалось прямолинейно. Металлический «театр ужасов» изначально задуман хитрее и тоньше. Вроде бы и сказка, да с моралью. Вроде бы провокация, но всерьез купится только дурак. И уж во всяком случае жуткая игра в кладбище, ад и психушку кажется пасторалью на фоне окружающей реальности. Если, конечно, позволить публике домыслить самой, а не по-совковому тащить политиллюстрацию на сцену.

Нынешнее секс-шоу «Коррозии» вызывает массовый восторг. Это зрелище действительно крепче. Точна и замечательна сама идея: сопоставить предельные состояния человека — интимную страсть и смерть. В транскрипции данного сопоставления «Коррозии» не возникает аналогии с предложениями в том же направлении маркиза де Сада. Только в том смысле, что «любовь — кольцо», страстное желание граничит с ненавистью, а смерть, в конечном счете, одна из ипостасей жизни.

В качестве панацеи от выморочной агрессивности секс-металл-шоу рекламирует полную раскрепощенность. Ну в самом

деле, за что ненавидеть, если тебе не отказывают, а предлагают любовь? Да и смерть становится не такой страшной, хотя артисты и таскают по сцене гроб, фланируют в устрашающих черных балахонах, тянут в зал костлявые руки скелетов или подмигивают пустыми глазницами черепов. На фоне огромной паутины и креста, увенчанного тремя козлиными головами, вся эта утрированная перенасыщенность ужасами смотрится детской сказкой, забавным триллером.

А уж обнаженные девушки под предводительством сдобнотелой супруги Паука Жанны настолько пышут здоровой жизнерадостностью, что это может казаться более или менее эстетичным, положим, но, во всяком случае, очень оптимистично.

Охотниц принять участие в шоу «Коррозии» набежала уйма, так что постановке предшествовал суровый конкурсный отбор. Баллотировались и порой выигрывали соревнования всевозможные «мисс» — красавицы, очаровательницы и фотомодели районного, городского и союзного масштабов. Паук вновь заявил свою задачу как альтернативную. Его, на мой взгляд, справедливо раздосадовало, что на курсах красоты речь идет об идеальных фигурах и чертах лица без учета истинной женственности. Своим шоу Паук протестует против фригидности, и правильно.

Изначально «Коррозия» выдвинула два лозунга, связанных с шоу: повышение рождаемости

и борьба против СПИДа. С пропагандой первого при нынешних ценах и зарплатах группе стоит попридержаться. А вот в эффективность достижения второй цели средствами, предложенными группой, многие не поверили. В самом деле, свободная любовь вроде бы провоцирует венерические заболевания. Только это как понять. Если речь идет о той степени страсти, о которой повествует шоу Паука, вряд ли возникнет проблема хаотической смены партнеров, что, как известно, является признаком неудовлетворенности и эмпирическим поиском идеала. Как тот акын из анекдота, который бренчит на одной струне, Паук рассказывает не о поиске, а о том, что он уже нашел, в восторге от своей находки, чего и всем желает.

Объясняя смысл своего выступления, он формулирует по обыкновению резко. Театр для того и создан, говорит он, чтобы и артисты, и зрители испытывали в процессе представления оргазм. Конечно, несколько буквально, по-театроведчески это испокон называлось «катарсис». Но по сути точно.

И для начала возрождения этого забытого и в жизни, и в искусстве чувства совсем неплохи металлические сказочки. А уж кто неправильно поймет, зачем на сцене пляшут Люцифер с вампиром и Каннибал с санитарями дурдома, так искусство, как и жизнь, за безмерность глупости ответственности не несет. Металл, как любой другой жанр, хо-рош для умных людей.

НА УРА!

Вероятно, от бессилия выявить своеобразие нынешних советских эстрадных музыкантов прижилась привычка подбирать для них зарубежные аналоги. Состоятельность подобных сопоставлений напоминает замечание Михаила Жванецкого: «Если других тувель не видал, наши вот такие» (большой палец вверх). И все-таки как попеняешь обитателям нашей бескрайней: если нет у них настоящего Дитера Болена, то есть «свой Болен» — так порой называют Алексея Глызина.

Глызин родился на окраине Москвы, в районе Лосиноостровской, что за ВДНХ. Родился давно. Вообще-то последнее время зрители борются за лицезрение на подмостках сверстников и было взялись с заведомой подозрительностью относиться ко всякому выходцу из бывших официозных ВИА. Не сильно ошибаясь в расчете обмануть, ансамбли переименовываются в рок- и поп-группы, меняют названия, распадаются на солистов, заявляя «новые» имена. В конце концов те же ВИА были в свое время

единственной возможностью легально выразить свое увлечение «Битлз».

Во всяком случае, так было для Алексея Глызина. Он в детстве не только пел с родителями на дачной террасе, не только ображал себя концертирующим пианистом, посещая музыкальную школу по классу фортепиано, но начал мастерить самодельную электрогитару с колонками. После восьмилетки решил, что в этих навыках поможет радиоаппаратостроительный техникум, где и проучился три года. Однако незадолго до окончания и распределения ушел и пристроился в мытищинский ансамбль играть на танцах.

Лично я уважаю стремление любителей к профессионализму, которое наблюдалось когда-то, а нынче почти вовсе иссякло. Все же не без пользы «терроризировали» музыкантов всевозможные «цензоры» вопросом: «Диплом имеется?» Многие мои знакомые и по андеграунду, и по официозу, среди них Глызин, чтобы «не дразнить гусей», пристраивались хоть в какое-нибудь музыкальное учебное заведение. Знаменитой в этом смысле крышей было Тамбовское музучилище. Обучение заочное. Хочешь — получай знания, не хочешь — диплом, в общем-то, можно добыть и «малой кровью». Глызин, правда, перешел оттуда в Московский институт культуры и почти буквально трубил там первое время на дневном отделении эстрадно-духового факультета.

Опять-таки, как ни ругай служ-

бу в армии, но и она стимул к учебе. Впрочем, в равной мере и прерывает учебный процесс, принуждая терять квалификацию, если, конечно, не пристроился и там по специальности. Алексей служил на Дальнем Востоке, близ китайской границы, младшим авиационным специалистом. Потом все-таки взяли в музыкальный взвод.

А затем открывается тот самый послужной список, который выдает, что Глызин не вчера и не вдруг появился на эстраде. Работал в Чечено-Ингушской филармонии в ансамбле «Верность». Вновь вернулся в Москву играть на танцах. Потом — ВИА «Добры молодцы», с которыми в 1976 году Глызин стал лауреатом конкурса «Красная гвоздика» в Сочи. После — «Самоцветы» с Маликовым и Пресняковым старшими. Амурская филармония — ансамбль «От сердца к сердцу». ВИА «Ритм» и «Веселые ребята», где Глызин встретился с начинающей тогда Аллой Пугачевой.

Молодые вряд ли знают, но все перечисленные ансамбли были весьма популярны в те времена. Сегодняшним юным, вероятно, смешно было бы увидеть их где-нибудь в телепередаче «Это было, было...» Чуть-чуть приближались к сегодняшнему стилю разве что «Веселые ребята», хотя их тогдашний «а ля рюс» был куда мягче, наивнее и «правильнее».

Сказать, будто Глызин пользовался большим успехом уже в те годы, — сильно преувеличить. Не

Фото Дмитрия ЛОВКОВСКОГО

случайно он часто менял команды, надеясь выдвинуться со вспомогательных ролей. Конечно, артист сделал смелый шаг, затеяв собственную группу «Ура!». Хотя произошло это все же не только от великой страсти обнаружить собственное лицо, но на общей волне — бывшие ансамбли распались.

Сегодня Алексей утверждает, что исполняет мелодический рок и тяготеет к харду. Это самое правильное, что нынче надо утверждать, тем более что самостоятельный слушатель вряд ли

обнаружит отчетливые черты рока в эстрадных песенках, которые сочиняет для Глызина барабанщик группы «Ура!» Виктор Чайка на слова Симона Осиашвили. Иногда репертуар дополняется песнями Игоря Крутого.

Вот, собственно, и все о человеке, в котором я вижу мало сходства с Дитером Боленом. Однако, почему бы не понадеяться, что имя — Алексей Глызин — будет известно не только сегодня и завтра и не только почетельницам, но и широкому кругу ценителей эстрады.

44-61

В 1992 ГОДУ
ЖУРНАЛ
ПУБЛИКУЕТ

Цена 1 руб. 20 коп.
Индекс 70554

произведения советских и зарубежных авторов,
детективы, приключения, фантастику

НА НАШИХ СТРАНИЦАХ
романы Владимира Железникова «Зверинец»,
Льва Кожевникова «Олимпия»,
повесть Леонида Жуховицкого
«Любовь и секс в эпоху перестройки»

роман известного американского писателя Германа Вука
«Городской мальчик»

остросюжетные романы Алистера Маклина «Кукла на цепи»,
Лэна Дейтона «Лошадь под водой»,
Шарля Эксбрая «Инспектор умрет одиноким» и другие произведения

в рубрике «Зарубежная фантастика» —
роман Эндрю Нортон «Да здравствует лорд Кор»

цикл очерков Владимира Чередниченко
«Как я воспитывал наркоманов в Германии»,
эссе Леонида Жуховицкого «Молитва атеиста».

Нам обещали свои новые произведения Владимир Богомолов,
Леонид Словин, Аркадий Вайнер, Юрий Нагибин.

Журнал знакомит со звездами отечественной
и зарубежной рок- и поп-музыки, спорта, театра, кино,
а также представляет на своих страницах
«Энциклопедию тяжелого рока» Андрея Кокарева
и документальное повествование Николая Солдатенкова
«Звезда по имени Цой»
(неизвестные факты, уникальные фотографии).

Журнал публикует рассказы, стихотворения и письма читателей,
адреса тех, кто ищет друга.